

*Дружатся
Корней*

**ВОЛОГЖАНЕ
О ВОЛОГДЕ**

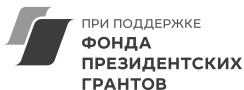
Вологодская городская патриотико-краеведческая
общественная организация «Держаться корнями»

ВОЛОГЖАНЕ О ВОЛОГДЕ

12+

Вологда
 Древности
Севера
2022

УДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)
В68

Проект «Вологжане о Вологде» реализуется Вологодской городской патриотико-краеведческой общественной организацией «Держаться корней» при поддержке Правительства Вологодской области при финансировании Фонда президентских грантов.

Партнеры проекта: МБУК «Централизованная библиотечная система города Вологды» и МКУ «Центр по работе с населением».

Редакционная коллегия: *В. А. Яцкевич* (главный редактор),
М. Ю. Глазов, А. В. Мартыненко, А. И. Сазонов, Е. В. Пологих.

В книге использованы фотографии,
предоставленные авторами воспоминаний.

В68 **Вологжане о Вологде** / Вологодская городская патриотико-краеведческая общественная организация «Держаться корней»; [В. А. Яцкевич (главный редактор) и другие]. – Вологда : Древности Севера, 2022. – 239 с. : ил. – 12+

ISBN 978-5-93061-195-3

Сборник «Вологжане о Вологде» – возможность взглянуть на историю города глазами его жителей, рассказывающих о том, каким он был во времена их детства, юности, каким видится им сегодня. Эта книга – признание в любви к Вологде в ее юбилейный 875-й день рождения.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей города Вологды.

УДК 94(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-93061-195-3

© ВГПКОО «Держаться корней», 2022
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глазов М. Ю.</i> Вступительное слово	5
<i>Десятков Н. Д.</i> Вологда – город моего детства	6
<i>Кошелева М. Н.</i> Жили на Волге – стали вологжанами (история одной семьи)	16
<i>Кириллова Т. К.</i> Здесь госпиталь когда-то был	22
<i>Зарубина Г. С.</i> Мой любимый город	25
<i>Рыжкова А. В.</i> Детство у реки Вологды	26
<i>Постоева М. С.</i> Как мы жили во время войны	35
<i>Ламова Н. А.</i> Военстрой	37
<i>Камкова (Замятина) А. А.</i> Трудные, но счастливые годы	40
<i>Прозорова Г. В.</i> Мое военное детство	49
<i>Курмелёва (Шахова) Э. В.</i> История дивного поселка и Вологодского паровозовагоноремонтного завода	50
<i>Соловьёва-Шульгина Н. А.</i> Вологодские улицы моего детства (1940–50-е годы)	55
<i>Глембоцкая С. В.</i> Мой родной дом	60
<i>Обоева М. М.</i> На пароходе	66
<i>Глазова Т. Н.</i> Моя Вологда	68
<i>Олейник Л. П.</i> Детство в Заречье	70
<i>Назарова (Ваганова) Н. П.</i> Не забывайте свое детство	74
<i>Соловьёва Н. Н.</i> Деревянная Вологда	83
<i>Тераевич Т. Б.</i> Детство в родной Вологде	87
<i>Городкова (Левинская) Е. К.</i> Как мы озеленяли город	91
<i>Булыгина В. А.</i> Парк Мира	93
<i>Зубарева Е. Г.</i> Вологодский «Теремок»	95
<i>Михальская Г. Г.</i> Власти тогда были страшные, а люди добрее	97
<i>Кузнецова Л. Б., Маслахова С. П.</i> Наша улица родная	101
<i>Тюпина Г. В.</i> Дом моего детства	103
<i>Корнеева О. В.</i> Мое детство в Вологде	106
<i>Чичиланова (Кашинцева) Л. А.</i> Вологда в 50–60-е годы	111
<i>Глазов В. А.</i> Воспоминания о Вологде	115

<i>Борисова Т. Р.</i> Детство на Мелькомбинате	122
<i>Глазова (Мизгирёва) Р. С.</i> Детство в поселке Водников	124
<i>Полевикова (Майорова) Л. Н.</i> Елки моего детства	130
<i>Юхтина (Захарова) О. М.</i> Вологда нашего детства	136
<i>Зайцева Л. К.</i> Вологда железнодорожная	141
<i>Невзорова Н. Ф.</i> Две незабываемые истории	144
<i>Сазонов А. И.</i> Это было недавно, это было давно	146
<i>Бриш В. Н.</i> Улицы детства 40–50-х годов	148
<i>Журавлёва Н. М.</i> Вологда – город высокой культуры	152
<i>Храпов Н. Н.</i> История одной фотографии	153
<i>Охотникова Т. Р.</i> Заречье – мир нашего детства	155
<i>Белков В. С.</i> Повесть о Вологде	160
<i>Журавлёва А. Н.</i> Встречи с Николаем Рубцовым	167
<i>Пьянкова Т. М.</i> Город детства	170
<i>Веселовский Ю. И.</i> Строительство в Вологде	171
<i>Гребенщикова О. А.</i> Раньше жизнь была другая	174
<i>Буюкли Н. А.</i> Наше счастливое детство	176
<i>Колыгина Н. А.</i> Три дома в моей судьбе	177
<i>Никитина (Архипова) Е. Г.</i> Чудесный фонтан	184
<i>Виноградова (Ехалова) В. Н.</i> Вологодская старина	186
<i>Лебединская Т. А.</i> История глазами преподавателя и студента	188
<i>Сазонов А. И.</i> «Большое видится на расстоянии»	192
<i>Казанцева А. И.</i> Вологда в моей судьбе	202
<i>Проничева Т. В.</i> Наше студенческое общежитие	212
<i>Котов А. А.</i> Лыжня здоровья для вологжан	214
<i>Узорова Е. А.</i> Вологда – чистый город	218
<i>Яцкевич В. А.</i> Трудные времена перестройки	220
<i>Пологих Е. В.</i> Я стала вологжанкой	228
<i>Городецкий С. Н.</i> Тянет на родную Вологодчину	232
<i>Трофимова Т. А., Корюкина М. А., Лашина М. А.</i> Простой рабочий человек	236
<i>Васьянова Е. Н.</i> На праздничной демонстрации	237

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Город – это не только здания и улицы, а прежде всего люди, его жители, их судьбы, истории...

Казалось бы, сколько умных слов сказано на эту тему и будет произнесено еще. Однако последнее время меня не покидает мысль о том, что в наш век высоких скоростей и передовых информационных технологий мы порой не замечаем что-то важное рядом, проносимся мимо, полагая, что в стремлении успеть все и заключается наша жизнь.

Сегодня в Вологде издается немало книг именитых вологжан, с исторической точностью доносящих до нас события минувших дней, однако, на мой взгляд, помимо академических трудов, источниками краеведческой информации, пусть и не столь далекого прошлого, могли бы стать воспоминания-истории простых вологжан, которые живут рядом с нами на одной улице, в соседнем дворе, может быть, даже в одном подъезде. И которые, кстати, сами никогда бы не решились их опубликовать, не будь им предложено. И мы предложили...

Сборник «Вологжане о Вологде» – это предложение замедлить темп, оглянуться назад, не спеша привести свои мысли в порядок, вспомнить о прошлом, поразмышлять о будущем. В нем мы постарались собрать воспоминания вологжан разных лет, поместить под одной обложкой повествования о том, как жили, любили, строили, мечтали горожане прошлых лет, предоставить желающим своеобразную трибуну, чтобы рассказать о Вологде и о себе! Надеемся, читатель получит удовольствие от погружения в уютную вологодскую атмосферу, созданную нашими уважаемыми авторами.

Мы поздравляем Вологду с 875-летним юбилеем и желаем будущим поколениям вологжан любить и беречь родной город!

*Михаил Юрьевич Глазов,
автор проекта «Вологжане о Вологде», председатель
Вологодской городской патриотико-краеведческой
общественной организации «Держаться корней»*

Николай Дмитриевич Девятков (1907–2001)

ВОЛОГДА – ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

*Николай Дмитриевич
Девятков. 2000 год*

Наш земляк Николай Девятков – академик, лауреат Сталинской и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, директор крупного научно-исследовательского института, награжден орденами за свои изобретения в области электроники. Николай Дмитриевич был свидетелем и участником трагических и победоносных событий в нашем Отечестве. Незадолго до своей кончины он издал книгу о своей жизни (Девятков Н. Д. Воспоминания. М., 1998. 160 с.). Здесь помещены фрагменты его воспоминаний о детстве в родном городе.

Город моего детства

Родился я в старинном русском городе Вологде в 1907 году. Отец мой, Дмитрий Кириллович, был коренной вологжанин. Мама, Лидия Ивановна – уроженка города Пошехонье. Семья у нас была большая: мой брат Иван, сестра Елена, брат Дмитрий и я.

Мои детство и юность, до окончания средней школы, прошли в родном городе. Дома в Вологде в большинстве были деревянные. Некоторые из них очень хорошей архитектуры, с красивыми фасадами, украшенными стройными деревянными колоннами. Тротуары, или, как их называли, мостки, были неширокие, из досок. Все главные улицы замощены булыжником, остальные были земляные. На многих улицах перед домами палисадники, огороженные деревянными заборами, в них росли сирень и другие декоративные кустарники. Вообще, как мне теперь представляется, город был уютный, с большим количеством зелени и травяных покрытий.

К центру города текла небольшая речка Золотуха, которая впадала в реку Вологду. Речка была маленькая, во многих местах ее можно было перескочить без больших усилий. На ее левом берегу был так называемый Сенной базар, на который из деревень привозили возы сена и соломы для продажи. У жителей города было много коров и лошадей, так что такой базар был крайне необходим.

Жили мы в большом старинном доме на Золотушной набережной. Дом был двухэтажный, с мезонином. На улицу выходила стена дома с пятью окнами. Фасад же дома выходил в большой двор. Самой красивой частью дома было парадное крыльцо. Оно было высотой в два этажа и сильно выдавалось в виде куба во двор. Нижний этаж дома был каменный, верхний – деревянный, парадное крыльцо все деревянное. По преданиям, существовавшим в нашей семье, дому было более 200 лет.

В нижней, каменной части дома были склады. Их мой отец сдавал вологодским купцам, торговавшим продуктами. В какие-то давние времена к основному дому был пристроен двухэтажный каменный корпус, заканчивавшийся одноэтажной кузницей. В нижнем этаже этого корпуса размещались мастерские: слесарная, столярная и малярная.

В нашем роду главы семей в нескольких поколениях занимались изготовлением различных экипажей и ковкой лошадей. Мой отец в своих экипажных мастерских также производил пролетки, шарабаны, двуколки, линейки, беговые дрожки, легкие сани, кареты и возки. По договорам с пожарными частями города после каждого пожара ремонтировали различные пожарные экипажи. Пожаров было много, и, учитывая, что мостовые были булыжные и с ухабами, поломок пожарных дрог и экипажей было предостаточно.

Рабочих у отца, насколько я помню, было немного: три мастера и несколько молодых учеников. Сам отец тоже работал в мастерских и кузнице. Я помню, как он в рабочем фартуке трудился в слесарной мастерской, а иногда и ковал лошадей. Но, конечно, много времени уделять работе в мастерских он не мог, так как сам должен был принимать заказы на изготовление и ремонт экипажей, вести все расчеты и обеспечивать мастерские необходимыми материалами. Кроме того, он принимал активное

участие в управлении городом на общественных началах. Отец пользовался большим уважением и авторитетом в городе.

На втором этаже каменного корпуса размещались три квартиры, в которых жили мастера со своими семьями. Там же было общежитие для молодых рабочих-учеников, столовая и кухня, в которой кухарка готовила завтраки, обеды и ужины для рабочих, живших в общежитии. У отца не было канцелярских служащих. Всю канцелярию он вел сам, и сам же производил расчеты с рабочими. Я помню, у него был кабинет, в те времена он назывался конторой. В ней отец по вечерам вел записи в толстых канцелярских книгах. Я любил сидеть тихо и наблюдать, как он что-то пишет. Каждую субботу он выдавал заработную плату рабочим.

С шести-семи лет мне уже не запрещалось заходить в мастерские и бывать в кузнице. Меня туда тянуло. Очень интересно было наблюдать за работой столяров, когда у них из-под рук, в которых был рубанок, тянулись длинные спиралеобразные ленты стружек, или смотреть, как на токарном станке с ножным приводом обтачивали деревянные втулки для колес экипажей...

Но самым моим любимым местом была кузница. Около кузницы были станки для ковки лошадей. Они представляли собой вертикальные столбы, четыре на каждый станок для одной лошади. В станок заводилась лошадь, привязывалась к одной из перекладин уздой. Кузнец очищал копыта кривым ножом и снимал мерку, по которой в кузнице выковывал подкову. Затем горячую подкову прикладывал к копыту, при этом копыто немного подгорало и подкова плотно с ним соприкасалась. Забивалось несколько подковных гвоздей, после чего копыто зачищалось крупным напильником. На этом операция ковки одной ноги заканчивалась. Приходит в голову мысль: ведь с тех ранних детских лет я никогда не видел, как куют лошадей, значит, все, что я наблюдал тогда, запомнилось на всю жизнь. Удивительна человеческая память!

В семье я был самым младшим: разница в возрасте со старшим братом была 11 лет, с сестрой – 9, со вторым братом – 6 лет. Так что общих интересов у нас не могло быть, и я проводил большую часть времени один. Но в пределах нашего большого двора дел у меня находилось много, и мне не было скучно.

Двор ограничивался с одной стороны домом, а напротив дома, с другой стороны, шла длинная линия каретников (так на-

зывались помещения с широкими воротами, в которых стояли готовые экипажи). Таких каретников было три или четыре. Затем шли конюшня и помещение, где стояла корова и жили куры. Дальше был погреб, который каждую зиму набивался льдом, привозимым с реки Вологды. За погребом был еще один сарай – дровяник. За дровяником был большой городской сад, который тянулся до Власьевского переуллка перпендикулярно к Золотушной набережной.

Сад был большой, запущенный, очень тенистый: там росли огромные липы, вязы и еще какие-то деревья, было очень много кустов сирени и бузины, а также крапивы и репейника. Нас, ребят, не очень тянуло в этот сад: там было как-то мрачно и страшновато. Нам казалось, что там обитают какие-то существа, которых мы побаивались.

К саду примыкал большой участок земли, на котором было «Садоводство Зикера». Хозяин был эстонец, как садовод он славился на всю Вологду. У него было несколько теплиц, довольно много парников и открытых грядок. Он выращивал и продавал много очень красивых цветов, даже участвовал, насколько я помню, в каких-то выставках цветоводов. Кроме того, у него выращивались помидоры – в то время еще малоизвестные овощи. Они были крупные, аппетитного вида, но на наш тогдашний вкус несъедобные. Он же и его жена ели их с большим удовольствием, как яблоки. Я любил бывать у Зикера и наблюдать, как они с женой делали очень аккуратные грядки, высаживали цветы. Особенно привлекательно было в теплицах, где круглый год цвели прекрасные цветы.

В Вологде было много церквей. В пяти километрах от города находится поселок Прилуки, в нем старинный монастырь, окруженный каменной стеной с башнями, с замечательной архитектуры храмами. В 60 километрах к северу от Вологды – большое Кубенское озеро; недалеко от него – Кирилло-Белозерский монастырь.

Очень смутно, но все-таки вспоминается (а может быть, это уже по рассказам мамы), как мы однажды летом ездили в Семистрельную: там находилась церковь, которую мои родители очень почитали. Это было километрах в 12–15 от города. Церковь стояла на холме, а внизу протекал ручей, через него

был деревянный мост. Ехали мы на линейке, это своеобразный экипаж на четырех колесах.

На спуске к ручью на ухабе нас сильно тряхнуло, я слетел с сиденья и попал на дорогу под линейку. Был страшный переполюх, меня вытащили, и оказалось, что я жив. Об этом моем «полете» у нас дома долгое время ходила легенда, что через меня проехало заднее колесо линейки, и на груди у меня была розовая полоса, и что после молебна, который отслужили в церкви, я пришел в себя, перестал реветь, и все мои кости оказались целы.

Пригородная дача

В 1911 году мой отец решил построить дачу. Был куплен участок земли примерно 0,5 гектара на пологом склоне небольшого холма. Внизу протекал ручей, впадающий в речку Шограш, находящуюся примерно в 300 метрах от нашего участка. Также примерно в 300 метрах был поселок Варваринское с церковью. Места около нашего дачного участка были очень красивые. На другой стороне речки Шограш холмы были покрыты ельником, в котором было много белых грибов, а по склонам холмов на опушке леса мы собирали рыжики. С других сторон участка были поля и смешанный лиственный лес.

Ехать из Вологды к нам нужно было по Пошехонке – так называли дорогу от Вологды до города Пошехонья. Проехав от окраины Вологды 5 километров, сворачивали на проселочную дорогу и, проехав примерно 2 километра, приезжали в Варваринское*.

При проектировании дома отец рассчитывал, что после того, как мы все вырастем и дача будет не нужна, передать дом под сельскую школу. Поэтому и планировка дома предусматривала расположение комнат на первом этаже, удобное для учебных занятий, а на втором этаже – для жительства двух учителей. Близлежащие деревни Болтино, Рубаново и поселок около церкви могли бы обслуживаться этой школой.

Дом строился таким способом: сруб готовился у нас во дворе вологодского дома, затем соответственно помеченные бревна

* Местность, которую описывает Девятков, сейчас называют Кирики, поскольку здесь когда-то стояла церковь, посвященная святым мученикам Кирику и Иулитте. Сейчас здесь много дачных построек, но окружающая природа по-прежнему привлекает вологжан (*прим. ред.*).

перевозились в Варваринское, а там собирался весь дом и строилась крыша. В 1911 году, когда работали плотники, мне шел пятый год, но я хорошо помню, что мне очень нравилось, как они работали топорами, обтесывая бревна, и очень аппетитно в обеденный перерыв ели колбасу с ситным хлебом, запивая чаем из железных кружек.

Когда первый раз мы выехали летом на свою дачу, то там около дома, конечно, еще было очень пусто. Мы посадили молодые липки и разные кустарники и, конечно, цветы на клумбах. Только в конце участка, около ручья, росло несколько больших деревьев, сохранившихся от леса, который когда-то покрывал весь холм. Это место у нас называлось «наш лес», и там иногда даже находили грибы. Наибольшее удовольствие, насколько я помню, я получал, когда с братом Митей ходил на речку Шограш (одному ходить туда было запрещено). Там можно было плескаться в воде, ловить рыбу прямо руками. Рыбешка была очень мелкая и ходила целыми стаями. Речка была мелкая с отдельными боготами (местное название омутов), дно песчаное и много мелких камешков. Берега заросли ивой и ольхой. В боготах можно было купаться и даже учиться плавать. Около дома была площадка, где старшие играли в крокет. Когда никто не играл, мне разрешалось гонять крокетные шары, что было тоже очень увлекательно. Но самым интересным было ходить с мамой в ельник на другой берег Шограша и собирать рыжики: их там бывало много, росли целыми «мостами».

Название «Варваринское», по-видимому, произошло от названия помещичьего имения, которое когда-то занимало большие площади на берегах реки Шограш. На левом берегу был большой парк и усадьба. Уже в те годы от помещичьего дома и различных построек не сохранилось почти ничего, только в заросшем парке местами были следы каких-то развалившихся каменных фундаментов. Церковь, которая, по-видимому, входила в пределы имения, и несколько домов около нее сохранились. Церковь была действующая, в одном из домов жил священник со своей семьей.

Венчание

В этой церкви в 1917 году состоялось венчание Сергея Есенина и Зинаиды Райх. Это было летом, когда вся наша семья жила на даче в Варваринском. Мой брат Дмитрий был шафером на этом

венчании. Я тоже там присутствовал. Почему венчание было в церкви Кирика и Улиты, почему мой брат был приглашен быть шафером, в моей памяти не сохранилось. Позже из воспоминаний дочери Есенина и Райх, с которыми я познакомился в санатории «Узкое» (там очень хорошая библиотека), мне стало известно, что Есенин познакомился с Райх весной 1917 года в Петрограде. В июле 1917 года осуществилась мечта поэта съездить к Белому морю. Он, два его приятеля и Райх вместе поехали туда. Возвращаясь, в поезде, Есенин сделал своей спутнице предложение выйти за него замуж. Он настоял на том, чтобы сделать остановку в Вологде и там обвенчаться. Как сказано в воспоминаниях дочери, денег у них было настолько мало, что Есенин не имел возможности даже купить невесте букет цветов. По дороге к церкви он набрал букет полевых цветов и преподнес невесте после венчания **.

Первые годы после революции

Последнее лето мы жили в Варваринском в 1917 году. В 1918 году в конце зимы умер от инсульта мой отец, ему было тогда 59 лет. Для всех нас это было большое горе. Жизнь стала трудной. Старший брат Иван был студентом третьего курса Петроградского политехнического института. Сестра Елена училась в женской гимназии, брат Дмитрий – в Вологодском реальном училище.

Продать дачу уже было нельзя. В скором времени она была реквизирована, простояла пустой года два, а потом, вместо того чтобы открыть в ней сельскую школу, дом разрушили и растаскали по бревнам жители окрестных деревень.

Вообще в первые годы после революции было много беспорядков, особенно это чувствовалось в городе, где вся нормальная жизнь расстроилась. Создавались Советы, которые все управле-

** Это событие произошло, когда Коля Девятков был еще девятилетним мальчиком, поэтому многие детали не сохранились в его памяти. Напомним читателю, что летом 1917 года Сергей Есенин, возвращаясь из путешествия вместе со своим другом Алексеем Ганиным, оказался в Вологде. Ганин дружил со старшим братом Коли – Иваном Девятковым, который пригласил всю кампанию в гости на дачу. Ганин – талантливый поэт родом из Вологодского края – был арестован чекистами по обвинению в национализме и расстрелян в 1925 году в Москве во дворе Бутырской тюрьмы (*прим. ред.*).

ние брали в свои руки. Ликвидирована была частная собственность на землю, реквизированы все частные дома, магазины и предприятия. Наступили голодные годы, особенно тяжело было в 1918–1921 годах. Государственная торговля еще не была налажена, а вся частная, кроме рынка, на который крестьяне окрестных деревень привозили кое-какие продукты, прекращена. В государственной торговой сети работали только хлебные магазины, где продавался черный хлеб по карточкам. Деньги обесценились, да и купить на них было почти нечего. В основном продукты выменивались в деревнях на одежду, разную домашнюю утварь и ювелирные изделия.

Горожанам пришлось разводить огороды. Все свободные участки земли в городе вскапывались, и на них выращивались картошка и другие овощи. У нас на Золотушной набережной на месте сеного рынка тоже был огород. Выращивали в основном картошку. Других овощей было мало. Но когда был собран первый урожай, то жить уже стало легче. Молочные продукты добывать было очень сложно, да и вещей для обмена становилось все меньше и меньше. На домашнем совете было решено купить корову. Были реализованы еще какие-то мамины ценные вещи, и у нас появилась дойная корова. Уход и дойка коровы были моим делом. Доить и косить траву я научился довольно быстро. С коровой мы были большие друзья, она меня слушалась и, когда я ее доил, лизала мой правый бок, выражая тем самым расположение ко мне. Дело с питанием улучшилось.

Было мало денег. Хотя на них почти ничего нельзя было купить, но и без них не обойдешься. Сестра поступила работать машинисткой в Вологодский музей, а брат Дмитрий стал работать табельщиком в наших бывших мастерских, которые перешли в ведение Шестой Красной армии.

Плохо было с мясом – пришлось завести кроликов. У меня в клетках, которые я изготавливал сам, жило до 15 кроликов: в основном породы фландров (это мясная порода, они бывали весом по 5–6 килограммов), а также породы горностаев (это для шкурки). Шкурки я тоже научился обрабатывать. Корова и кролики жили у нас до окончания мной школы.

Мое школьное образование началось в 1915 году, когда после домашней подготовки я поступил в Вологодское реальное

училище в подготовительный класс. В то время при поступлении нужно было сдать вступительный экзамен. После поступления мне сшили форму – черные брюки и куртку – и купили форменную фуражку с жестким блестящим козырьком и желтыми кантами. На пряжке поясного ремня были буквы ВАРУ, что значило Вологодское Александровское реальное училище. Я был горд своим видом. Ученье мне давалось довольно легко. При переходе из первого класса во второй я даже получил награду – похвальный лист и книжку для чтения в красивом переплете.

В 1918 году началась школьная реформа. Реальное училище, мужскую и женскую гимназии преобразовали в Единую трудовую школу (ЕТШ). Нас выселили из здания реального училища, так как началась гражданская война, и нужно было открывать лазареты для раненых. Наша школа кочевала несколько лет по разным помещениям. Мы учились и в здании бывшей семинарии, и в женской гимназии, которая находилась через два дома от нашего дома на Золотушной набережной, и только когда я учился уже в восьмом классе, нас опять поселили в здание бывшего реального училища.

Реформа средней школы в те годы не привела ни к чему хорошему. Например, было отменено преподавание истории и заменено преподаванием так называемого обществоведения. Были введены уроки по труду (мне в основном запомнилось, как нас учили штопать носки на деревянных ложках). Плохо преподавались естествоведение, химия, русский язык и физика, правда, это больше зависело от преподавателей, чем от измененных учебных программ.

У нас были хорошие преподаватели по математике и рисованию. Математик, правда, был очень строг, но свой предмет вел хорошо. Учитель рисования окончил институт при Академии художеств и преподавал очень интересно. В результате я стал неплохо рисовать акварелью, очень любил рисовать пастелью. Когда в нашей школе устраивались вечера, я принимал активное участие в их художественном оформлении. Особенно много я рисовал в последних классах. Рисовал декорации для школьных спектаклей. Особенно хорошо мне удались декорации к «Майской ночи» Гоголя.

На школьных вечерах было принято строить в вестибюле перед актовым залом и в широких коридорах художественно

оформленные киоски для продажи фруктовых вод и каких-нибудь кулинарных изделий, приготовленных матерями учащихся. Во времена НЭПА это было возможным. Вся эта торговля шла с благотворительными целями. В ней активное участие принимали матери учащихся. При подготовке вечеров я участвовал в плотницких работах при сооружении сцены, декораций и киосков. Сказался опыт, который я приобрел в дошкольные годы и в младших классах, когда наблюдал, как работают столяры в наших мастерских, да и сам строил во дворе разные «дома». Работал я в бригаде «школьных электриков» по освещению сцены, киосков и изготовлению световых гирлянд. Электротехника мне очень нравилась, и уже в восьмом-девятом классах у меня появилась мечта в будущем стать инженером-электриком.

Школу я окончил в 1924 году. Выпускных экзаменов в те годы не было. Пятибалльная система оценки знаний была тоже отменена и заменена оценками: весьма удовлетворительно («вуд»), удовлетворительно («уд») и неудовлетворительно («неуд»). Насколько я помню, «неудов» у меня не было ***.

*** В 1925 году Николай Девятков приехал в Ленинград и устроился на работу в Физико-технический институт на должность лаборанта. Через три года поступил в Ленинградский политехнический институт, где раньше учились оба его брата и сестра. Увлёкся электроникой, и, закончив учебу, пошел работать в научно-исследовательский институт. Молодой ученый и его коллега Е. Н. Данильцев сделали существенный вклад в новое направление техники – изобрели электронно-вакуумный прибор для генерации электромагнитных волн сверхвысокой частоты. Это изобретение нашло применение в радиолокации. Девяткова считают одним из основоположников этой важной области техники.

До последних лет жизни Девятков сохранял творческую работоспособность. На встрече с молодыми специалистами предприятия, отвечая на вопрос: «В чем Вы видите секрет своего научного долголетия?», Николай Дмитриевич сказал, что помогает ему в этом труд, причем труд творческий; именно он исцеляет от всех болезней и придает дополнительные силы и энергию (*прим. ред.*).

ЖИЛИ НА ВОЛГЕ – СТАЛИ ВОЛОГЖАНАМИ (история одной семьи)

Прилуки. Кирпичный завод

Семья Уровых после раскулачивания была выслана в Вологду в 1930 году из села Удельная Маянга Балаковского района Саратовской области. Их было восемь человек: отец с матерью, четверо детей в возрасте от 2 до 12 лет и бабушка с дедушкой. Первоначально семья жила при кирпичном заводе, расположенном между городом и селом Прилуки, где позднее на берегу реки Вологды раскинется зона отдыха. При заводе, который принадлежал кооперативной артели, был одноэтажный деревянный домик из двух комнат. В одной размещались руководство и служащие, в другой – восемь человек ссыльных переселенцев. В комнате были нары в виде буквы Г, русская печка и стол со скамейками. С прибытием новой семьи нары пришлось расширить, и они превратились в букву П. Бабушку положили в щель между стеной и печкой, где она, не вставая, скоро тихо скончалась. Через несколько месяцев похоронили деда.

До глубокой осени семья жила в этой комнате. Затем отец арендовал недостроенный дом в Прилуках, достроил крышу, сделал двери, оконные рамы, и семья переехала в отдельное жилье. Осенью отцу удалось купить молодую упитанную лошадку, и ее мясом питались всю зиму. До конца лета изготавливали кирпичи, зимой развозили их потребителям.

По соседству с домом находился Спасо-Прилуцкий монастырь. В то время в нем размещалась колония для беспризорников. Те навели страх не только на жителей села, но и на город. Однажды, когда старший сын Николай катался на коньках, к нему подошли колонисты и заставили снять коньки, которыми он дорожил больше всего на свете. И не видать бы ему их никогда более, но вдруг подошли два колониста старшего возраста – хорошо, даже щегольски одетые. Один из них спросил у Николая, кто он такой, почему не в школе и почему катается один, без товарищей. После ответа он приказал колонистам вернуть коньки.

Еще один запомнившийся Николаю эпизод был связан с зимним развозом кирпичей потребителям. Однажды, возвращаясь домой, отец с Николаем решили сократить путь и поехали напрямую незнакомой, мало наезженной лесной дорогой. Примерно на полпути они вдруг услышали над головами свист пули. Пули летели не густо, через некоторые промежутки времени. Ездоки, конечно же, развернули свои повозки и во всю лошадиную прыть помчались обратно. Лишь дома удалось узнать от квартировавших в семье красноармейцев, что в лесу было стрельбище, на котором обучали красноармейцев. Обычно на таких

стрельбищах делаются брустверы, задерживающие пули, но, видно, стрелки были такие неопытные, что посылали пули мимо.

*Анна Григорьевна Урова и ее дети
Николай, Мария, Валентина
и Александр. 1930–1931 годы*

Переезд в город.

Ветеринарно-бактериологическая станция

Летом 1932 года семья переехала в город. Отец устроился работать на прибывшую из Архангельска Ветеринарно-бактериологическую станцию. Роль транспорта здесь исполняла лошадь. Отец был по совместительству конюхом, грузчиком и возчиком, а мать в этой же организации ухаживала за подопытными животными – кроликами, морскими свинками и мышами. Отец и мать выполняли также обязанности дворника, а в зимнее время – истопника. Жили в небольшой комнатке, расположенной в торцевой стороне бревенчатого сарая. В сарае помещались кладовые, а также лошадь и подопытные зверушки.

Организация размещалась в правом крыле здания Ветеринарного института – в трех комнатах на втором этаже и в двух на первом. До революции в этом здании была мужская гимназия, после революции Ветеринарный институт, после Великой Отечественной войны – средняя школа. Позднее в этом здании располагался Вологодский Политехнический институт, в настоящее время – Университет. В тридцатые годы здание отапливалось многочисленными печами-голландками. Поэтому в течение лета в громадный двор завозилось множество двухметровых бревен, которые надо было распилить, расколоть и полученные дрова уложить до зимы в поленницы. Этим делом тоже занимались родители Николая.

Чтобы успеть протопить печи к началу работы сотрудников, дрова на оба этажа приходилось заносить с вечера, а печи растапливать часа в четыре утра. Естественно, при таком режиме родителям приходилось работать с раннего утра до позднего вечера, а детям – им помогать. Николай уже мог пилить и колоть дрова, младшие сестренки помогали подносить их и укладывать в поленницу. Были также работы, связанные с содержанием лошади и зверушек. Для ребятишек эти работы были посильными и выполнялись охотно. Исключением было подметание двора. Этого занятия Николай стыдился и старался делать все рано утром, чтобы никто из знакомых его не увидел.

Несмотря на то, что родители работали почти круглые сутки без выходных и отпусков, семья жила скромно. Мяса, молока и масла здесь не видели. Буханку белого хлеба покупали только по праздникам. Впрочем, в самые голодные 1932–1933 годы многие жили еще хуже. Были случаи, когда люди умирали от голода прямо на улице. Семью в эти годы выручали подопытные зверушки, на которых выдавали брюкву, свеклу, репу и капусту. А лошади полагался овес, жмых и ячмень. Кое-что из этого перепало и ребятишкам. Самой распространенной и дешевой пищей, заменявшей мясо, хлеб и другие продукты, была треска во всех ее видах – свежая, мороженая, вяленая, сушеная, копченая. Недаром ее когда-то называли хлебом жителей Севера.

Школа. Участие в выборах

На таком фоне семейной жизни началась учеба Николая в пятом классе после двухлетнего перерыва. Учился он, как и прежде,

охотно, хотя и не блестяще, ведь заниматься дома не было никакой возможности и приходилось довольствоваться только знаниями, полученными на уроках. Домашние задания Николай делал в школе на переменах или во время урока по другому предмету. Помня о положении своих родителей – раскулаченных, лишенных прав, – он вел себя сдержанно, старался избегать чрезвычайных происшествий, так как в этом случае его могли исключить из школы, и это стало бы тяжелейшим ударом для родителей. Те делали все возможное, чтобы дать детям образование. Николай был почти на два года старше своих одноклассников, физически был сильнее многих, а благодаря любви к чтению не уступал им в умственном развитии. Поэтому ему удавалось избегать конфликтов.

Вскоре в семье случилось радостное событие. В ответ на очередное ходатайство отца пришла долгожданная бумага за подписью М. И. Калинина, в то время председателя ВЦИКа, или, как его любовно называли в народе, всесоюзного старосты. Документ полностью реабилитировал родителей как необоснованно раскулаченных и лишенных прав. Радость родителей была безмерной – они становились равноправными членами общества и смогли принять участие в выборах, первых после принятия и утверждения Конституции 1936 года. Эти выборы стали для семьи Уровых праздником.

В последних классах средней школы Николай начал понемногу «оттаивать», сближаться с товарищами, приобщаться к общественной работе. Был старостой стрелкового кружка, начальником школьной команды ПВХО, занявшей на городских соревнованиях призовое место, а в десятом классе вступил в кружок планеристов.

В 1938 году семью неожиданно постигло горе – в возрасте сорока двух лет скончался отец Николая. Причиной стала его повышенная порядочность и добросовестность. В начале января в адрес организации прибыла по железной дороге платформа с тюками прессованного сена, и ее надо было срочно разгрузить, чтобы не платить за простой вагона. Отец был болен гриппом, но, несмотря на это, поехал с товарищем разгружать платформу. У отца была высокая температура, а на улице – сильный мороз. К вечеру отец вернулся домой совсем больным, от высокой температуры потерял сознание, и его отвезли в больницу. Через

двенадцать дней он скончался от крупозного воспаления легких. В ту пору еще не было антибиотиков.

После смерти отца встал вопрос, как жить дальше. Николай хотел было бросить школу и устроиться на работу, чтобы помогать матери поднимать младших сестер и брата. Но мать решила иначе: «Надо, Коля, учиться. Как-нибудь переберемся. Ведь мы с отцом так хотели, чтобы ты стал образованным».

Выпускной. Полеты планера над Облисполкомом. Куда дальше?

Школу Николай закончил в 1938 году. Выпускной вечер запомнился ему отчаянной дракой, а после убедительной победы – танцами. Танцевали разрешенные танцы: краковяк, па-де-катр и па-де-спань. Входящие в моду танго, фокстрот и румба в школе были под запретом. Вечер закончился в кабинете химии, где добрый учитель Анатолий Мартемьянович Соколов угостил выпускников лабораторным спиртом, после чего те отправились вместе с девушками встречать рассвет.

После окончания школы у Николая не возникало вопроса, куда пойти учиться. Выбор он сделал давно. С 5 класса юноша увлекался авиамоделизмом и в 10 классе поступил в кружок планеристов. Изучил теорию, а практическая часть начиналась с полетов на высоту 2–3 метра и проводилась на главной и единственной в то время площади города. Во время одного из таких полетов кружковцы, видимо, натянули трос-амортизатор больше, чем следовало, а может быть, неожиданно наскочил порыв ветра. Так или иначе, но планер с учеником вместо 2–3 метров вдруг поднялся на высоту трехэтажного дома. Для того, чтобы плавно спуститься с такой высоты, места на площади не хватало, и ученик повел планер на снижение резко. Планер стукнулся носом о землю, подпрыгнул и, пролетев еще несколько метров, ударился о здание Облисполкома. Ученик при этом не пострадал, а у планера отвалилось крыло. Заниматься на площади планеристам запретили, а пока подыскивали новое место и восстанавливали планер, наступило время вступительных экзаменов в институтах, и Николай уехал из Вологды в Ленинград.

Дальше была учеба в Ленинградском институте, подработка на лесозаготовках в Карелии и война. На ней Николай уцелел

*Семья Уровых: Анна, Анисим и их дети:
Николай, Мария, Валентина и Александр.
10 января 1938 года*

лишь по молитвам матери. Вернулся в орденах и медалях из Германии в декабре 1945 года. Завершил учебу в Технологическом институте и начал работать в атомном проекте СССР. Брат Александр стал инженером-строителем, трудился в Сибири и Монголии.

В Вологде остались мать Николая и сестры. Валентина вышла замуж за военного, внука священника. Мария, учительница начальных классов, вышла замуж за вологодского художника Константина Воробьева. В 1974 году Мария подарила мне книгу «Зеленые цветы», автор которой – ее сосед по двору Николай Рубцов. В его стихах есть потрясающие строки: «Взбегу на холм и упаду в траву...», от которых у меня мурашки бегут по телу... Через 40 лет эта строчка оказалась высеченной на камне, установленном на Церковной горе села Никольского.

ЗДЕСЬ ГОСПИТАЛЬ КОГДА-ТО БЫЛ...

Родилась я в 1919 году в Вологде. После окончания Вологодского медицинского училища в 1937 году работала в Сокольском районе заведующей медицинским пунктом. На первых порах было трудно, так как никогда близко не видела деревни, ее людей, их привычек, деревенского быта. Но быстро со всеми сблизилась, а первые пациенты увидели во мне внимательного и ответственного фельдшера. К неудобствам быта также привыкла, научилась даже мыться в печке, так как бани в селе в то время не было. Через полтора года Облздравотдел перевел меня в Вологду, в городскую поликлинику медсестрой хирургического кабинета. Там я работала до самого начала войны.

22 июня 1941 года окончилась мирная жизнь, началась Великая Отечественная война. 23 июня в пять часов утра мне вручили мобилизационное предписание: «Явиться на сборный пункт». Так я была призвана в армию и направлена в качестве старшей медсестры хирургического отделения в эвакуационный госпиталь 1184, который был размещен в старинном здании на улице Галкинской, 3. В этом здании когда-то находилась Вологодская губернская мужская гимназия, в советское время – средняя школа, а сегодня – один из корпусов Вологодского государственного университета.

В госпитале для меня, как и для многих медработников, начались дни тяжелых испытаний. К нам поступали такие раненые, которых нельзя эвакуировать дальше в тыл. Конечно, работа в госпиталях не такая, как на передовой, не подвергаешься непосредственной опасности быть убитой или раненой, но каждая смерть раненого, пусть даже не по твоей вине, – это удар, который всей тяжестью падает на твою совесть.

Мы днем и ночью боролись за жизнь раненых бойцов и командиров Красной Армии, отдавая все свои силы, знания и умения делу быстрее их возвращения в строй. Работать приходилось много, но мы не чувствовали усталости. Знали, что чем лучше организуем свою работу, тем быстрее вернем в строй раненых.

Сколько нужно душевных сил, выдержки, веры в Победу, чтобы все это вынести самой и вселить веру в жизнь раненому! Бывало, подойдешь к нему, а он уже потерял надежду на свое выздоровление, положишь руку на его разгоряченную голову и скажешь: «Потерпи, роденький, скоро поправишься», и он терпел. И какое было счастье, когда он, выздоравливающий, произносил слова благодарности в наш адрес. Это для нас была высшая награда.

Бессонные ночи, тяжелый, нечеловеческий труд. Многие раненые были полностью закованы в гипс, как в панцирь. Вес такого больного – 80–90 килограммов, а лифта нет, поэтому приходилось нести его на носилках из сортировочного отделения с 1-го на 3-й этаж в палату, на рентген, в перевязочную, а в случае воздушной тревоги – в траншею возле госпиталя, в Кировский сквер. Это было школой мужества, закаляло нас, научило быстро принимать решения в самых сложных ситуациях.

С самого начала работы меня избрали секретарем комитета комсомола госпиталя. Наши комсомольцы были зачинщиками всех добрых дел. Тогда у нас был девиз: «Делать все быстро, делать все надежно и на совесть!» Мы находили время не только на свою основную работу по уходу и выполнению всех медицинских процедур – уколы, раздача лекарств, перевязки, стирка бинтов (не хватало перевязочного материала), но и для учебы по специальности. Занимались художественной самодеятельностью, выпускали «Боевые листки», организовывали субботники, воскресники по выгрузке и разделке дров, благоустройству территории госпиталя. Мы рыли траншеи, тренировались на случай воздушных тревог, проводили политинформации, писали письма родным и близким раненых. Находили время и для комсомольских собраний, где обсуждали важные вопросы жизни госпиталя.

В 1943 году меня приняли в ряды КПСС. В трудных условиях работы в госпитале, под руководством таких врачей, как А. И. Цветков, В. С. Попов, В. Ф. Ловдовский, М. А. Карпович и другие, я научилась заниматься организационными вопросами, ориентироваться в сложных ситуациях. Старалась доброжелательно относиться к товарищам по работе, за что уважали меня в коллективе, где бы я ни работала.

Позже я стала директором Вологодского медицинского училища, но госпиталь оставил в моей жизни неизгладимый след. Вместе со мной там работали старшими медсестрами Н. М. Богданова, В. А. Собенина, А. А. Репина, А. Н. Дуганова, Е. А. Таронтина, Н. В. Васильева, О. А. Скворцова и другие. Все они были высококвалифицированными специалистами и вложили большой труд, чтобы вернуть изувеченным войной людям веру в себя, а многих вернуть снова в строй. В то тяжелое время мы хорошо понимали, что, выполняя эту задачу, приближаем долгожданную Победу.

Мы часто вспоминаем годы нашей юности, наше взросление. В 1985 году, в 40-ю годовщину Победы, на здании бывшего госпиталя установили мемориальную доску. Это стало памятником для тех, кто работал в нашем эвакогоспитале.

Мы, как никто другой, знаем, что нельзя допустить новой войны. Долг каждого из нас – молодого или ветерана – внести свою посильную лепту в то, чтобы огонь войны никогда не опалил нашу землю.

Несколько лет назад Игорь Григорьев, сын работницы нашего госпиталя Анны Алексеевны Смирновой, посвятил нам такое стихотворение:

*Где институт политехнический,
Там госпиталь когда-то был,
Там кто-то умирал трагически,
А кто-то в гипсе молча стыл.
Старуха-смерть цеплялась дико,
Рука ее была остра,
Но ей соперницей великой
Была в халате медсестра.
И кто кого тут переборет,
И кто кого перехитрит?
У медсестер темнеют зоры
И сердце девичье болит...*

2006 год

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Мне 92 года, из них 84 года связаны с Вологдой, куда меня привезли родители в 1937 году. Я помню Вологду довоенную с бывшим собором, который переделали под кинотеатр. Там мы, ребяташки, смотрели фильмы, билет стоил 10 копеек.

Помню город в годы Великой Отечественной войны, когда в госпитали привозили раненых. Мы, 14–15-летние девочки из медучилища, готовили концерты, дежурили, помогали медсестрам. Впрягаясь в большие сани вместо лошадей, везли через весь город торф в ящиках, чтоб отапливать здание, в котором мы учились.

Послевоенные годы тоже были нелегкими, но уныния не было. Помню, в 1949 году, когда я училась на первом курсе пединститута, мы были взбудоражены известием о том, что в Вологду приехал Сергей Орлов – герой войны, танкист, поэт – и будет читать свои стихи. Его вдохновенное выступление помню до сих пор. Очень люблю его стихи. Я много общалась с ветеранами.

Если кто-то считает, что демонстрация Первого мая – принудительное мероприятие, он ошибается: это был веселый праздник, было много разных встреч – все это вспоминается с удовольствием.

Школа, где я работала учителем – это особый мир. На твоих глазах происходит становление человека, поэтому меня всегда интересовали судьбы выпускников, встречи с ними.

Когда я закрываю глаза, каким-то внутренним зрением вижу свой любимый город: наш замечательный старинный вокзал, площадь Бабушкина, завокзальные улочки, школу № 8 СЖД (теперь № 39), улицу Герцена. Мне дороги эти места, дорог город, где я прожила счастливую, как я считаю, жизнь.

Особенно я берегу фотографию 14 июня 1941 года. На ней отличники школы № 19, которая находилась на углу Пушкинской улицы и улицы Герцена, где я окончила 4 класса перед началом войны.

Сейчас я живу в Ленинградской области уже год. Вспоминая серьезных, иногда суровых вологжан, понимаю, что люди они отзывчивые, очень чуткие и добрые, впрочем, как и жители Гатчины.

Воспоминаний много, как и у всех живущих долго.

ДЕТСТВО У РЕКИ ВОЛОГДЫ

На берегу реки Вологды есть замечательный дом, в нем я жила в детстве. Он располагался на Краснофлотской набережной (сейчас она называется набережная VI Армии) между двумя мостами: слева деревянный, называли его в то время Красный мост, справа каменный – Октябрьский мост. Это высокое трехэтажное каменное здание – дом купца Витушечникова, построенный 1822–1823 годах в духе классицизма. Осип Витушечников – богатый сахарозаводчик, живший большой семьей вместе с женатыми сыновьями, построил этот большой дом с роскошной отделкой. Не случайно в нем останавливался император Александр I во время посещения Вологды в 1824 году.

В 30-е – 50-е годы XX столетия здесь размещалась ВПШ – Высшая партийная школа для партийных и советских работников области.

Дом построен в виде буквы П. Если пройти через двор вдоль боковой стены (фасадом здание обращено к реке Вологде) и повернуть дважды налево, то окажешься у входа в нашу квартиру. Не знаю, что располагалось там в прошлом, но в моей памяти осталось огромное помещение, разделенное на две большие комнаты. В этой квартире жили мы, Соловьёвы.

Мой дед Соловьёв Порфирий Евгеньевич переехал в Вологду из деревни Косяково Кубенозерского района в 1934 году и поступил на работу в ВПШ. Дед был беспартийным и устроился простым работником. Семья у него была большая, и деду дали квартиру в этом же доме. Семья наша состояла из дедушки, бабушки, их дочерей Нины, Насти, Евстолии, сына Валентина и их семей.

Моя мама, Евстолия Порфирьевна Соловьёва, когда дед уехал в Вологду, сначала осталась в колхозе и работала заведующей молочно-товарной фермой.

Постепенно вся семья собралась в Вологде. Мама стала работать в ВПШ дежурной, на втором этаже на площадке стоял ее стол, на нем настольная лампа. Иногда я здесь вечерами в мамино дежурство делала уроки. В ВПШ учился и мой отец, Кислов Виталий Александрович, там они и познакомились с мамой, а потом

родилась я, Ангелина Соловьёва, 12 июля 1938 года.

При входе в квартиру попадаешь сначала в холодную прихожую, потом через двойную дверь в теплую прихожую и оттуда через дверь в квартиру. Стены здания толстые, окна большие, потолки высокие. Обогревалось наша квартира печами, их было две. Даже холодной зимой было всегда тепло.

Первая печь – русская – была очень большая. Помню, как моя бабушка Клавдия Николаевна Соловьёва мыла меня в этой печи, как в бане. Истопила печь, вымела всю золу, нагрела воды, настелила солому на под печи. Мы с бабушкой забрались в печь и легли на солому. Таз с водой и веником стоял на шестке. Сначала бабушка вымыла меня, а потом закрыла заслонку и парила меня, похлестывая березовым веничком. Открыли заслонку, вылезли из печи. Бабушка окатила меня водой и закутала в простыню. Здорово было, удивительно. Память об этом осталась на всю жизнь.

На печи была лежанка, тоже довольно большая. На этой лежанке любил греться мой дед Порфирий Евгеньевич. Когда он лежал там, мы, дети, забирались на печку и просили его рассказать сказку. У деда была любимая сказка «Сивка-бурка». Мы могли слушать ее бесконечно. Дед очень любил лошадей и рассказывал сказку эмоционально, увлекательно. Как сейчас слышу: «Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой...Конь бежит, земля дрожит». В деревне семья жила в достатке, дед имел тогда двух лошадей – рабочую и ездовую. Ездовую лошадь звали Красотка, имя ей было дано не случайно, лошадь действительно была очень красива: стройное тело, тонкие ноги, гордая посадка головы. Дедушка очень любил свою Красотку, с ней он выступал в Вологде на ипподроме на скачках. Красотка обгоняла городских соперниц и брала первые призы.

Лина в 1941 году

В первой комнате стоял обеденный стол, около стола стояла лавка. В углу, у стены напротив русской печи, стояла кровать. В этой комнате обедали, готовили еду, здесь ночевали родственники и знакомые, приезжающие из деревни. Гости из деревни приезжали на базар, продавали свой товар – молоко, творог, масло, мед и прочее. Вечером, собравшись у самовара, крестьяне рассказывали дедушке и бабушке о своей жизни, о своих заботах, о своих семьях. В минуты отдыха играли в кости. Не знаю правил этой игры, но хорошо помню, что играли с удовольствием. Надо сказать, что не было у нас пьяных застолий. Дед был строг, сам не пил и не поощрял любителей спиртного. Вообще никогда не видела дедушку пьяным. Помню другое – дед был очень чистоплотен и аккуратен.

Вторая печь – «голландка» – стояла в углу другой комнаты, которая была спальней. Эта комната была поделена на две части – переднюю и заднюю. Поперек комнаты стоял большой шкаф, от него была протянута проволока, на которой висела занавеска, скрывающая другую часть комнаты. В передней части кроме шкафа стоял комод, над ним висело зеркало. У самых дверей вдоль стены стояла кровать. Эта часть комнаты очень мне нравилась. На кровати спали мы с мамой. За занавесью, в задней части комнаты, стояли еще три кровати.

Семья было большая, двенадцать человек. Жили мы скромно, но очень дружно. Не помню ни одной ссоры в семье. Главным был, конечно, дедушка. Он был строг, но справедлив. Душой дома была бабушка Клавдия. Она была хороша собой, большие голубые глаза излучали добрый свет. Все ее очень любили. Бабушка была мастерица печь пироги, готовить обеды. Подавала нам картофельники, сочни с капустой, сладкие пироги – просто пальчики оближешь!

А еще бабушка была замечательная кружевница. Закончив все дела, она садилась к подушке с булавками и под стук деревянных коклюшек плела удивительное чудо – бело-голубое кружевное покрывало.

Бабушка была мудрой женщиной, хотя и не получила никакого образования. Она знала много сказок, шуток, прибауток и говорила народным, очень образным языком. Мы, внуки, любили слушать ее рассказы. Став взрослой, я не переставала удивляться и радоваться ее речи, умению найти нужное слово,

уместное замечание, какую-нибудь присказку, сделать неожиданный вывод из ситуации или поступка.

Трехэтажное здание ВПШ отапливалось дровами, которые сплавляли по реке весной. Во время войны эта забота легла на плечи женщин. Женщины, в том числе и моя мама, вытаскивали тяжелые сырые бревна из воды, переносили их во двор. Потом эти бревна перепиливали простой двуручной пилой, раскалывали и складывали в поленницы. Для женских рук это была тяжелая работа.

В нашем доме жила еще одна семья в соседней квартире – Смирновы. В домах по соседству было много детворы. Мы играли все вместе в нашем дворе.

Дом наш, как я уже сказала, был расположен на берегу реки Вологды. Летом в жаркую погоду мы с удовольствием купались в реке. Выбежишь из ворот, сделаешь несколько шагов, пересекая дорогу от ворот до берега, и бултых в воду! Берег реки был пологий, и во время наводнения вода сильно поднималась, затопляя берег.

Помню наводнение в 1948 году: воды было так много, что она перекрыла дорогу и дошла до стен самого дома. Когда утром мы вышли из ворот, стало понятно, что пройти по воде до школы невозможно. Появились лодки, и нас перевозили на сухие места, где недалеко было до школы. Школа № 18 была расположена на улице Чернышевского.

На берегу реки в послевоенное время мы пасли козочку по имени Цыганка, она была черной масти. Козу купила мама, потому что перед школой я заболела туберкулезом, и кто-то посоветовал поить меня козьим молоком. Однажды, когда я пасла козу, какая-то женщина взяла веревку и повела Цыганку с собой. Я закричала: «Мама, мама! Цыганку уводят!» Мама выбежала из ворот, догнала женщину и отобрала козу. А зимой у козочки появились два козленочка.

Меня отправили в детский санаторий, расположенный в городе Кадникове. Два месяца, проведенные там, благоприятно сказались на моем здоровье. 1 сентября 1945 года я пошла в первый класс. Из нашего двора в один класс попали три мальчика – Рудик Мягконосов, Валера Косых, Петя Власенко и я – Лина Соловьёва. Школа № 18 была деревянная, двухэтажная. Класс наш был на первом этаже, на втором была пионерская комната. Первая учительница Екатерина Дмитриевна Гречухина была требовательной, но доброй и заботливой.

В 1941 году, когда началась война, мне было только три года, поэтому о начале войны я мало что помню. Зато помню рассказы взрослых о немецком самолете, стоявшем на площади и сбитом нашим советским летчиком. Помню пленных немцев, длинных, тощих, в зеленых шинелях, копавших землю вокруг здания ВПШ. Они ремонтировали водопровод, мы, дети, молча смотрели на них. Потом их быстро увезли.

Хорошо помню, как страна оберегала нас, детей. С трех лет я начала посещать детский сад, который располагался в самом конце улицы Добролюбова. Даже в самые трудные годы войны в садике было хотя и скромное, но регулярное четырехразовое питание. В садике мне нравилось, я охотно туда ходила. Помню, как мы собирались группой у пианино и пели песни, танцевали, читали стихи. Садик был расположен в конце улицы Добролюбова, почти на окраине города, за садиком было несколько домов, а дальше пустое место. Путь в садик я запомнила сразу и часто в старшей группе ходила одна домой. Удивительно, что садик работал во время войны без перерывов. Нас, малышей, было несколько групп, и всех кормили, учили, воспитывали. Мы рисовали, пели хором, танцевали, слушали сказки, читали стихи – так нас готовили к школе.

Хорошо, что в садике кормили детишек, дома хлеба было мало. Жить было трудно, шла война, и мы, дети, это понимали. Радовались простой еде – картошке, репе, которую бабушка парила в русской печке. Пареная репа была очень вкусной, заменяла сахар. Огорода у нас в Вологде не было, поэтому овощи покупали на базаре. Иногда братья деда привозили из деревни что-нибудь из продуктов. Отлично помню плитку коричневого цвета – льняной колоб. Мы, ребятишки, – Галя с Сережкой и я – отламывали кусочки колоба и уплетали с удовольствием, казалось, что ничего не может быть вкуснее этого лакомства.

В самом начале улицы Добролюбова у Красного моста был хлебный магазин. За хлебом были длинные очереди. Взрослые займут очередь пораньше, потом посылают ребятишек в магазин, а сами идут на работу. Уйти из очереди нельзя, там часто кто-то из женщин проводит проверку. Если заиграешься, убежишь, и тебя не сосчитают, то очередь твоя пропала и надо занимать заново. Эти очереди за хлебом, потом за мукой, сахаром или маслом до сих пор стоят у меня перед глазами.

У каменного моста стояло небольшое кирпичное здание. Это была общественная городская баня. По субботам мы стояли в огромной очереди, чтобы помыться. В памяти остались эти банные дни. Иногда мы ходили в Железнодорожную баню, где было два отделения – мужское и женское. Очереди тоже огромные, но и пускали сразу помногу, почти пол-очереди за один раз. Банное отделение огромное, светлое, дышится легко. Это была лучшая баня в городе. И построена она была давно.

На улице Чернышевского, вблизи перекрестка с Гоголя, была расположена детская библиотека. Я охотно и часто ее посещала, участвовала в праздниках книги, читала стихи. В школе много времени уделяли не только образованию, но и воспитанию, умению дружить, строить отношения в коллективе. На втором этаже нашей школы была пионерская комната, там нас принимали в пионеры, там проводили пионерские сборы, пели пионерские песни. Запомнилось, как играл на аккордеоне и очень хорошо пел песню «Заветный камень» Гена Соболев. Тот самый, который был потом директором Вологодской филармонии.

Помню, как в 1948 году пришел с войны мой дядя Валя – в морской форме, с наградами на груди – высокий, красивый. Он зашел за мной в школу, и я, конечно, была на седьмом небе от счастья. Дядя Валя имел награды: «За оборону Заполярья», «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Сначала он служил в бригаде подводных лодок Северного Флота пулеметчиком, а с 1941 по 1944 год – пулеметчиком-зенитчиком на корабле противолодочной обороны «Большой охотник». С 1944 по 1945 год учился в школе военно-морских сил. Потом служил стрелком в особом батальоне, а в 1946–1947 годах – во флотском экипаже Тихоокеанского флота. Он участвовал в боях с фашистами и в разгроме Японии. Пришлось ему воевать и в десанте морской пехоты против фашистов. Немцы очень боялись морской пехоты. Мне запомнилось, как дядя Валя рассказывал, что после боя порой приходилось помогать друг другу разжимать руки: державшие оружие сильно вцеплялись в него пальцами.

В 1948 году отменили карточки на хлеб. Позже появились шоколадные конфеты «Кавказские», лучше этих конфет ничего на свете не было. А в ларьке на улице Ленина стали продавать вафельные трубочки с кремом. Ларек стоял напротив кинотеатра

«Искра». Когда мы ходили в кино, то всегда покупали трубочки с кремом или мороженое.

Кинотеатр «Искра» на улице Ленина нам, детям и взрослым, очень нравился. Здание было небольшое, двухэтажное, внизу кассы и фойе, а сверху кинозал. Поднимаешься по лестнице, а на стене фотографии известных киноартистов. Звенит звонок, и вот мы в зале. Начинается кино... Смотрели разные фильмы – детские и взрослые, запомнились такие: «РВС», «Тимур и его команда», «Улица младшего сына», «Каменный цветок», «Капитан Немо», «Старая крепость», «Тайна двух океанов».

Повзрослев, стали ходить в кинотеатр имени М. Горького. Он был расположен на площади Революции в здании бывшего Спасо-Всеградского собора. Рядом с собором был расположен Детский парк, летом здесь работали аттракционы, особенно нравилась карусель – яркая, праздничная.

В Вологде жил с семьей брат бабушки – Барулин Александр Николаевич. Он служил в ломбарде. Предполагаю, что это он и помог деду переехать в Вологду. Барулины были очень дружны с нашей семьей. В первые годы после войны время было неспокойное, возросла преступность. Очень жаль, что бабушкин брат был убит каким-то бандитом.

В 1949 году после окончания четвертого класса я легко сдала экзамены, и меня направили учиться в пятый класс школы № 3 города Вологды. Тогда это была лучшая женская школа в городе. Вместе со мной в эту школу перешли мои одноклассницы – Наташа Сотникова и Люба Поторова. В начальной школе обучение было смешанное, то есть учились вместе мальчики и девочки. Школа № 3 была женской, там учились одни девочки. Классным руководителем у нас был учитель немецкого языка Павел Михайлович Быстров. Он очень заботился о нас, был терпелив с нами. Мы его очень любили. В старших классах (после седьмого) классным руководителем стала учительница истории Эвелина Михайловна Муравьева.

После окончания семи классов многие девочки ушли из школы и поступили в техникумы, училища. Поэтому состав 8-го класса изменился, пришли новые ученицы из других школ. Мы быстро познакомились и подружились. Учиться было интересно. С благодарностью вспоминаю своих учителей: учителя математики Варвару Петровну Громову, учителя химии Наталью Петровну

Богословскую, учителя географии Калерию Николаевну Янусову, учителя немецкого языка Глеба Васильевича (фамилию не помню), учителя ботаники Славину Елену Михайловну и других.

Летом ежегодно я отдыхала в пионерском лагере. Отрядные линейки, зарядка по утрам, походы, пионерские костры, художественная самодеятельность, занятия спортом, купание в речке, игра в волейбол, шашки, шахматы – разве можно это забыть?

А еще вспоминаю выполнение серьезного задания: надо было собрать на лугах около лагеря семена дикорастущих злаков – тимopheевки, лисохвоста и других. Была дана норма, семена собирали, сушили, взвешивали, старались норму выполнить. Семена нужны были для посева на лугах, где пасутся колхозные стада коров, для улучшения качества трав. Чем качественнее трава, тем больше коровы дают молока, из которого производят сметану, творог и, конечно, вологодское масло.

В Вологде работал Дом пионеров, там были разные кружки. Я посещала пионерский хор и некоторое время балетную студию.

Мы много читали. Книги брали сначала в детской библиотеке, что располагалась вблизи перекрестка улиц Гоголя и Чернышевского, потом в юношеской библиотеке на Пушкинской, а потом и в областной библиотеке, в старом здании, где сейчас находится филармония. Любимые авторы – Лев Кассиль, Валентин Катаев, Аркадий Гайдар. Увлекались и зарубежной литературой, читали «Хижину дяди Тома», «Приключения Тома Сойера» и другие. Потом пришли и более серьезные книги. Чтение стало необходимостью, читала много и каждый день, особенно в студенческие годы.

Наше поколение вместе со страной пережило войну, гибель близких людей, холод и голод. Вместе со страной отмечали день Победы, радовались возвращению родных с фронта, отмене карточек, снижению цен на продукты и на некоторые товары. Жить было еще трудно, но появилась надежда на будущее. Сейчас вспоминаются светлые школьные дни и праздники. Я была активным ребенком и всегда имела какое-нибудь общественное поручение – редактор классной стенгазеты, комсорг класса, член школьного учкома, а также помогала некоторым ученицам в учебе. Помню походы в кино, посещение драматического театра, школьные вечера.

Недалеко от нашей женской школы № 3 была расположена мужская школа № 1. По праздникам мальчики этой школы

приглашали старшекласниц на школьный вечер. Помню новогодний вечер: огромная елка в актовом зале, духовой оркестр и танцы... Многие девочки нашей школы занимались в балетной студии Дома пионеров. Они в паре с мальчиками открывали бал. Сначала звучит «Русский бальный», потом «Вальс», «Полька», «Краковяк» и другие. Было очень весело и торжественно. Форма одежды парадная: белый фартук, белые банты в волосах. Как это было красиво!

В здании ВПШ, где я жила, был великолепный актовый зал, там выступали настоящие артисты. Нас, детей, живших в доме, тоже пускали на эти концерты. Такие выступления оставляли глубокое впечатление и навсегда привили любовь к искусству. Помню, меня тогда поразил исполненный одной актрисой романс «Подайте ж милостыню ей...» на музыку А. Алябьева:

*Зима. Метель. И в крупных хлопьях
При сильном ветре снег валит.
У входа в храм одна в лохмотьях
Старушка нищая стоит...*

В 1953 году, после смерти Сталина, партийную школу, где работала мама, стали переводить в новые здания на улице Калинина. Стали переселять и семьи, жившие в здании ВПШ. Нам, Соловьёвым, дали квартиру в поселке, называемом «Стройка», у деревни Лукьяново. Это далеко от центра города. Наступил сентябрь, пришлось ходить в школу очень далеко. На автобусе мы не ездили, потому что для этого надо было идти в Лукьяново, да и денег не было.

Школу я закончила в 1955 году, поступила на естественно-географический факультет ВГПИ, получила специальность учителя биологии и географии. По распределению после окончания института меня направили в Никольский район. Работала сначала в сельской Кумбисерской школе, потом в средней школе № 1 города Никольска. Проработала в этой школе 32 года и в 1994 году ушла на пенсию.

У меня большая семья: муж Рыжков Николай Васильевич, по образованию инженер-механик, и пятеро детей – два сына и три дочери. Я ветеран труда, отличник народного просвещения.

КАК МЫ ЖИЛИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В Вологде на улице Чернышевского, дом 15, жили мой дед Смирнов Сергей Александрович и моя бабушка Смирнова Ксения Николаевна со своими детьми: Юрием, Рудольфом, Риммой и Сергеем. Дед до войны работал в организации «Заготзерно», а бабушка в райисполкоме, который находился рядом с их домом. Она топила там печки и мыла полы.

Дед в 1941 году ушел на войну. Моей маме тогда было три года. Выживали тяжело: бабушка тайком на работе воровала дрова, а старший сын уносил их домой. Комната у нас отапливалась круглой печью. Еще одна печь была на кухне. На ней бабушка готовила.

Питались плохо. Один сердобольный человек в райисполкоме иногда давал бабушке продукты – хлеб и консервы. Еще ели жмых, а из картофельных очисток бабушка пекла оладьи на олифе. Чтобы получить хлеб по карточкам, приходилось ночью будить детей и идти занимать очередь за хлебом.

Семья жила на втором этаже, а на первом была юношеская библиотека. В нашей комнате стояли три кровати, шкаф для белья и стол. Самой дорогой вещью в квартире были напольные часы в футляре с маятником. Иногда братья, чтобы не брать сестру с собой гулять, запирали мою маму в этом футляре,

*Римма Сергеевна Смирнова.
Около 1956 года*

*Римма Сергеевна Смирнова у
прядильного станка. Вологодский
льнокомбинат. Около 1956 года*

и она сидела там до прихода с работы моей бабушки. На второй этаж в нашу квартиру вела очень крутая лестница, и бабушка, уставшая и голодная, еле поднималась по ней.

Старшие дети, Юрий и Рудольф, ходили в школу, а самого младшего, Сергея, бабушке приходилось оставлять дома с моей мамой. Позднее она его отдала в круглосуточные ясли, но потом забрала его оттуда, так как он там сильно похудел. Старшему сыну Юрию в начале войны было девять лет. Он спускался на первый этаж в библиотеку, брал книги и вечерами читал их.

На Новый год наряжали елочку, иногда просто веточки от елки. На дни рождения дарили подарки, изготовленные своими руками.

Из окна был вид на бульжную мостовую, и дети часто смотрели, как солдаты уходят на войну. Дети играли в войну, а когда ругались, обзывали друг друга фашистами.

Все семьей с нетерпением ждали писем с фронта. Приходили они редко, но когда приходили, это была большая радость для всех. Бабушка сажала детей за стол, старший сын Юра читал письмо, а бабушка плакала от радости, что дед жив. Однажды пришло письмо из госпиталя, дед был ранен, но все обошлось.

Когда закончилась война, деда привезли на грузовике, и вся семья побежала его встречать. Дед дважды был ранен, но выжил, ведь бабушка ему сказала в шутку, чтобы мертвым не возвращался. Дед привез подарки с войны: любимой и единственной дочке – куклу Фрау, жене – платочек, а сыновьям подарил военный планшет и карандаши.

Бабушка сшила моей маме тряпчатую куклу из старых чулок. Волосы были из ниток, глаза нарисовала химическим карандашом, а губы красным. Мама назвала ее «Не хочу-не буду», потому что кукла не могла ни сидеть, ни стоять. Это была мамина любимая игрушка. А куклу Фрау, которую папа привез из Германии, мама не любила, хотя та была в шикарном длинном атласном платье и в соломенной шляпке. Как-то раз мама взяла куклу Фрау во двор поиграть, да и оставила там. Больше ее никто не видел. Да мама особенно и не горевала. Больше переживала из-за тряпчатой куклы, когда братья ее спрятали. Дед даже наказал своих сыновей, что они так подшутили над моей мамой. Очень уж он любил свою единственную дочурку и в обиду никому не давал. Еще он любил петь бабушке песню «Синенький скромный платочек». Бабушка тоже любила петь, напевала что-то, когда делала что-нибудь по хозяйству. У нее был хороший голос и слух, и это передалось моей маме.

Мама не раз вспоминала, как братья силком заталкивали ее в большие напольные часы. Но по возвращению деда с войны уже никто ее не обижал. Появился защитник не только Родины, но и дочери.

Надежда Арсентьевна Ламова

ВОЕНСТРОЙ*

В настоящее время мало кто помнит и знает то место, где располагался в Вологде Военстрой. Время меняет лицо и названия улиц. Давно уже не услышишь от вологжан слово «Военстрой», а подросток вообще о таком не слышал.

* Записано Валентиной Александровной Булыгиной.

Военстроем называли спецгородок Ленинградского военного управления строительных работ. Он был создан в начале войны для обеспечения жизнедеятельности Вологодского железнодорожного узла. Располагался он вблизи поселка Прилуки.

Вологжане внесли большой вклад в победу над фашистской Германией. Несколько дивизий, сформированных на Вологодчине, были отправлены на фронт.

Вологда на время войны стала городом госпиталей. Большую роль сыграла Вологда в эвакуации ленинградцев. Через Вологду шли эшелоны с эвакуированными. По дороге многие из них умирали, ослабевших снимали с поездов. Трупы хоронили в общих могилах, а больных помещали в эвакогоспитали, созданные специально для ленинградцев. Зачастую эвакуированные жили в семьях жителей Военстроя, с ними делились всем, что имелось в доме.

Вологжане оказывали значительную помощь Ленинграду. Вологда была главным центром снабжения блокадного Ленинграда. Весь поток грузов для Ленинграда и Ленинградского фронта шел по Северной железной дороге через Тихвин на Волхов, оттуда на Ладогу. Чтобы обеспечить это снабжение, и был создан городок Военстрой.

В начале войны в Военстрое были построены четыре двухэтажных дома для рабочих, бараки для военных, ясли, детсад, начальная школа – все, что необходимо для нормальной жизни работающих.

Для временного (перевалочного) хранения грузов были построены огромнейшие хранилища, которые располагались ближе к Прилукам. Они занимали очень большую территорию. Техника стояла на открытых площадках, вещевое обмундирование и продовольствие – в хранилищах. Возле них проходила железнодорожная однопутная линия. На протяжении всей железнодорожной линии в глубоких ямах стояли зенитки.

На строительство и обслуживание объектов Военстроя было направлено местное население, заключенные, а также пленные немцы. В военном городке можно было встретить людей разных национальностей: греков, финнов, немцев. Об этом говорят фамилии – Вироланен, Кабанен, Гольцвар, Данич, Фришман, Пан-чан-гир.

В 1943 году, когда Надежда Арсентьевна Ламова с семьей переехала из Тотьмы в Вологду, в Военстрое было уже построено три двухэтажных дома, а четвертый достраивался.

Два дома были типичными, двухэтажными, с одним крыльцом, с комнатами, общими кухнями и туалетами в коридорах. В одном доме часть была занята начальной школой, часть другого дома занимали детские ясли. Остальные помещения в обоих домах были предназначены для проживания военнослужащих.

Третий дом немного отличался от других. Он имел два крыльца, то есть был разделен на две части. Первый этаж левой части дома полностью занимал детсад. Для прогулки детей за домом имелся огороженный участок. В правой половине первого этажа были жилые комнаты и общая кухня. На второй этаж вели большие крутые лестницы. Там проживали две семьи – Чичеевых и Филицианских, – а остальные десять комнат с общей кухней были предназначены для общежития военных-холостяков.

Кроме этих домов, в Военстрое было несколько барачков. Там также жили семьи работников. Внутри барака был длинный коридор, по обе стороны располагались комнаты. Кухни не было, пищу готовили в комнатах. Один из барачков занимала столовая для военнопленных. Когда война закончилась, столовую ликвидировали, отдали помещение под жилье.

Строили бараки военнопленные немцы. Они жили в трех землянках, в четвертой была хлебозерка. На работу и с работы пленные шли колонной в сопровождении конвоя. Иногда женщины забрасывали их камнями: окаменевшая душа не могла простить смерть мужа или сына. Среди пленных была большая смертность: умирали почти ежедневно. Трупы вывозили за Дубровское, бросали в рвы и закапывали.

В настоящее время от Военстроя не осталось и следа. Не сохранилось ни одного дома, все бараки тоже давным-давно снесены. Да и военные склады после ликвидации в Вологде воинских частей использоваться перестали и утратили свое назначение. Жаль, что история Вологды умалчивает о Военстрое, а ведь во время войны этот объект делал важное дело для Победы.

Алевтина Александровна Камкова (Замятина)

ТРУДНЫЕ, НО СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ

*Алевтина Александровна
Камкова (Замятина).
Март 1959 года*

Алевтина Александровна родилась в 1938 году в семье А. М. Замятина – телеграфиста Управления Северной железной дороги. После смерти отца в 1943 году четверо детей – Ида, Юра, Рита и младшая Аля – остались на попечении мамы Надежды Алексеевны. Жили в Вологде в большом деревянном двухэтажном доме с четырьмя кухнями на 16 семей, на углу Первомайской и Железнодорожной (ныне – улица Ветошкина). Аля уехала из родного города в 1961 году, но всегда с ностальгией вспоминает о нем. Сейчас живет в военном городке в Подмосковье.

Внимание читателя предлагается фрагмент ее воспоминаний о Вологде военных и послевоенных лет.

Военные зарисовки

Мне было около трех лет, когда началась война. Когда не стало папы, маме было 35 лет, а на руках у нее осталось четверо детей. Я была самой маленькой – «поскребыш». Конечно, трудности жизни я не понимала, все брали на себя старшие, а я умела только радоваться.

Только сейчас осознаю, как маме трудно было нас прокормить. Запомнился эпизод: в чужой комнате мама мыла пол. Я была с ней, залезла под кровать и нашла там пять копеек. Потом, повзрослев, уяснила, что мама подрабатывала уборкой комнат в других домах, а тогда запомнился только крашеный пол и кровать. Лучший кусок мама старалась отдать детям. Брат Юра уже много лет спустя рассказывал эпизод, что однажды маму очень

сильно рвало. Потом она призналась, что не удержалась и взяла еду у кошки. Не все, видно, жили впроголодь.

Мы, дети, помогали маме в меру сил. Помню, ходили к деревянной басейке (именно так, с одним «с» мы называли этот пункт раздачи воды) на углу Герцена и Первомайской. На обледенелый приступок маленького домика ставили ведро. В окошко бросали талончик с круглой печатью-штампом, и тетка наливала через кран воду в ведро. Еще эпизод: вот стоим мы с Ритой с карточками в очереди за хлебом. Темно, тихо. Очередь продвигается медленно. Достоялись. Продавщица отмерила хлеб, сколько нам положено, поставила на весы, а очередь внимательно наблюдала, чтобы стрелка весов остановилась, где надо. Наконец, получили свою порцию – буханку и маленький довесочек. Буханку бережно донесли домой, а довесочек съели, разделили пополам – и в рот. Держали, как конфету, за щекой, пока не растаял.

Но не всегда карточки можно было отоварить. Все члены семьи помнили рассказ мамы, когда она три дня пыталась купить хлеб на карточки, но безуспешно. В очередной раз с утра пораньше ушла, подумав про себя: если хлеба не достанет, то и домой не вернется. Четвертый день оказался счастливым.

В войну мама продавала на барахолке книги, оставшиеся от моего деда, Алексея Васильевича Попова. Книги были очень большие, обложки бархатные, запирались на застёжки. Внутри рисунки-картины отделялись от текста пергаментом. Я любила рассматривать их, сидя на полу.

Целый год книги помогали нам выжить. К сожалению, оставшиеся книги изъял НКВД. В моем сознании эти события отпечатались смутно. Мелькают какие-то дядьки, какие-то разговоры, все как в тумане. После этого посещения книги исчезли, а маму больше не беспокоили. «НКВД» – это слово всегда произносили полупшепотом. Это учреждение находилось на улице Герцена, на территории бывшего монастыря. В каменной стене арка с железными воротами, рядом стоит часовая. Дети любопытны, мне всегда хотелось заглянуть за ворота. Когда они растворялись, видела асфальтовую дорогу, зеленую лужайку, деревья и вдали дом желтого цвета. Людей никогда не видела, да и ворота быстро закрывались, пропустив машину. Забегая вперед, скажу, что это учреждение поглотило и моего

любимого школьного учителя по физкультуре – Васильчикова Василия Васильевича.

Еще один эпизод помнится уже из послевоенного детства. На кухне стоит почтальонка с сумкой через плечо в окружении соседей. В руках у нее треугольный конверт. Кто из соседей читал письмо – не знаю. Помню только чей-то громкий плач, слезы на глазах у мамы. Потом узнала, что плакала соседка, тетя Лиза. В письме сообщалось о смерти ее мужа. Вскоре не стало и самой тети Лизы. Ее сестра, с которой она жила, поменялась с нашей семьей комнатами, и мы стали жить впятером в большой комнате – площадью целых 19 метров.

Продукты и в 1946-м году продолжали выдавать по карточкам. Однажды в нашей семье случилась катастрофа: карточки украли. И все по моей вине. Я была такой доверчивой и наивной!

Я во втором классе. Уроки сделаны. Гуляю перед домом. Подходит ко мне девушка, знакомится, рассказывает о себе, даже показывает дом, в котором якобы живет. А я рассказываю о себе, что у меня никого нет дома, но скоро должна прийти из школы двоюродная сестра Лена с первой смены, а мне надо идти во вторую. И эта «девушка» напросилась в гости, посмотреть фотографии. Я с открытой душой привела ее в комнату, открыла ящик стола. Новой знакомой захотелось пить. Я пошла на кухню за водой. Там встретила Лену, вернувшуюся из школы. Несу воду в ковшике, а навстречу нам пулей вылетает «девушка». Вот и все.

Нужно вспомнить фильм «Место встречи изменить нельзя» и кадр, когда у женщины, матери двоих детей, украли карточки, как она рыдала, как успокаивал ее Жеглов-Высоцкий. Я не могу эту сцену смотреть без слез. Сразу вспоминаю себя, нашу семью, наши украденные карточки, наши слезы, рыдания мамы. Девушка оказалась аферисткой – таких, наверное, было немало в то голодное время. Прожить до выдачи следующих карточек помогли соседи, они нас успокаивали, жалели. Кто дал картошки, кто горсточку крупы, кто гороха. Весь ужас пережитого стоит у меня перед глазами до сих пор.

В Вологде в военное и послевоенное время было очень много эвакуированных. Ходили по домам нищие-беженцы. Помню, у мамы в коридоре стоял большущий сундук с бельем. Однажды

пришли две женщины с просьбой о помощи. Мама была дома, и я тут же вертелась. Так вот, эти женщины распахнули пальтишки, а под ними – голое тело. Мама открыла свой сундук и надавала всякого бельишка, даже помню штанишки с заплаткой. Чем могла – помогла.

Много было в городе и покалеченных войной инвалидов. Одному такому безногую отдала последние пять копеек, а он на моих глазах, подъехал на своей самодельной роликовой тележке к ларьку и высыпал собранную мелочь продавщице. Та налила ему водки в стакан, которую он тут же выпил, закусив кусочком черного хлеба с килькой. Мне было обидно, что последние деньги отдала на водку.

Однажды сама чуть не покалечилась. Гуляли с двоюродной сестрой в палисаднике и нашли железную коробочку, похожую по размеру на жестянку с гуталином. Стали открывать – не получилось. Притащили топор. Я стукнула, раздался взрыв. Слава богу, обошлось без серьезных последствий.

Помню кровавые бинты в госпиталях, куда мы ходили со старшей сестрой Идой. Ида пела, я читала стихи. Помогали раненым писать письма. Как-то мы шли на выступление в детдом. Вдруг страшно завывала сирена, раздался голос из громкоговорителя: «Воздушная тревога! Всем в укрытие!» Куда мы побежали прятаться – не помню.

Навсегда остался в памяти счастливый день окончания войны. Раннее утро. Я еще в постели. Проснулась от шума. Выбежала на кухню, а там соседи собрались со всего второго этажа. Смеются, плачут, обнимаются! Война кончилась, мы победили!

В 1945 году я пошла в школу № 5, что на углу улиц Свешниковской и Железнодорожной (ныне – Пирогова и Ветошкина). Планировалось в 1-й «а» класс принять 30 девочек (школы были отдельные), а стало учиться 40, потому что десять девочек прибавилось за счет эвакуированных из Ленинграда. Учительницу звали Евдокия Ивановна. На груди она носила правительственный орден. Старенькая. Учениц своих любила, всех звала только по именам, много уделяла внимания нашему поведению, даже учила переходить дорогу. Врезалось в память: «Запомни, Сева, – сперва налево; запомни, Клава, потом направо». Хотя какое движение было тогда в Вологде!

В начальных классах на большой перемене дежурные учителя заносили подносы с кусочками черного хлеба, посыпанными сахарным песком. Всем по кусочку. Мы были счастливы!

Жизнь постепенно налаживалась. В 1953 году, когда я училась в седьмом классе, умер Сталин. Школьников вывели из классов и выстроили в длинном коридоре. В полной тишине директор школы объявил печальную весть о кончине великого вождя. Реакция учеников и учителей разная: кто-то заплакал, кто-то «окаменел», а учительница литературы упала в обморок, ее отнесли в учительскую. Я отнеслась к этому известию спокойно, только подумала: где же мы найдем еще такого вождя – красивого и важного. Ведь на портретах Сталин выглядел очень симпатично. В Детском парке имени Ленина идешь, бывало, по главной аллее и видишь огромное полотно. На нем наш вождь, на руках у него дочь Светлана. Посмотришь и радуешься: такая мирная, светлая картина, значит, все будет хорошо!

Дворец культуры железнодорожников (ДКЖ). Первая влюбленность

Источник культуры, радости и счастья! И детство и юность связаны с этим Дворцом. Мой брат играл в оркестре русских народных инструментов, а сестра Ида пела в знаменитом тогда русском народном хоре, вела и новогодние елки, – там ее все контролеры знали. Однажды сидела я одна дома, а так мне захотелось попасть на елку в ДКЖ, куда ушла сестра. Я оделась и пошла. В открытую в зал дверь увидела сверкающую елку, ребятишек, прыгающих под музыку. Устремилась туда, но контролеры не пустили, потребовали билет. Я им: «Пустите меня к сестре Иде, вон же она, у елки!» Они улыбнулись и пропустили.

Когда сама подросла, стала заниматься в нескольких кружках (драматическом, танцевальном, хоровом), всего дольше в акробатическом. Концертные бригады Дворца со сборными программами – от вокала и балета до художественного слова и акробатики – ездили по районам области. Помню, в Череповце выступали на открытии первой домны, но больше всего выступлений было перед сельскими жителями. Сельчанам, по их отзывам, наши концерты нравились. Я с двумя партнерами была занята в акробатическом номере – под «Марш энтузиастов» Иса-

ака Дунаевского. Зрители смотрели в полной тишине и бурно аплодировали в конце.

Для участников самодеятельности администрация Дворца выдавала контрамарки на все концерты, драматические спектакли, – ведь все гастролеры выступали именно в зале ДКЖ, лучшем в городе, с вращающейся сценой (однажды я, во время профилактики, покаталась на этой сцене, пока рабочие не согнали). Большое впечатление оставила опера «Пиковая дама», не осталась равнодушной и к хорам: имени Александрова, имени Пятницкого... Всех не перечислишь – долго. Наши бесплатные места были на третьем ярусе, туда вела винтовая лестница с балкона второго этажа. Еще там стояли осветительные приборы.

Красивый был Дворец, множеством комнат и ходов он напоминал мне замок. По ходам можно было пробраться и на сцену. Этим пользовалась, когда хотелось посмотреть бесплатно кино. Пробежешься на сцену, когда в зале уже гас свет, отогнешь потихоньку занавес – и спрыгнешь в зал. «Свадьбу с приданым», помню, смотрела так не один раз. Детские фильмы ненавязчиво воспитывали подрастающее поколение. Сразу было ясно, кто герой, что равняться надо именно на него. Вспоминаю песню из кинофильма «Огни на реке»:

*На пятерки я учусь, я учусь,
И мальчишек не боюсь, не боюсь.
Я умею нырять с берега крутого.
Если я побегу – обгоню любого.
Хоть коня я не имею,
Без коня везде успею.
Все успею, все сумею,
Все успею сделать.*

Перед кино всегда показывали журнал – кинохронику об успехах Родины, достижениях, научных открытиях. Узнавали, гордились, восхищались. Наша страна – лучшая в мире! Все хорошо. Завтра будет еще лучше!

Парк Дворца культуры днем наполнялся бабушками с внуками, подростками. Развлечений было достаточно: качели-лодочки, силомер, комната смеха с кривыми зеркалами, на пруду можно было прокатиться на лодке. В 21:00 дежурные по парку детей

выпроваживали, начиналась вечерняя жизнь: молодежь под духовой оркестр танцевала на огороженной площадке, а те, что помладше, смотрели на танцы снаружи.

Мое первое знакомство с мальчиком произошло здесь, в парке ДКЖ, но не на танцах. В седьмом классе стал просыпаться интерес к противоположному полу. Подружка Таня Аграфенина по секрету мне сказала, что нравлюсь ее двоюродному брату, что сама хотела познакомиться с кем-нибудь. Поговорили – забыли. Знакомство с мальчиком было целым событием для нас. И вот оно случилось. Гуляли в парке. Началась гроза. Побежали. А навстречу, из-за поворота аллеи, выскочил паренек с кульком в руках. Столкнулись. Пакет выпал. Стали вместе собирать рассыпавшееся. Познакомились. Звали его Александр Немиров. Высокий, чернобровый, с нежными карими глазами, пушистым ресницами, каштановыми волосами. Мы с подругой сразу влюбились, но выбрал он меня. Предложил дружбу. Таня на меня подулась немножко, но потом сама познакомилась с другим пареньком.

Сашей я гордилась. Вежливый, воспитанный, начитанный. Умел интересно рассказывать. От него осталась память – открытка сюжным цветком магнолией, она и сейчас у меня в альбоме. Ходили с ним в кино, ели мороженое. Лазили на колокольню, гуляли по паркам. Все было мило и невинно. Он умел художественно свистеть. Подойдет к моему дому и засвистит соловьем. Мама или Ида, кто услышит первой, та и скажет: «Иди уж – соловей твой прилетел!»

Саша любил зимой ходить на каток «Динамо». Увлечения совпали. Я до четвертого класса каталась на снегурках у дома, потом мама на день рождения подарила коньки с ботинками. Вот счастье! Собирались с ребятами во дворе, кто умел кататься, и – гурьбой на каток. Пробирались бесплатно через забор. Во дворе дома по улице Менжинского (сейчас – Предтеченская) стояла поленница, по которой мы забирались и прыгали в сугроб уже со стороны катка. Быстренько из него выбирались, пока нас не видели, и врассыпную по катку. Цивилизованно стала ходить, когда с Сашей познакомилась.

Какая прелесть каток! Кого там только не увидишь! Вот дедушка с усами учит внука, вот влюбленная парочка, вот группа студентов, вот солидные дяди и тети. А главное – дух, атмосфера доброжелательности, спокойствия, веселости. Кто-нибудь силь-

ный несся впереди, к нему присоединялись желающие, и вот уже целая вереница летит по кругу! На повороте кто-то падает, и вереница со смехом разлетается в стороны.

На Новый год на катке ставили елку. Мы брались с Сашей за руки и под музыку, раскрасневшись, неслись по кругу. А из репродуктора лилась песня:

*Вьется легкий вечерний снежок,
Голубые мерцают огни,
И звенит под ногами каток,
Словно в давние школьные дни.*

*Вот ты мчишься туда, где огни.
Я зову, но тебя уже нет!
«Догони, догони!» –
Ты лукаво кричишь мне в ответ.*

Счастливое, самое счастливое время! Мальчик первый, красивый, первая влюбленность и никаких забот, целая жизнь впереди! Дружила с ним два года. Потом расстались навсегда, по глупой причине.

Условились встретиться на День авиации на летном поле. Я пришла, увидела его с девочкой, они чему-то весело смеялись. Мне стало обидно. Когда Саша подошел ко мне, я, даже не выслушав его, сказала: «Тебе весело? Вот и иди, смейся дальше с другой, а я с тобой больше дружить не хочу!» Такая была гордая; он, видимо, тоже. Больше я его не встречала. Вывод: гордой быть не всегда полезно. Всегда нужно думать, всегда нужно выслушивать другого человека.

Да, как в старинном романсе, – «многое вспомнишь, родное, далекое...». Обобщить воспоминания о вологодском моем детстве попыталась в дилетантских стихах:

*Родилась я в Вологде, городе спокойном,
Где на каждой улице древние дома,
Где собор построен был итальянским зодчим,
Как в земле московской здание Кремля.*

*Поднималась много раз я на колокольню,
И пейзаж открывшийся радовал мне глаз.*

*И дома старинные утопали в зелени,
Купола церквушек освещались враз.*

*Извивалась речка лентой голубою,
И баржа тянула бревна по реке.
В купальню залезали малыши гурьбою,
И виднелась пристань вдалеке.*

*Вспоминаю я дом, где прошло мое детство:
Деревянный, большой, даже в два этажа.
Палисадник у дома, скамья у крылечка -
Это светлая, дальняя юность моя!*

*Вот парадный подъезд, вот холодные сени,
Вот подъем на чердак, где сушилось белье.
Поднималась туда я, скрипели ступени,
Но дышалось и думалось там так легко!*

*Помню вход со двора и дверной колокольчик,
Пять ступенек крыльца, деревянный забор
И ворота с засовом, проход сквозь калитку..
Любимый, желанный наш маленький двор.*

*Собирались в нем в летнюю пору подростки,
Мальчишки, девчонки и вся детвора.
Скрипели качели, гиганты взлетали,
И в прятки играли, пока не кричали нам: «Дети, пора!»*

*Хоть есть приходилось порой не досыта,
И одежда от моды была далека,
Но бедное детство мной не забыто,
А жизнь мне казалась легка!*

*Росла беззаботной, веселой, наивной,
Ведь младшим ребенком в семье я была,
И верила в дружбу, любовь, справедливость,
В красивую жизнь и благие дела.*

*Минуло все в безвозвратное прошлое,
Уехать пришлось из родного гнезда,
Но снится ночами мне тихая, ясная,
Такая прекрасная Вологда! Да!*

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Жили мы в Вологде, точнее, в поселке Лукьяново. 22 июня 1941 года день был солнечный, теплый, но грустный: по радио объявили, что Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

Школы продолжали работать. Мне тогда было 9 лет, я пошла во 2-й класс. Учиться было трудно. Вся промышленность в стране работала для фронта. Учебники в школе выдавали потрепанные, тетрадей не было, писать приходилось на газетах, обмакивая ручку с пером в чернильницу. Получалось плохо – газету разьедало чернилами.

Электричества не было ни дома, ни в школе – жили с керосиновыми лампами. Питание было плохое, нередко утром уходили в школу без завтрака. Зимой дома питались картошкой, капустой. Весной на обед варили суп из крапивы и картошки, летом добавляли свеклу, морковь, укроп. Потом стали выдавать продуктовые карточки. Чтобы получить продукты, нужно было отстоять в очереди целый день. Хлеба давали 400 граммов на работающего человека на день, а на иждивенца – значит, и на нас, детей – 250 граммов. Зачастую чай пили без сахара.

По радио часто объявляли воздушную тревогу – выла сирена, было страшно. Жили надеждой, что закончится война, все будет хорошо, и мы досыта наедемся хлеба.

Видела пленных немцев. Жили они на льнокомбинате. Работать их водили на завод ВРЗ. Они были тощие, страшные. Одеты были в зеленую немецкую форму, на ногах – деревянные ботинки с цепями. Когда их вели колонной, цепи сильно брякали.

Еще помню, что недалеко от Вологды был сбит немецкий самолет. Это было зимой, стояли сильные морозы. Самолет привезли в город, поставили на площади Революции, и мы всем классом ходили смотреть.

Когда война закончилась, все радовались, обнимались, целовались. Постепенно жизнь стала налаживаться, наелись хлеба досыта – этого никогда не забыть!

Эмма Витальевна Курмелёва (Шахова)

ИСТОРИЯ ДИВНОГО ПОСЕЛКА И ВОЛОГОДСКОГО ПАРОВОЗО- ВАГОНРЕМОНТНОГО ЗАВОДА *

Курмелёва (Шахова) Эмма Витальевна (1925–2001) родилась в Вологде, в поселке Ковырино (Октябрьском). Отец – ответственный работник завода ВПВРЗ, погибший на заводе за год до Победы, мать – домохозяйка. Эмма Витальевна оставила воспоминания как о поселке, так и о заводе ВПВРЗ, на котором работала табельщицей в вагоносборочном цехе с 1941 по 1987 год. Отмечена медалями и другими знаками трудового отличия.

На заводе получила тяжелую производственную травму: молодой водитель погрузчика-электрокара сбил ее на пешеходном переходе завода. В итоге у нее было несколько переломов ног и тазобедренного сустава, долгое время она лечилась и не вставала с постели. От обращений в суд и материальных претензий к водителю она отказалась, пожалела молодого и неопытного парня, у которого была семья и маленькие дети. А болезнь спины и ног поселилась в ней до конца жизни, она ходила уже только с палочкой.

Дивный поселок

Говорят, надежда умирает последней. Вот и у меня умерла всякая надежда на лучшее в этой жизни. Ибо жизнь наша кончается – жизнь ветеранов труда со стажем от военной поры. Многое в нашей жизни было трудного, тяжелого и непредсказуемого, но были и светлые моменты.

Надежда исчезла, но остались воспоминания. Как только утром просыпаюсь, так и отправляюсь мысленно на свою малую родину бродить по тропинкам, по тихим улочкам, то около полей, то в парк, где манят тебя веточки с сочными и душистыми ягодами земляники, кое-где синеют колокольчики, мелькают звездочки гвоздики, а где-то вдали по дорогам бегут машины.

* Воспоминания написаны в 1998 году.

Всюду кипит жизнь, настоящая жизнь, полная смысла. И совсем далеко от нас в сказочной дымке манят к себе леса. Вот такая была панорама в нашем детстве и отрочестве.

Я называла наш поселок дивным. Это теперь он кажется мне дивным, а тогда он был для нас самым обыкновенным, домашним, и было поселку на время начала войны всего 20 лет, жило в нем 110–120 семей. Теперь нет таких поселков, похожих на украинское село, где все домики были окружены садами и огородами, где все под рукой: и колодец, и грядки с картофелем и овощами. Почти все держали какую-нибудь живность: корову или коз, поросят, кур, гусей.

В старинном парке бывшего управляющего помещьем Ковырино сохранялись аллейки из вязов, кленов, ясеней, черемух. Красовались дубки, рябины, а отдельно рос могучий кедр. Еще были в парке пруды: один большой, другой маленький и третий – зигзагообразный, с резными мостиками и островком с сиреневыми акациями. На пологом берегу большого пруда днем купалась малышня, а у двух роскошных лип на крутом берегу собиралась вечерами молодежь: пели песни, читали стихи, строили разные планы: куда пойти после окончания школы, – и влюблялись, конечно. С крутого берега хорошо были видны все дали неоглядные и, наверное, потому молодежь полюбила это место, а мы пока были зрителями и мечтали быть такими же активными.

Завод ВПВРЗ располагался в одном километре от поселка, там работало большинство его жителей. Рядом с заводом была амбулатория, детский сад, школа и магазин. Все было доступно. Два-три раза в месяц приезжала кинопередвижка. Был детдом для детей, потерявших родителей. В детдоме ребята не скучали: ухаживали за животными, работали в поле. Еще был стадион. Там проводились большие гулянья. Для полного счастья не хватало бани и реки поблизости. В баню ходили в город. Автобус появился позже.

Коснулся поселка 1937-й год: некоторые семьи потеряли мужчин, но их семьи никто не трогал и не унижал, никуда их не выселяли.

Таким был наш поселок до войны. В войну семьи поредели, началась борьба за выживание. Я поступила на завод, который полюбила на всю жизнь. Не знаю, как в других местах, а у нас была самая настоящая трудовая жизнь, заполненная любимым делом.

Четыре года войны унесли отцов, сыновей, а у невест – женихов. Горя было много, трудностей еще больше. Жили на грани: многое распродали или поменяли на продукты, деревянные вещи сожгли вместо дров: зимы почему-то были очень длинные. Но, несмотря ни на что, люди верили в победу, жили как замороженные.

День Победы до сих пор стоит перед глазами. На заводе был шумный торжественный митинг, а в поселке – настоящий праздник со слезами на глазах. И самым вкусным и дорогим угощением на этом празднике были картошка и капуста, и то, наверное, не у всех, а у некоторых только кусок хлеба по карточкам. Но соседи в такой день объединились вместе, и это осталось незабываемым на всю жизнь.

После войны люди вновь воспрянули духом. Возвращались фронтовики, возникали новые семьи. Но неурожайные 1947-й и 1948-й годы вновь нанесли удар по населению. Снова был голод, были трагедии и драмы. Все было. Но годы летели, люди работали. В начале 50-х годов начался подъем: понемногу стали появляться кое-какие продукты без карточек и промтовары тоже. Но вот опять удар – смерть Сталина в 1953 году. Пошатнулась дисциплина, кое-где начались шатания в нравственном смысле. Фронтовики с запада принесли, как они говорили, новые веяния.

Военные годы изменили облик поселка. Появились воинские части: сначала были конники, их сменили автомобилисты. И все они кучковались в парке. В суровые зимы началась вырубка деревьев, летом рыли траншеи, а после окончания войны стали просто копать гряды. Появился поселок Притыкино – так местные жители стали называть перенесенные из соседних деревень дома пришлых селян. И с каждым годом они все больше и больше вторгались в жизнь поселка. Урезали наши огороды: из четырех-шести соток у коренных жителей остались крохи в одну-две сотки. Конечно, переезжали к нам не от хорошей жизни, но милого уютного поселка не стало.

Жизнь так коротка, счастье так быстротечно, одна лишь память может быть бесконечной...

Из жизни завода

Хочу рассказать о нашем заводе ВПВРЗ, о его послевоенной жизни. За годы войны завод утратил свой привлекательный вид,

кое-что разрушилось, центральная дорога, разделяющая завод на две части, пришла в негодность окончательно. Но вот на завод пришел новый директор (на заводе эта должность по традиции называлась «начальник») Николай Николаевич Рей.

В первые дни он обошел все цеха и участки, заглянул во все закоулки, после чего собрал передовиков производства и молодежь. Это было потрясающее собрание! После его зажигательной речи желающих выступить было очень и очень много. Говорили обо всем: о тесноте в общежитии (там была еще двухъярусная система), о дороге, о спецодежде, о реконструкции цехов и даже о личной жизни.

Рей умел обращаться с людьми, и дело пошло. Начали строить новые общежития – мужское и женское, открыли профилакторий рядом с заводом, главную дорогу засыпали шлаком. Объединили некоторые цеха, например, наш вагонноборочный цех с малярным. Другие цеха надстроили и расширили, ликвидировали захламленность, боролись за чистоту своих участков. Озеленили территорию вокруг цехов, главную аллею, проложили тротуар. Весной всегда проводили большие субботники, заводчан на проходной встречала музыка, создавая праздничное настроение. По воскресным дням ездили на природу. В майские и октябрьские праздники заводчане с радостью шли на демонстрацию, праздники любили и готовились к ним. Ожил завод, ожили люди!

Каждую неделю передовиков отмечали подарками: это были вещи, книги, билеты в театр. Для молодежи стали работать спортивные секции, музыкальный и шахматный кружки; ребята стали думать об учебе. Раз в месяц проводился День выпускника, молодые люди, прошедшие учебу, получали документы о приобретении профессии. Вручали их на сцене театра – с музыкой, цветами, подарками. Еще дарили нужные для работы наборы инструментов. Я сама присутствовала на таких мероприятиях

*Николай Николаевич Рей.
Из архива ветеранской
организации ВРЗ*

Эмма Витальевна Курмелёва. Начало 1970-х годов

не однажды. Такой день, думаю, запомнился молодыми рабочими на всю жизнь. Годы были трудные, но не безнадёжные.

Рабочие люди очень ценили всякое внимание руководства и отвечали на него своей работой. Лучших специалистов отправляли в Ленинград и Прибалтику на восстановление таких же заводов.

Наш директор Н. Н. Рей проработал у нас 7–8 лет, а нам казалось, что он у нас всегда был и будет. Но его призвала к себе Москва. Дальше пошло невероятное. В начальники стали присылать где-то проштрафившихся и склонных к алкоголю. Многое достигнутое Реем стало исчезать. Передовикам вместо подарков стали выдавать деньги, и они начали превращаться в выпивох. Исчез День выпускника, не стало такого торжественного мероприятия. Просто и не хлопотно в отделе кадров стали вручать удостоверение об окончании учебы и присвоении разряда, все стало будничным – ни музыки, ни цветов. Комсомольская работа запускалась, и никого это не волновало. Где-то были комсомоль-

ские стройки, гремела целина, а наши ребята только числились комсомольцами, членские взносы не платили годами, а выпивох появлялось все больше и больше. Так хорошие дела исчезали по вине недалеких начальников. Людей на демонстрации приходило все меньше, не стало того энтузиазма, который был при Рее, той спаянности в коллективах, когда один за всех и все за одного.

Десять начальников завода сменилось за 46 лет моей работы с 1941 по 1987 годы. Но только Н. Н. Рей оставил у многих яркое впечатление о себе как о достойном трудовом руководителе.

В брежневскую эпоху начальство стало жить само для себя, и народ стал жить сам по себе, стали тащить с завода все, что можно и чего нельзя. Потом началась перестройка. Хитрецы только этого и ждали и прибрали все остальное к своим липким и ловким рукам. Раньше был железный занавес от Запада, а теперь стоят железные двери и решетки от своих соседей. Банкротство, забастовки, невыплаты – каждый день звучат эти слова. Чего же ждать еще? Молодым надо крепко подумать. Мир от разрушения может спасти только работа и еще раз работа, и только тогда красота станет по-настоящему красотой, а не пустыми словами. Красота не терпит суеты. А безработных не должно быть совсем, даже слова такого не должно быть. Так думаю я, пенсионерка, отработавшая 46 лет.

Нина Александровна Соловьёва-Шульгина

ВОЛОГОДСКИЕ УЛИЦЫ МОЕГО ДЕТСТВА (1940–50-е годы)

Начну с моей малой родины – улицы Крестьянской (сейчас улица Бурмагиных). Здесь я жила с рождения и до 14 лет (а мысленно – всю жизнь). Одноэтажный деревянный дом на четыре семьи. Окна и двери украшены резьбой. Приветливый звонкий колокольчик извещал о приходе родных и гостей. Его надо было дергать за витую веревочку на крыльце. Соседи жили дружно, особенно помогали друг другу в военное и послевоенное время. Из нашего дома с фронта не вернулись шесть человек, все молодые.

На моей родной улице. 1960 год

Улица Крестьянская была булыжная, тротуары из досок. Дома стояли за невысокими заборами. За чистотой следили сами жители. Зимой убирали снег даже на проезжей части дороги, которая прилегала к домам. Если кто не убирал снег, участковый милиционер делал замечание. Хорошо помню, как напротив нашего дома по четной стороне улицы велись археологические раскопки. Здесь начиналась история нашего города. Мы были еще маленькие, но нам все было интересно. Взрослые иногда давали поддержать кое-какие найденные предметы.

Наш дом находился рядом с храмом Успенья. Бабушка Маша рассказывала, что до революции здесь был Горне-Успенский женский монастырь (сейчас он возобновлен). А в моем детстве его занимала воинская часть. Солдаты из ворот всегда выходили строем, с песнями. Один солдат запевал, другие подхватывали. Наши мальчишки вместе с ними. За забором нашего огорода была конюшня части, и мы иногда угощали морковкой с грядки коней

и жеребят. В конце улицы на пастбище пасли скот. Каждое утро пастухи туда гнали коров и коз. Когда я рассказывала об этом внукам, они удивлялись. Для нас это было привычно, как привычно работать на огороде, как привычно пилить и колоть дрова, как привычно с ведрами ходить за водой, как привычно при керосиновой лампе (часто отключали свет) делать уроки...

До сих пор помню похоронные процессии, проходившие под духовой оркестр не один раз в день на Горбачёвское кладбище мимо нашего дома. Усопших везли на лошадях или на грузовых машинах с открытыми бортами, а провожающие шли за ними пешком.

Когда стал действовать парк Мира, то в субботу и воскресенье проходило много отдыхающих. В будние дни утром и вечером в церковь святого праведного Лазаря (она была действующая всегда) пожилые люди шли на богослужение, а в церковные праздники нам казалось, что идет в церковь вся Вологда. Так что жить нам было не скучно. Больших предприятий на нашей улице не было. Работал только один завод – Восрремонтный.

Идем от нашего дома № 29 к центру. Дома все одноэтажные, кроме общежития педучилища. Когда я прохожу около этого места, ясно помню День Победы 9 мая 1945 года, мне было уже 5 лет. Солнечный, теплый день. Из окон и форточек слышится музыка. На некоторых домах люди вывешивали флаги.

Дом № 21 – это бывший большой храм, а в 40–50 годы – гараж и мастерская для машин. Подходим к памятнику 800-летия Вологды. Раньше, когда я ходила в школу, его не было, а здесь располагался сквер. В нем стоял жилой дом, и живущая семья сохраняла в сквере чистоту и поливала на клумбах цветы. На скамейках отдыхали родители с детьми, дедушки и бабушки.

Сквер находился на высоком берегу реки Вологды. Река в этом месте была очень широкая. Действовал перевоз с берега на берег. По реке часто плыли плоты из бревен, переправляли лес-кругляк. Плоты тянули буксиром дальше по рекам Сухоне и Северной Двине. Бывало так, что плоты стояли от самого Затона до Прилук, но между ними на воде оставались пустые места для перевозов. Перевозчиком, помню, был инвалид войны на костылях, а когда было много народа, ему помогали молодые ребята, которые ехали на работу.

На специальном дощатом плоту мы полоскали белье. Вода чистая-чистая, даже были видны мальки рыб. Зимой для полоскания вырубали проруби, которые для безопасности всегда загораживали досками. Чтобы прорубь не замерзала, следил за ней специальный работник.

От сквера идем вдоль берега реки. Берег очень крутой, зимой здесь катались на лыжах и санках. Противоположный берег реки – пологий. Весной там вода выходила из берегов и заливала дворы домов. Мы видели, как люди передвигались на лодках от дома к дому.

На углу улиц Крестьянской и Маяковского находилась пожарная часть. Перед ней на большом открытом пространстве (где сейчас стоит памятник святому Герасиму) были тренировочные приспособления для пожарных. Мы с интересом наблюдали, как они взбирались на стенды, бежали по длинному бревну, одновременно разматывая или свертывая пожарные рукава.

Крестьянская улица была вся в зелени. В каждом палисаднике росли сирень, яблони, кусты малины и, конечно, березы. В некоторых домах держали голубятни.

Вот и прошли мы всю улицу Крестьянскую. Этот заповедный уголок, от дома № 1 до Горбачёвского кладбища, остался мне дорог навсегда. Верю, что малая родина живет в сердце каждого человека.

А вот и улица Ленинградская. Виднеется Софийский Собор. Это мой путь в начальную школу, расположенную на углу улицы Папанинцев – дом Засецких. На другом углу улицы – парк ВПВРЗ (раньше он назывался так). Парк был огорожен со всех сторон так, что заходили в него только с улицы Папанинцев. Работали аттракционы – и взрослые, и детские. Привлекал внимание пруд, где плавали утки, а на лодках, которые выдавали напрокат, каталась молодежь. Парк весь в густой зелени. Днем работало кафе, а при входе в парк продавали мороженое. В ларьках можно было купить выпечку, бутерброды, конфеты, сок, вкусное клюквенное сидро. В парке находился небольшой кинотеатр. Мы ходили смотреть фильмы всей семьей. На танцплощадке играл духовой оркестр. Молодежи приходило на танцы много. Зимой на пруду устраивали бесплатный каток. У большинства детей коньки были на валенках.

Иногда в школу мы ходили другой дорогой – от пожарной части по улице Засодимского, которая выходила на Ленинградскую.

Нам нравились дома, они все были в резьбе. Особенно ворота, потому что они отличались друг от друга вырезными рисунками – птицы, звери, цветы, орнаменты. Строгость улицам придавал храм Варлаама Хутынского (название мы тогда не знали). Он не действовал, в нем был архив и склад, как и во многих храмах в те времена.

После окончания начальной школы девочек перевели в школу № 10, мальчиков – в железнодорожную. Когда я закончила шестой класс, наша семья переехала на улицу Комсомольскую в новый дом. Там располагалась редакция газеты «Красный Север», где работала моя мама. Папа до войны тоже работал в редакции. Он погиб в 1943 году под Ленинградом.

Я пошла учиться в школу № 11 на улице Чернышевского. На углу улицы Чернышевского и набережной VI Армии был военный госпиталь. В 1944 году в него привезли раненым моего дядю Толю. Когда он очнулся после операции и узнал, что он находится в Вологде, то говорил, что его радости не было предела. Ему удалось бросить из окна записку с адресом своих родных и попросить проходящего мимо мальчика отнести ее к нам домой. Так мы узнали про дядю и целый месяц его навещали.

По Октябрьскому мосту переходим реку, и первое, что бросается в глаза, – это высокое длинное каменное здание, в котором была мужская школа № 9. Налево на берегу реки – электростанция. С моста поворачиваем направо. Отсюда начинается улица Маяковского, а сейчас улица Орлова. Видим водонапорную башню и здания Водоканала.

Подходим к Педагогическому институту. Его с красным дипломом закончила моя двоюродная сестра Наташа (Кононова-Александрова Наталья Вячеславовна). А потом до пенсии она проработала в этом здании, преподавая студентам математические дисциплины. Напротив института был открытый колхозный рынок с деревянными рядами.

Дальше – церковь Александра Невского, тоже не действующая в годы моего детства. В ней был склад спортивного инвентаря и прокатный лыжный пункт. Напротив – здание Вологодского Госбанка (сейчас Музей кружева). Спускаемся к реке. Помню детскую купальню и вышку для прыжков в воду.

Поднимаемся назад, и вот перед нами достопримечательность города – Вологодский кремль, исхоженный вдоль и поперек

с родными и учителями. Не пропускали ни один музейный уголок. А величественный Софийский собор, построенный по указанию Ивана Грозного, до сих пор привлекает внимание не только жителей города, но и всех приезжих.

Идем вдоль реки по Соборной горке и оказываемся на моей малой родине. Я ветеран труда, отношусь к категории «Дети войны». Счастливая дорога моего детства от улицы Крестьянской до Комсомольской и от улицы Комсомольской до Крестьянской пролегла через всю мою 80-летнюю жизнь.

Светлана Валентиновна Глембоцкая

МОЙ РОДНОЙ ДОМ

Что помню из раннего детства? Мне три года. Скрип снега. Меня, в зимнем пальто, закутанную в пуховый платок по самые глаза, везут на санках. Платок хочется сорвать! Но, как только освобождаюсь от платка, обжигает своим дыханием морозище. Мороз, а кукла, которую прижимаю к груди, – пластмассовый голый пупс. Почему кукла голая? Ей так холодно...

Что для меня значит Вологда? Это родной бабушкин дом, это родина моей мамы, это мои счастливые студенческие годы.

Деревянный бревенчатый скромный дом. Окна бабушкиной квартиры на втором этаже выходили с одной стороны в сад, за ним виднелись сараи и высокая каменная стена «винопольки» (так называли старый питейный заводик), а с другой стороны – на речушку Содему-Золотуху. Когда-то в ее светлых водах купались, стирали белье, потом, увы, по весенней воде поплыли радужные круги бензина и маслянистые – мазута.

Опечаленная речка, однако, всегда манила нас, детей, – меня и двоюродных братьев – своим неспешным течением. Впрочем, во время весеннего таяния снегов Золотуха из тихони превращалась в бурную речку с торосами льда. А иногда – это случалось, правда, нечасто – выходила из берегов и разливалась так, что по двору можно было плавать в лодках, как в Венеции.

*Улица Героев Арктики у моста через Золотуху.
Вологда. 1950-е годы XX века*

А за рекой, на противоположном берегу – горстка деревянных домов и железнодорожные пути, ведущие на Ленинград и Архангельск. Гудки паровозов, тепловозов и электровозов...

Бабушка Евфалия Алексеевна родилась в 1889 году в мещанской семье в деревне Лукинцево Вологодского уезда Вологодской губернии. Окончила церковно-приходскую школу, пела в церковном хоре Рождество-Богородицкого храма, расположенного на территории бывшего Богородского кладбища, около железной дороги за Горбатым мостом в Вологде.

В 1915 году Евфалия Алексеевна вышла замуж за Николая Васильевича Куликова. Новая семья проживала в собственном доме (ул. Пятницкая, д. 70), на втором этаже. Евфалия Алексеевна заботилась о двух семьях. Ей пришлось воспитывать своих детей, а также родных сестер и братьев.

Во время Великой Отечественной войны всем горожанам приходилось несладко. Жили за счет огородов, в частных домах держали кур и коров. Жили так и Куликовы с Соколовыми. Три коровы – Сонька, Баска, Зорька – уживались прекрасно. Во дворе бабушкиного дома стояли «двухэтажные» сараи, на сеновал вела

деревянная лестница. Правда, сена для коров не хватало. Подбирали арбузные корки на рынке. Рвали траву на ближайшем кладбище, но Сонька эту траву отказывалась есть. Молоко сдавали для госпиталей: надо было выхаживать раненых красноармейцев и вывезенных из Ленинграда блокадников. Бабушкина корова Сонька давала самое густое жирное молоко. Молоко разбавляли – его хватало и для собственных нужд. Мамина сестра Нина Николаевна училась в Горном институте и всю блокаду прожила в Ленинграде. Училась, стояла у станка, дежурила ночью во время бомбежек: сбрасывала зажигалки с крыш домов. После снятия блокады ее в числе прочих блокадников вывезли в Вологду для выздоровления. Соседка, проходя мимо железнодорожного вокзала, увидела ее на носилках, лежащих на снегу, и привезла домой. Родная мать (моя бабушка) сначала ее не узнала. Тетю Нину отпаивали молоком – по капле.

Бабушка не получила специального образования, но любила читать, даже в преклонном возрасте много читала, живо интересовалась событиями в мире. Пекла волшебные пироги, собирала дочерей с семьями у самовара. Томила молоко в печи. Топленое молоко с коричневой пенкой для меня осталось сладчайшим воспоминанием...

Говорила она мало, но образно. Я помню ее поговорки: «за стол с жадным человеком не садись», «простота хуже воровства». Помню, как она брала в сенях коромысло и носила воду с колонки. Тогда уже почти никто коромыслом не пользовался, а бабушка брала деревянную дугу с прорезями для ведер и шла по мосту на другой берег Золотухи к колонке по воду. Помню, как она топила печь, как ставила самовар, потом брала щипчики для сахара и колола ими сахарную голову. Пили горячий чай с блюдца, с кусочками сахара вприкуску. Пили чай и с дешевыми конфетами (лимонным горохом и подушечками), а также с вареньем. В сенях, помимо варенья, стояли бочка с квашеной капустой да кадушки с моченой клюквой и брусникой, а также с солеными грибами.

Тетя Нина, овдовев, осталась жить с двумя сыновьями в бабушкином доме. Мои двоюродные братья на крытом балконе деревянного дома сделали избу-читальню, вернее, домашний клуб; собирались там и в детстве, и в институтские годы. Сыновья тети Нины учились в Ленинграде. Сын моей крестной, тети Лены,

*Моя мама, Татьяна Николаевна
Глембоцкая (Куликова)
(13.10.1930–25.02.2018),
медицинская сестра
яслей № 21 Северной ж. д.
1952 год*

*Светлана с крестной мамой
Еленой Николаевной Гавриловой
на крыльце бабушкиного дома.
1967 год*

учился в МГУ. Я очень любила слушать их разговоры о студенческой жизни, о новостях науки и техники. Тогда все бредили наукой. Обсуждались устройства космических спутников, просматривались чертежи радиоприемников. Братья всегда что-то мастерили. Я смотрела на них с восхищением. Говорили и о новостях культуры: с восторгом рассказывали о премьерях нашумевших спектаклей, о концертах знаменитых певцов. Как благоговейно они произносили прозвище Анны Герман: «Серебряное горлышко»!

Моя мама Татьяна Николаевна Глембоцкая (Куликова) родилась в 1930 году в Вологде. Окончила Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу и работала медсестрой железнодорожных яслей, а потом медсестрой детского сада. Женщины в 1950-х годах рано выходили на работу после родов. Дети определялись с двух месяцев в ясли. За всеми малышами был хороший уход: медсестры их кормили, переодевали, укачивали, успокаивали. Наблюдали,

как дети развиваются, при необходимости оказывали медицинскую помощь. Мама работала в круглосуточной «дизентерийной» группе, где оздоравливались дети, перенесшие дизентерию. Дети поступали в группу ослабленными, их надо было кварцевать, некоторым требовалась кровь для переливания. В летний период детей вывозили для оздоровления на дачу недалеко от города.

Мама познакомилась со своим будущим мужем Валентином Глембоцким на танцах. Он тогда учился в Вологодском техникуме железнодорожного транспорта. Танцевать она любила, старалась не пропускать ни одного танцевального вечера, знакомые ее звали «Таня-звезда». Ее фотография целый год украшала витрину фотоателье на Каменном мосту в Вологде, чем мать очень гордилась. Мама с отцом поженились в 1954 году. Она ждала почти четыре года, пока папа не окончил учебу в Омске, в летнем училище.

Если говорить о семейных традициях, то в первую очередь нужно сказать о проведении праздников. Тут можно вспомнить как религиозные праздники, так и светские. Моя бабушка всегда праздновала Рождество, Крещение, Масленицу, Вербное воскресенье, Пасху и другие даты православного календаря. В советское время не принято было отмечать эти праздники. Однако за семейным столом у самовара собирались и беспартийные, и партийные члены семьи. Бабушка готовила угощение на славу. На День памяти сорока мучеников (22 марта) она выпекала сдобных жаворонков с глазами-изюминками. На Пасху пеклись куличи в русской печке, красились яйца луковой шелухой. Гостеприимный дом славился пирогами. «Баушка Фаля» всегда пекла отменные рыбники: палтус привозили на поездах знакомые проводники из Мурманска. Также удавались на славу открытые пироги с клюквой, брусникой, творогом. В Вербное воскресенье бабушка приносила из храма освященные вербочки, украшенные сухоцветами. Легонько била домочадцев веточками, окропленными святой водой, приговаривая слова молитвы с пожеланиями здоровья. Целый год – до следующего праздника – в вазах на пианино стояли эти вербочки.

На Новый год и Рождество украшалась живая елка. Наряжали елочку стеклянными, картонными, ватными елочными игрушками, орехами, шоколадными конфетами в разноцветной фольге. Дети боролись с искушением немедленно попробовать эти конфеты, но всякий из нас, кто рискнул это сделать, разочарованно

*Гордость Вологодского вагоноремонтного завода.
Третий слева – Сергей Горбин. Вологда. 1979 год*

убеждался, что даже раскусить их не представлялось возможным: конфеты, увы, были как куски окаменевшей глины. Второй муж тети Нины, Владимир Бузунов, военный летчик, после окончания войны служил в Австрии; оттуда и были привезены эти лакомства. Их берегли как новогодние сувениры, пока соблазнительные сладости не превратились в бутафорские. Бабушка Евфалия прикрепляла к пахучим ветвям свечи в подсвечниках и зажигала их. Запах восковых свечей смешивался с ароматом ели и плыл по дому.

Государственные праздники всегда отмечали на особом подъеме. День Великой Октябрьской социалистической революции был главным праздником в СССР и праздновался в стране с 1918 по 1991 годы. Мы очень любили ходить на демонстрации и на парад в этот день. Праздничные колонны шли с песнями. Люди несли искусственные цветы, транспаранты и портреты Маркса, Энгельса, Ленина, руководителей партии и государства, а также портреты ветеранов войны и труда, лидеров соцсоревнований. Также весело проходили демонстрации в День международной солидарности трудящихся – 1 Мая. Особо надо сказать о праздновании Дня Победы. Это – святой праздник в нашей семье.

Наша родня: Соколовы, Куликовы, Енютинины, Гавриловы, Горбины – все эти семьи были связаны не только своей работой, но всей жизнью с Северной железной дорогой. Приведу только один пример. Мой дядя, Сергей Иванович Горбин, работал слесарем Вологодского вагоноремонтного завода. Ветеран войны, награжден Орденом Отечественной войны II степени, ветеран труда, заслуженный рационализатор, имел звание «Мастер золотые руки». Его имя занесено в Книгу Почета завода.

Марина Михайловна Обоева

НА ПАРОХОДЕ

Деревенское детство, как и городское, наполнено открытиями, играми, всякими интересными событиями. А детство мое прошло в деревне Кашино Грязовецкого района Вологодской области. Когда мне было лет 5 или 6 (в школу я еще не ходила), мне в какой-то момент попало что-то в глаз. Око покраснело, стало припухать. Мама моя, Александра Александровна Яковлева, обратилась в наш медпункт, фельдшер направил нас в Вологду.

Зимняк – соседняя и довольно большая деревня – стояла на берегу реки Лежа, да и сейчас стоит. И была там пристань для парохода, который курсировал до Вологды через Лобково. Направились мы с мамой в глазную больницу этим пароходом. Это была для меня незабываемая поездка. Помню, как по трапу все пассажиры перебрались на пароход, как мирно плескалась вода о борт, а на берегах менялись неброские пейзажи северной природы.

Название пароходов, которые соединяли по воде наши деревни с Вологдой, были «ПТ» и «Кольцов». Скорость была невелика, и поездка была довольно продолжительной: я успела даже вздремнуть. Благополучно прибыв в областную столицу, с помощью горожан мы нашли нужное нам медицинское заведение. Строгий дяденька-врач в белом халате стал проверять мое зрение: показывать картинки. Бегемота я, конечно, назвала коровой. Соринка была благополучно извлечена. И я с повязкой

*Марина с мамой
Александрой
Александровной
Яковлевой.
1969 год*

на глазу и мамой, переживающей обо мне и о домашнем хозяйстве, отправилась на Речной вокзал. Не думала, что обратный путь сильнее врежется мне в память.

Народу на вокзале было много, об отправлении пароходов вещал громкоговоритель. То ли вещал нечетко, то ли мама была невнимательна, но посадку на наше судно мы прозевали. Надо сказать, мама моя была человеком довольно скромным, но ситуация была такой, что наше опоздание стало сенсацией местного масштаба. По громкой связи пароход призвали пришвартоваться к берегу. Я, подхваченная с одной стороны мамой, а с другой каким-то парнем, почти летела к брошенному трапу. «Сандалия!» – завопила я. Парень вернулся за потерянной в полете обувью, и уже у трапа вручил мне драгоценную «обутку».

Сейчас, проезжая мимо Речного вокзала, я вспоминаю ту историю, вспоминаю тихий плеск воды о борт и маму.

МОЯ ВОЛОГДА

Родилась я не в Вологде, но меня всегда тянуло в этот город. Может, потому, что моя мама была урожденная вологжанка, но по воле судьбы вышла замуж за парня, который учился в школе машинистов, и уехала на его родину в поселок Шарью Костромской области. Шел 1929 год, ей очень боязно было уезжать из родного дома в 18 лет. Чтобы не было скучно, взяла с собой собачку. Маме там очень не понравилось, она рассказывала, что по улицам там текли нечистоты. Она тосковала по родной Вологде.

Во время войны папу переводили в Вологду. Водил поезда до Волхова. Мама рассказывала, что папе перед поездкой выдадут кусок хлеба, она со старшими моими братьями провожала его, а он большую часть отдавал им.

*Татьяна Глазова.
Флотский переулоч. 1975 год*

Я родилась после войны. Мы с мамой часто ездили в Вологду к бабушке. Она жила на улице Челюскинцев с тетей и ее семьей. Улочка тогда была в основном деревянная. Напротив дома был хлебозавод, и всегда чувствовался вкусный запах выпечки. Дядя мой, Терентьев Павел Васильевич, был зубным врачом. У него был свой маленький кабинет и всегда много пациентов. Это повлияло на мой выбор жизненного пути. Я тоже потом выучилась на зубного врача. Каждое лето я проводила в Вологде. В доме жили добрые прекрасные люди, я помню семью Ласточкиных и Зяблицевых. У них была собачка, и однажды она меня укуси-

ла. Меня повели в хирургическое отделение железнодорожной больницы, которая располагалась за Горбатым мостом на улице Завокзальной (сейчас улица Можайского). Это было одноэтажное деревянное здание, где мне сделали несколько уколов.

С мамой ходили купаться на Ситцы, в конец улицы Челюскинцев. А еще купаться ходили на реку Вологду, пляж был у Соборной Горки, детский пляж был огорожен. Каждый приезд в Вологду мама водила меня в Богородскую церковь у Горбатого моста, где меня крестили и причащали, причем втайне от папы, который был коммунистом и противником религии.

Еще из детства запомнилась парашютная вышка, которая стояла в поле на улице III Интернационала. Мы с ребятами бегали смотреть, как с нее прыгают.

Вологда тянула меня к себе. Закончив школу в 1969 году, приехала в Вологду на мамину родину. Поступила учиться в медицинское училище на зубоврачебное отделение. Сначала жила на квартире по улице Ветошкина. Хозяйкой была очень добрая старушка, Кузнецова Александра Васильевна. Потом дали общежитие. Рядом был клуб КОР (так раньше назывался Дом культуры железнодорожников). Часто туда ходили на концерты. Позже в этот же клуб я ходила на курсы кройки и шитья. Физкультура на лыжах у нас проходила на стадионе Локомотив. В этот район часто с подружками ходили в кинотеатр Спутник, а потом на ужин в деповскую столовую, где было вкусно и недорого.

Так и осела я в Вологде. Закончила учебу, пошла работать. Вышла замуж за вологжанина. Жили сначала у родителей мужа во Флотском переулке, дом № 7. Дом был деревянный, 2-этажный, большой, много семей там жило. Воду носили с колонки. Река была совсем рядом. В баню ходили в Водники. Зимой переходили реку по льду, а летом около тюрьмы курсировал с одного берега на другой катер-паром, билет стоил 2 копейки.

Это было в начале 70-х годов. За продуктами чаще ходили в 5-й магазин на Советском проспекте, где снабжение было намного лучше, чем в других магазинах.

Рядом был мебельный магазин на улице Левичева. Стояли в очереди всю ночь, чтобы записаться в очередь на покупку ковра. Помню еще такой случай. Телефоны ведь были далеко не у всех. Надо было срочно позвонить поздно вечером. Пошла на угол

Левичева-Урицкого (сейчас Козленская). Там на стене жилого дома висел телефон, даже не будка, а козырек с полочкой. Я позвонила, а кошелек оставила на полочке и ушла. Утром поняла, что забыла кошелек, побежала, а он так и лежит на полочке. Никто не взял. Я очень обрадовалась, так как мне был дорог этот кошелек, мне его подарила на свадьбу крестная. Сейчас, думаю, люди другие.

В конце 70-х у мужа подошла очередь на квартиру. Дом строился на Ленинградской, 87. Все ходили смотреть, сколько этажей построено. Дом сдавали частями, мы заехали в него в 1979 году. Дом большой, звали его тогда китайской стеной. Пошли первые троллейбусы: сначала только первый маршрут, потом стали добавляться другие. Сыну надо было уже идти в первый класс, как раз открылась новая школа, но по пути в школу был вырыт котлован, поэтому мы все переживали за своих детей.

Вокруг много строилось домов, с каждым годом все красивее, сейчас это прекрасный, удобный для жизни микрорайон. И я могу сказать, что моя Вологда преобразается с каждым годом.

Людмила Павловна Олейник

ДЕТСТВО В ЗАРЕЧЬЕ

Я родилась в Вологде в 1958 году. В детстве жила на улице Добролюбова, в доме № 14. В те годы улица была вымощена булыжником, камни на солнце переливались розовым, голубым, сиреневым цветами. По улице водили коров на пастбище за парк Ветеранов. А вот машин вовсе не было, поэтому мне трудно было понять, зачем в школе нам рассказывают о правилах дорожного движения. Это казалось какой-то бессмыслицей: хоть куда иди – нигде нет машин. Лишь раз в полгода приезжала машина-ассенизатор, очищала помойки.

Ходили мы по деревянным мосткам. Помню присказку, ее папа говорил: «На один конец встал – другой по лбу дал!». Наш квартал сплошь состоял из деревянных домов с резными наличниками и резьбой под крышей, с большими металлическими флюгерами

*Первоклассница
Люда Голякова.
1 сентября
1965 года*

на трубах. Наш дом был старый, деревянный, с русской печкой на кухне и «голландками» в комнатах. Вероятно, до революции он принадлежал одному хозяину, а затем стал коммунальным. Печь когда-то была облицована цветной фаянсовой или фарфоровой плиткой, которую сняли, когда строили перегородки между комнатами. Сохранилась лишь кованая дверца печи с изображением летящей тройки на фоне зимнего пейзажа.

Наша семья занимала две комнаты на втором этаже дома. Настоящим приключением для нас, детей, было пробраться в парадное и полюбоваться спиральной лестницей с резными перилами. С улицы в парадное вела дверь со звонком, жильцы

же пользовались другим входом – с торца здания, поэтому дверь была всегда закрыта на ключ.

Вокруг каждого деревянного дома был в то время целый мир: двор, дровяные сараи, курятники, палисадники с цветами и кустами, поленницы дров. Аромат моего детства – это аромат свежих березовых и осиновых дров. Поленницы были излюбленным местом наших детских игр! Между ними мы забирались как в домик и играли.

Из нашего окна открывался вид на реку Вологду, на обезглавленную Никольскую церковь и колокольню рядом с ней, где жили стаи голубей. В церкви в ту пору располагалась артель «Северохим», там валяли валенки. Запомнился едкий черный дым, нередко идущий из трубы предприятия прямо в наши окна.

Начинаясь от Красного, в пору моего детства деревянного моста, улица Добролюбова шла вверх, а на пересечении с улицей Гоголя и до сего дня стоит каменный двухэтажный особнячок, местные жители называли его по фамилии старого владельца «Клушин». Там был магазин, в который мы частенько ходили.

Жизнь всей улицы была так или иначе связана с рекой. На реку ходили с мамой полоскать белье. Зимой специально вырубалась большая прорубь-полынья. Ее огораживали заборчиком, строили мостки, чтобы женщины могли полоскать, стоя на коленях.

Летом на реке бывало много рыбацких лодок, и улов обычно был хороший. Лес сплавляли тоже по реке. Запомнились большие плоты, и было очень интересно наблюдать, как плавщики сквозь деревянный мост прогоняли плоты.

Запомнился ледоход. Вся окрестная детвора бегала смотреть с берега, как взрывают лед. Помню, однажды от взрыва даже стекла треснули в доме неподалеку.

По берегу реки ходила я в деревянную начальную школу № 18 на улице Чернышевского. По дороге в школу любовалась на церкви, стоящие на берегу реки. Запомнились фрески на входе одной из церквей, они просвечивали сквозь штукатурку: голубо-розово-зеленые. У входа всегда стоял солдат в шинели с ружьем, он, видимо, охранял склады, а мне нравилось на него смотреть.

В школе тоже было печное отопление. Во время уроков в класс заходил сторож и топил печь. И колокольчик у него был настоящий, им сторож звонил, заглядывая в классы.

Неподалеку от школы располагалась моя любимая Детская библиотека № 6 на улице Чернышевского. В детстве окна библиотеки казались огромными, особенно запомнилась большая пальма, растущая в кадке на подоконнике одного из окон.

В старших классах мне повезло учиться в старой школе № 1 у Красного моста. Старинное здание с огромными окнами и ажурными металлическими лестницами казалось дворцом. А когда поднимаешься по лестнице, увидишь огромную картину «Три богатыря» во всю стену.

В выходные дни, взявшись за руки, мы с родителями по Красному деревянному мосту шли гулять в центр. Летом любовались фонтаном, а зимой – нарядной елкой. Фонтан стоял на площади Революции, в том самом месте, где сейчас стоит стела. Это была большая, круглая, как карусель, чаша, а по кругу скульптуры людей. Больше других мне запомнились сталевар с железной палкой в очках и шлеме и женщина со снопом и теленочком с облупленным носом.

Зимой новогодняя елка в центре площади казалась нам такой нарядной! Внизу под ветками стояли игрушки: домик с ватой на крыше вместо снега, а в домике – фонарик, огромный ватный Дед Мороз со Снегурочкой, саночки с большими пупсами.

По берегу реки летом ходили пешком на дачу в Лукьяново мимо Октябрьского моста. Очень красивым мост тогда мне казался, мы любили заходить в кармашки для пешеходов на середине моста, а затем шли дальше вдоль реки мимо Софийского собора.

А зимой по реке катались на лыжах до парка Мира. Ольга Фокина написала: «Все умники, все книжники опять сегодня – лыжники!» И действительно – это было общегородское увлечение!

Много новых зданий строилось в те годы. Когда меня водили в ясли на улицу Марии Ульяновой, я запомнила стройку. Это строилась будущая Областная библиотека. Помню и строительство улицы вместо моста через Золотуху у аптеки № 1.

Мне очень повезло, что мое детство прошло в древнем городе, на берегу реки, среди деревянных домов с резными наличниками и уютными двориками, среди булыжных мостовых и красивых мостов.

Повзрослев, я стала учителем, вела уроки труда в школе № 32.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СВОЕ ДЕТСТВО

Нина Ваганова. 1961 год

Я родилась в 1941 году в Прилуках. По воле судьбы с полутора лет проживала в Вологде, в семье папиной сестры Ираиды Николаевны на улице Подлесной, 46 (ныне улица Горького). Это был большой двухэтажный дом, ранее принадлежавший какому-то купцу. В доме было шесть отдельных подъездов. В нашем подъезде на втором этаже было четыре квартиры, в каждой жили отдельные семьи, наша семья занимала квартиру с двумя комнатами. На первом этаже были общие кухни, там у каждой семьи был свой стол, керосинка или керогаз, и свой умывальник. Была там и большая русская печка, которую топили зимой по очереди.

Жили в основном дружно, старались больше помогать друг другу, но были и ссоры. Детей нас было в этих семьях только двое: я и сосед Вовка. Он был младше меня и учился очень слабо. Часто говорил, что получил сегодня в школе пять: по чтению – три да по письму – два. Вот и пятерка!

Зимними вечерами любили мы с Вовкой сидеть на большой печи, играть в фантики, читать книги, особенно сказки. Еще запомнилась семья Цыцаревых в другом подъезде. Там тоже был Вовка, бойкий хулиганистый парень. Его воспитывала мать, отец погиб на фронте, а старшего сына за что-то посадили в тюрьму. Очень переживала тетя Палаша за своего сына, боялась, чтобы он не влез в какую-нибудь неприятность. Вовка никого не слушался и не боялся, постоянно ходил с синяками, но нас особо не обижал. Мы часто его покрывали, жалели.

Всего в доме было около десяти ребятишек. Летом чаще всего собирались во дворе с нашей стороны, так как двор был большой, стояло много полениц с дровами, за которые мы любили прятаться во время игры. К нам нередко приходили ребята из соседних дворов. Иногда мы так расшумимся, что нас разгоняли. Игр тогда у нас было много, не как сейчас. Играли в «дом» с куклами-самоделками, в «магазин» – устраивали весы из досочек, гири из камушков, делали бумажные денежки. Любили играть в прятки, салки, казаков-разбойников, «Третий лишний», катали колесо на проволоке. Когда подросли, устраивали концерты во дворе. Делали занавеси, готовили, по возможности, костюмы, репетировали, переживали. Зрители, взрослые и дети, садились на высокое крыльцо и с интересом следили за своими детьми, хвалили нас за выступление. Иногда во двор выносили самовар и угощения. Ох, как мы были рады!

Зимой тоже было весело. Играли в снежки, прыгали с крыш сараек в сугробы, делали подкопы, катались на санках, на коньках-деревяшках, привязанных веревкой к валенкам.

* * *

Первого сентября 1949 года я пошла учиться в первый класс 18-й начальной женской школы, что на улице Чернышевского, почти напротив военного госпиталя. Запомнились большие просторные классы с высокими потолками и светлыми окнами. В три ряда стояли черные парты с откидными крышками и углублением на верхней панели под чернильницу. Периодически техничка наливала в них чернила. Иногда эти чернильницы падали на пол, разбивались. В классе были две большие черные доски, они были разлинованы: одна – в клетку, другая – в косую линию. Рядом с досками стояли большие деревянные счеты, которые по надобности переносили из класса в класс.

На второй этаж прямо из холла вела узкая лестница. Там располагались служебные кабинеты. Один из них – столовая, где на одной из перемен мы пили чай с булочкой или пирожком. Кто оплачивал питание, сказать не могу. На первом этаже задней части дома были помещения для технических служащих, которые следили за чистотой здания, топили печи. Внутри за домом была территория для занятий физкультурой, для игр на воздухе. Был при школе и небольшой огородик.

Здание училища на ул. Батюшкова. 1962 год

Первую мою учительницу звали Зинаида Семёновна. Она была небольшого роста, худенькая, строгая, но справедливая, относилась к нам по-матерински. Мы ее не боялись, но уважали. Уважение к учителю выражали и наши родители. Учитель в те годы был всегда на почетном месте, чего не достает в нынешнее время.

В нашей школе учились только девочки, все ходили в форме: коричневое платье с черным или белым (по праздничным датам) фартуком. Обязательно чистый воротничок и манжеты. За внешним видом следили санитары, выбранные из учеников класса. Они проверяли чистоту обуви, рук, ногти (они должны всегда быть аккуратно подстрижены). Иногда организовывали рейды по проверке внешнего вида активистами школьной

пионерской организации. Стыдно было попасть в стенгазету «Ёрш» или «Ёжик».

В третьем классе достойных в учебе и поведении принимали в пионеры. Это был очень волнующий момент. Звание пионера вызывало гордость и ответственность за учебу, за дружбу в классе, за выполнение поручений. Нам хотелось, чтобы все знали, что мы – пионеры, поэтому мы первое время ходили с распахнутыми полами пальто так, чтобы был виден красный галстук.

По окончании 4-го класса мы сдавали четыре экзамена: по русскому и математике устно и письменно. И все годы подряд до 10-го класса у нас были экзамены устные и письменные. Это заставляло нас ответственно относиться к учебе.

Успешно окончив в 1953 году 4-й класс, я перешла в 5-й класс средней женской школы, которая располагалась рядом с военным госпиталем в двух двухэтажных деревянных домах. В школе было тесно и как-то темновато. Но вскоре нас ждало большое событие – переезд в новое четырехэтажное здание школы № 11 на Чернышевского, где и по настоящее время находится наша любимая школа. Мы попали во дворец: просторные коридоры, светлые классы, новая мебель, хорошее освещение, большой спортивный зал, мастерские, отдельные кабинеты химии, физики, столовая. За школой была большая школьная территория, которую год от года приводили в порядок.

Вскоре в образовании произошло новшество: в 1955 году женские и мужские школы объединили. К нам пришли мальчики из 13-й школы, а часть наших девочек перешли в их школу, с учетом места жительства. Вот тогда-то некоторое время в школе был кошмар: нарушилась дисциплина, снизилась успеваемость. Надо отдать должное директору нашей школы. В то время у руля стояла Татьяна Фёдоровна Медведева – опытный руководитель. Это была красивая статная женщина, всегда в безупречном деловом костюме. Она своим видом выделялась среди учительского коллектива и гостей школы, а ее хорошо поставленный громкий голос приводил нас в должное состояние. Сначала мы ее боялись, но вскоре поняли, что она такая всегда – требовательна к окружающим и к себе. В нужное время она всегда стояла на стороне правды. Светлая память ей и благодарность всему педагогическому коллективу.

За годы учебы в школе помнятся интересные дела пионерской и комсомольской организаций: концерты, общие субботники, сбор макулатуры, металлолома, экскурсии, различные соревнования, в старших классах – поездки в колхоз на уборку урожая – на всю жизнь в нас осталась эта закалка молодости.

В школе была обустроена сцена, где многие из нас впервые проявили свои актерские таланты. Среди учеников параллельных классов учился и будущий артист Николай Олялин. Это был забавный, веселый и талантливый парень. Его выступлений мы всегда ждали, и они проходили на ура.

* * *

На улице Чернышевского стоял двухэтажный дом под номером 14, в котором был продовольственный магазин, называемый в народе «На крылечке». Памятен он тем, что мы, дети, стояли там в очереди то за хлебом по карточкам, то позже за мукой, то за сахаром или другими продуктами. Тетя с ночи занимала очередь, номер очереди записывался на руке химическим карандашом. Очередь покидать было нельзя, так как ее периодически пересчитывали, и отсутствующие выпадали из очереди, а другие немного продвигались вперед. Таких перерасчетов было несколько. С утра или днем в очереди стояло много ребятишек. Беда, если пропустишь эту проверку!

Помню, что на автобусной остановке «Кинотеатр Родина», часто стояла мороженщица с деревянным ящичком и широким ремнем через плечо. Она продавала мороженое, которое мы очень любили. Но это удовольствие я могла получить только раза два в месяц, для нас с тетей это было дорого.

Запомнился, и хорошо, что еще сохранился дом Дяди Гиляя, в котором была детская библиотека – царство книг для нас. Очень интересные утренники проводили с нами работники библиотеки.

Радовал и восхищал нас всех тогда кинотеатр «Родина». Это для нас, школьников, был настоящий дворец: красивый холл, большое зеркало, большой современный кинозал. А самое главное, что он был в шаговой доступности, правда, достать билеты было нелегко. Очень большой популярностью этот кинотеатр пользовался у жителей всего города.

На углу улиц Чернышевского и Гоголя, напротив здания аптеки располагался почтовый киоск, в котором продавались газеты, книги, марки, разные сувенирчики. Каждое утро у киоска была большая очередь, люди перед работой спешили купить газеты, познакомиться с новостями страны. К полудню все центральные газеты уже были распроданы.

Историческое для нашего времени здание – пожарная каланча на углу улиц Чернышевского и Горького. Круглосуточно на верху каланчи дежурил охранник. При обнаружении пожара раздавался звук сирены, и на большой скорости из ворот выезжали пожарные машины. В теплое время года ворота пожарной части и гаража всегда были распахнуты. И было видно, как пожарные во всем обмундировании прохаживаются вдоль машин, готовые по первому сообщению быстро выехать на вызов. Зимой, во время больших морозов, на каланче поднимали белый флаг. Этим сообщалось, что из-за морозов занятий в школах не будет. В такие дни я видела этот флаг из окна своей квартиры.

Помнится такой эпизод. В одном из автобусов работала шутивая кондукторша. Она всегда приветливо относилась к пассажирам и, объявляя остановку, всегда что-то добавляла к ее названию. Например, к названию «Остановка «Карла Маркса» она добавляла: роддом, тюрьма, кладбище, барахоловка, Дом колхозника. Именно у этой остановки и располагались эти объекты.

Вдоль улицы Карла Маркса тянулись торговые ряды. В воскресенье здесь собиралось много людей: одни торговали своими старыми вещами, другие покупали. Иногда здесь можно было купить и хорошие вещи. Играли гармошки, продавали пиво.

За барахолкой и Домом колхозника находилось Введенское кладбище. Помню траурные процессии по улице Чернышевского, чаще с оркестром. Народ заполнял всю улицу. Особенно сбегались ребятишки на эти звуки и долго провожали колонну на улице.

Беспокоит нас, старожилы, и здание Красных казарм. Может, Бог даст, и оно приобретет привлекательный вид. А с этим зданием меня связывают такие шуточные воспоминания! Раньше, в 50-е годы, солдаты в любое время года по утрам делали пробежку от Октябрьского моста и обратно. В зависимости от погоды они

были одеты или в гимнастерку, галифе и сапоги, или, в жаркие дни – в трусы и сапоги. По защитному (зеленому) цвету формы их прозвали в народе «зелень». Те, кто жили в домах по улице Чернышевского, говорили, что по утрам их будит солдатский топот. Часто солдаты ходили строем песнями, и малышня долго сопровождала их по улице.

У нас на квартире жили одинокие молодые девчата, они работали на швейной фабрике, что была в самом центре города. Некоторые из них свели знакомство с солдатами. Почти каждое утро, вставая на работу, они ждали, когда побежит «зелень», и знакомые ребята помажут им рукой.

Летом в выходные дни наши девчата любили ходить на площадь к кинотеатру Горького. Там, в парке, где нынче Вечный огонь, было много деревьев, а между ними шли натоптанные тропинки. Там любила гулять молодежь. Девчата говорили: «Пошли гулять туда, где «зелени» больше», имея ввиду как зеленые насаждения, так и солдат, отпущенных в увольнение. В летние дни часто на площади заводили музыку, и она заполнялась молодежью. Неплохо бы и в наше время завести такую традицию. Молодежь, наверное, поддержала бы ее.

Танцы у нашей молодежи тогда пользовались большим успехом. В городе летом открывалось много танцевальных площадок, и все они были заполнены до отказа. Это Дом культуры железнодорожников (КОР), парк Льнокомбината, позднее – парк Ветеранов. Мы еще со старших классов любили ходить в парк ВРЗ (ныне Кремлевский парк). Там была большая танцевальная площадка, которая постепенно заполнялась молодежью. Сначала заводили радиолу, а потом играл духовой оркестр. Как приятно было смотреть на вальсирующие пары, которые в начале танца могли свободно «пролететь» пространство всей площадки. Посещали танцплощадку и люди средних лет. Чаше они слушали музыку и танцевали больше медленные танцы. А за оградой стояли сотни не попавших, иногда они танцевали прямо на месте. Когда танцы заканчивались, большой поток молодежи ручейками растекался по разным улочкам города. Настроение было прекрасное. Даже зимой любовь к танцам не пропадала. Целыми компаниями шли в крытые клубы – клуб Северного Коммунара, Льнокомбината и другие.

На площади Революции стоял кинотеатр имени Горького. Старшими школьниками мы ходили туда в кино. Иногда показывали фильмы, на которые дети до 16 лет не допускались. Как-то раз, чтобы попасть в кино, я привязала к ботинкам «каблуки» из катушек от ниток, чтобы быть повыше. Сверх ботинок надела ботики (резиновая обувь от сырости), накрасила губы, и мне удалось пройти в кинотеатр. Потом в темноте я сняла с ног свои приспособления.

* * *

1953 год. Умер Сталин. Вся страна впала в траур. На улице можно было встретить людей, не скрывающих слез. Я тогда училась в 4-м классе. Нас, всех учеников школы, повели на площадь Революции на митинг. Я не помню, кто что говорил, и не видели мы выступающих. Но то, что на площади стоял сплошной стон и плач, – это я запомнила на всю жизнь.

Мы любили слушать по радио передачи «Театр у микрофона», где артисты читали разные книги. Наставало время передачи, почти все члены семьи садились у стола, малыши ложились на диване, и наступала тишина. Особенно запомнились передачи о целине. Как гордились мы людьми, превращающими пустыню в сады, молодежью, которая с энтузиазмом борется за урожай! Любили слушать песни про целинников: «Встретят нас ветра, холод и жара, трудные дороги и ночевки у костра... Пусть несется весть, будут степи цвести! Партия велела – комсомол ответил: "Есть!"».

Уже больше никогда не вернуться на шумный торговый базар, что располагался на месте теперешнего Старого рынка. Вся эта площадь была заставлена торговыми рядами, павильонами, где в избытке были продукты сельского и огородного хозяйства. Нам, ребятишкам, можно было купить кулечек семечек, любых ягод, поторговаться с бабульками, а иногда и получить от них бесплатное угощение. На базаре всегда было многолюдно, шумно. Покупали в разлив молоко, в развес сметану, мясо, рыбу – чего душа пожелает и на что денег хватит.

Никогда уже не бросить три копейки в автомат газированной воды и не выпить «колючей» воды с апельсиновым сиропом. Не позвонить по телефону-автомату за 2 копейки. Не постоять в длинной очереди в коммунальные бани.

Не увидим больше женщин, полощущих белье на плотках, и детской купальни на реке у Соборной горки, и бревенчатых плотов, сплавляемых вниз по реке Вологде. Не перевезет нас на лодке перевозчик с берега на берег.

Как хорошо, что у нас есть память, которая не дает нам забыть прожитые годы, своих близких, друзей, любимые уголки родного края. Сейчас я живу в том же городе, но в районе улиц Псковской – Возрождения. Бывает, проезжаю по улицам детства, юности, и всегда воспоминания давят грудь, порой заново переживаю моменты прошлой жизни. Знакомых мест становится все меньше, сносятся целые кварталы когда-то уютных домов с палисадниками, на их месте появляются кварталы больших новостроек. Проезжая недавно по улице Карла Маркса, даже не поняла, куда я попала – кругом новострой.

А как выглядят мои родные Прилуки? Наша семья Вагановых жила почти в начале улицы Октябрьской (ныне Никольская). Завернешь за угол от Сельмага, и пойдет тихая, ухоженная улочка с палисадами, одноэтажными домами, низенькими заборчиками. За заборами – огороды, в которых постоянно копошатся хозяйева; увидишь, поздороваешься, иногда поговоришь, пожелаешь здоровья и дальше пойдешь с хорошим настроением.

Теперь за высокими заборами спрятаны дома, людей не видно, идешь вдоль улицы – и пустота. И дома родного уже нет. Не открою больше заветную калитку, никто не выйдет навстречу, не порадует моему приезду. Не услышу скрип дверей, половиц в сенях, не встретит тепло родного дома. Нет того зеленого огорода, что кормил нас всех. Только две березки в палисаднике приветливо шепчутся, сохраняя память родного места, будто еще узнают меня. Сердце сжимается до боли! Как жаль всего покинутого! А дорожка ведет на наше кладбище, там похоронен мой отец – Ваганов Павел Николаевич.

Помнится, как забегали в разрушенный храм, видели лики святых, что смотрели на нас с разных уголков. И слава Богу, труженики-сподвижники возродили храм святителя Николая Чудотворца на Валухе. Молишься, и душа очищается слезами радости, хочет вырваться из груди, все облететь и осмотреть, попросить прощения. У кого? За что? Думаю, за то, что не всегда осознаем значимость ушедшего от нас навсегда.

ДЕРЕВЯННАЯ ВОЛОГДА

Давно хотела записать воспоминания детства. Мы жили в деревянном доме. Помню, я сплю или дремлю, во всяком случае, в состоянии просыпания, когда еще какая-то пелена на глазах. Мне пять лет. И вот сквозь эту пелену неотчетливо, но вижу: у стены стоит женщина высотой до потолка, в белом длинном платье с широкими рукавами, волосы светлые, лицо не просматривается чертами, но чувствую, что доброе. И оно как-то обращено ко мне. Часто вспоминаю это видение из детства. Может быть, это мой ангел-хранитель?

Родилась я в Вологде и жила в деревянном доме в центре города. У нас были старинная мебель и посуда, картины и фотографии в красивых багетных рамах. У меня сохранилось твердое убеждение, что я жила в родовом доме. Какие-то вещи из моего детства существуют и сейчас, и сохранятся после меня. Это дает корни, необходимые человеку для осознания, что он не «сорняк».

Была я молода и оптимистична, хотя материально жили трудно. Только моя внешность, осанка, рост спасали от вида явной бедности, да осознание, что счастье – когда спокойно на душе, уверена в себе.

Сейчас наш старый дом перестал быть жилым, смотрит на улицу пустыми, без рам, окнами. В нем прожито тридцать лучших моих лет. Его разбирают. Зашла во двор – такое все крошечное, а в детстве дом и двор казались большими, уютными. В центре квартиры была круглая печь. В ней готовили пищу, от нее шло тепло, коротали возле нее вечера. А огонь в печи! Сидишь и смотришь, как играет пламя. Раньше печка заменяла телевизор. Стояли около нее, грели спину, читали книги, разговаривали. Сушили у печи валенки, рукавицы. Вверху, между потолком и печью, всегда спали наши кошки. В сильные морозы они забирались в саму печку. Интересен был быт в деревянном доме. Полы белые, некрашенные, красивые половики.

Квартира была из двух комнат, кухни, прихожей, сеней, кладовки, туалета. В большой комнате в центре стоял четырехугольный

дубовый стол, покрытый скатертью. На окнах – белоснежные занавески-задергушки. Диван с валиками по бокам. Горка для посуды из красного дерева с резной полочкой внутри для чайных ложечек, вместо стенок – стекло с трех сторон. Над диваном висело большое старинное зеркало в тяжелой резной раме. Самое заметное из мебели – письменный стол под зеленым сукном и с резными дверцами на двух тумбах. Мы делали за ним свои школьные домашние задания. На столе стояли письменные приборы из черного мрамора и меди – хрустальные чернильницы, два подсвечника, карандашница, звоночек, пепельница, прибор для держания коробки спичек, пресс-папье с промокательной бумагой. Кроме того – антикварная фигура Мефистофеля. Сесть за стол можно было в большое дубовое кресло.

По вечерам семья собиралась на обед: отец, мать и четверо детей. Ели всегда вместе, в это время обязательно надо было быть дома. По воскресеньям мать пекла пироги, ставился на стол самовар, очень красивый, с «зеркальцами». Мое место было за самоваром, сбоку. Квашня, в которой мать замешивала тесто, была глиняной, огромной. Мне всегда поручали ее мыть. Как я не любила это! Внешне в семье все выглядело прилично, одеты дети были по моде – в меру семейных возможностей. Помню свои серые валенки с кожаными задниками и заплатками. Я в них ходила в школу в первый класс и второй, это где-то в 45–46 годах.

И как я мечтала в детстве, что вырасту и буду зарабатывать! Но первые мои покупки в дом показались бы странными для постороннего человека: дуршлаг и бельевые прищепки. Это потому, что мне, как старшей, приходилось ходить по соседям и просить их для использования. Мать всегда посылала меня все брать в долг: деньги, веревки для белья, прищепки и прочую утварь, которой не было в доме. Мне давали, что с ребенка возьмешь... Но во взрослой жизни никогда ничего не просила, а сама в долг даю охотно, понимаю людей.

От старого дома, «родового гнезда», ничего не осталось, все там зарастает травой. Вот так все уходит – дома, дворы, детство, люди...

Моя бабушка по материнской линии – Мария Ивановна Манаква. В детстве я подолгу жила у нее на улице Калашной (ныне Гоголя). Она из коми-народа, из семьи купцов, промышленявших

пушниной. Красавица, никогда не работала. Так что я на четверть коми, или зырянка, как, помню из детства, отец называл мою мать, когда они ссорились. Дедушка Леонид Николаевич Манаков умер осенью 1947 года. Я помню, как его гроб везли на телеге, было холодно и сыкотно.

У бабушки был свой уклад в доме, своя культура, много старинных вещей, золотых украшений, ковров. Все это со временем куда-то ушло, обменивалось на еду в войну. Помню, как бабушка крестила нас. Мне было пять лет, сестре Тане – три года. Я хорошо помню то время. Бабушка обманула мать, увела нас к себе, не сказав ей, что будет крестить. У нее все было приготовлено – крестильные рубашечки, крестики. Кстати, крестик этот и сейчас на мне, он чудом сохранился. Так вот, она привела нас в Кафедральный собор рано утром. Я помню, как меня окунули в большую серебряную купель с теплой водой, по бокам которой горели свечи. Очень хорошо помню свечу перед своим лицом и руку священника на моей голове. Потом нас бабушка одела и повела причащаться.

Дома мать устроила бабушке скандал. В то время приобщение к церкви было сопряжено с большим риском, поскольку государством запрещалось и наказывалось вплоть до увольнения с работы. Помнится, бабушка часто брала меня к себе, и с ней я бывала в церкви.

Во время Великой Отечественной войны к нам в дом приходила белошвейка, которую мы с сестрой называли Марья Ляковна (Яковлевна). Она шила нам полотняные рубашечки на бретельках, лифчики – детские широкие, с резинками для чулок. Она ходила по домам шить со своей машинкой, а жила где-то в соседнем дворе.

Вспоминаю отца. Он научил меня определять время по часам (часы настенные, в деревянном корпусе с хрустальными стеклами), считать на счетах. Мы с ним иногда гуляли по городу, и он рассказывал о старой Вологде. В нашем дворе, в глубине его, стоял еще один дом, с каретником и колодцем. Возле него росли серебристый тополь, сирень и боярышник. За каретником был небольшой огород. Отец рассказывал, что эта маленькая усадьба до революции принадлежала офицеру, впоследствии белогвардейцу.

Всю жизнь плохо встаю по утрам. В детстве в деревянном доме зимой по утрам было холодно, и я одевалась под одеялом,

мечтая, что приду из школы и сразу лягу спать. Но так никогда не бывало. После школы зачастую приходилось топить печку и варить картошку или какой-нибудь суп.

В книге о деятелях культуры Вологды есть материал о моей матери – директоре областной библиотеки. Начала рыться в документах семейного архива и обнаружила много интересного. Оказывается, наш прадед был учителем церковно-приходской школы в Сольвычегодске, а дед окончил Вологодскую духовную семинарию. Я после окончания Ленинградского института культуры 44 года работала в библиотеках Вологды.

В конце 90-х годов часто ходила на улицу Рубцова. Шла по Гоголя. Боже, как я люблю старинную деревянную Вологду! Такие красивые дома с богатой кружевной резьбой! На углу улицы Энгельса стоит нежилой особняк, видно, что крепкий, с мезонином, а со двора два входа. Окна вверху закругленные. Березы около дома старые, высокие. Когда-то это был красивый дом, там жили небедные люди. Жаль, все уходит, рушится. Там же, по улице Гоголя, построены уже особняки «новых русских», но это жалкие подделки.

В детстве не помню сытого состояния. В девятом классе заболела. Меня еле спасли. Родители продали дубовый шкаф для одежды. У этого старинного шкафа дверцы разъезжались при открывании на миниатюрных медных рельсах. Когда однажды в квартиру забрались воры (а мы жили на первом этаже), они не догадались, как шкаф можно открыть. Я выжила, потому что на деньги, вырученные за шкаф, были куплены лекарства и продукты.

Помню 9 мая 1945 года. День был солнечный, небо чистое, голубое, тепло. Мы жили на улице Калинина (ныне Зосимовская) в деревянном доме. Жизнь тогда протекала в основном во дворе. Вечером кто-то выставил радио на подоконник в открытом окне – передавалась речь Сталина. Было слышно, как он наливает воду в стакан, запомнилось почему-то дребезжание стекла. Все ликовали. В нашем дворе жила тетя Соня, мать с ней дружила, они в четыре утра устроили стол, пели частушки. У тети Сони муж был летчик и воевал. У меня есть фотография с ней, где я в капоре и белом воротнике. В войну она нам помогала: работала продавщицей и иногда продавала нам хлеб сверх карточек.

2017 год

ДЕТСТВО В РОДНОЙ ВОЛОГДЕ

Я родилась в 1950 году. Мы жили тогда в маленьком одноэтажном домике на улице Менжинского, 85б. Двор был проходной, с нашей улицы можно было пройти на Ворошилова, а дальше на Копанку. Наш двор был большой и оживленный. Летом в хорошую погоду на лавочке под старым дубом всегда сидели бабушки в белых платочках, теплых кофточках и длинных юбках.

Все дома вокруг были деревянные, без удобств, поэтому воду жители носили с колонки, которую называли бассейкой. Каждую неделю событием становился поход в Веденеевскую баню. Там вдоль коридора на лавках сидели люди в длинной очереди. После бани мама затевала стирку – конечно, руками, так как стиральных машин еще не было ни у кого в нашем доме. Полоскать выстиранное белье мы отправлялись на реку Вологду к обойной фабрике. Летом там были плоты, а зимой оборудованная для полоскания площадка, которую освещал фонарь. Зимой, чтобы облегчить тяжелую ношу, мы с мамой везли корзину с бельем на санках, а летом – на детской коляске.

Чтобы обеспечить жильё теплом, начиная с весны покупали дрова. Когда дрова были привезены и свалены грудой с машины, надо было скорее их убрать. Папа со старшим братом укладывали бревна на козлы, пилили, потом раскалывали топором на поленья, а мы с мамой укладывали их в поленицу. Для меня все это

Тане Тераевич четыре года

Дом на Менжинского, 85 б

было интересно. До сих пор вспоминается неповторимый запах свежих опилок. В нем ощущение дома, семьи, тепла, олицетворяющего родительскую любовь.

Дрова за лето подсыхали, и мы убирали их в сарайку. Зимой брали охапку поленьев, чтобы растопить печь. Огонь постепенно разгорался,

комната наполнялась теплом, становилось уютно и спокойно.

В нашем доме было семь «квартир». Слово «квартиры» заключила в кавычки, потому что это были комнатки. Если позволяла площадь, у некоторых жильцов они разделялись самодельными переборками.

Зимой еду готовили в комнате на плите, когда топилась печь, а летом выходили готовить в коридор. В коридоре, изогнутом буквой Г, располагались столы с примусами и керосинками, с баками и ведрами с водой. Тут же стояли лари и ящики для хранения картофеля. Умывались тоже в коридоре. В сильные морозы мама подливала в умывальник горячей воды. У каждой квартиры свой умывальник и жестяные раковины, под которыми были ведра для стекающей воды или просто тазы. В эти же ведра складывались различные хозяйственные отходы. В то время бытовало выражение «вылить помои из поганого ведра» – это значило отнести их за дом, где находилась помойка. Было еще одно «удобство», которое в зимнее время можно назвать настоящим экстримом. Одно на всех обитателей, оно не отапливалось.

Холодильников ни у кого не было, поэтому продукты выносили в холодный сарай. Там же хранили и соленья. В мороз их приходилось вырубать из баков. В части двора были грядки, где выращивали овощи. Через какое-то время грядки запретили, и на их место высадили деревья. Появился свой садик во дворе. У нас прямо перед окном росли вербы и яблони, которые плодоносили.

В детский сад мне ходить не довелось, поэтому день казался длинным-длинным. Утром я долго спала, а вечером почти всегда соблюдала правило: «детям нужно спать идти не позднее девяти».

Наше жилье было очень тесное, для мебели не хватало места. Спала я сначала на сундуке, потом на диване с раскидными валиками. Рядом с сундуком стоял почтовый ящик с игрушками: рыбка, ванька-встанька, пупс. Я фантазировала с любимым предметом, который был у меня в руках. Соседка приносила мне с работы флаконы из-под одеколona. Они стали для меня одушевленными предметами, и мне очень нравилось разыгрывать с ними спектакли, которые я придумывала на ходу. Моей заветной мечтой была кукла с закрывающимися глазами, и чтобы она говорила «ма-ма». Но в нашем детском магазине такие куклы отсутствовали. Там рядами стояли кукольные головы, а все остальное предлагалось сшить самостоятельно.

Когда мне было четыре года, мама стала давать мне поручения, например, сходить за хлебом или чаем. Маршруты были разные. Чаще всего ходила на улицу Мира (тогда еще Сталина) в «воропанку». Этот маленький хлебный магазинчик вмещал столько всяких сортов хлебобулочных изделий! Батоны по 13 копеек, по 15 (мой любимый), по 18 – подмосковный, по 16 – хала... А баранки! А булочки!

Помню, как покупали молоко у частницы – тети Густы. Она приезжала, как и многие деревенские жители, на пригородном поезде. Прибывал поезд, женщины выходили со своими бидонами, к ним спешили покупатели. Когда появилась специализированная продажа молока, мы перестали ходить к поезду. Я стала ходить по Копанке в молочный магазинчик на улице Калинина.

От «нечего делать» я научилась читать в 4 года, чем поразила маму, когда пришла к ней на работу в 9-е городское отделение связи и прочла по слогам плакат «Условия социалистического соревнования». Правда, значения ни одного из этих слов не поняла. В пять лет, когда уже перечитала все детские книжки дома, я записалась в библиотеку ДКЖ. Мне дали почитать книгу «Золотой ключик, или Приключения Буратино» с очень красивыми иллюстрациями. Они до сих пор перед глазами.

Помнятся долгие зимние вечера, когда на улице уже темно. В определенный час отключалось электричество, и мама зажигала керосиновую лампу.

Мир двора – территория детства. Сколько игр мы затевали: классики, скакалка, мяч, прятки, «10 палочек», «Птичка на дереве»,

«Колечко, выйди на крылечко», «Я садовником родился», «Краски». Любили играть в «дом». Выносили детскую посуду, готовили из травы «еду», нянчили кукол. Или играли в «магазин», когда деньгами служили листья подорожника. Мальчишки гоняли мяч на площадке, а те, что помладше, возили колесо проволочным крючком. Значительным событием у нас был ежегодный летний концерт. Мы готовили стихи, песни, пляски, приглашали всех соседей. Концерт, конечно, проходил под «тра-ля-ля», но с большим успехом.

Шумной дворовой командой мы бегали ловить листовки, которые сбрасывал самолет в летние профессиональные праздники. Когда на стадионе «Динамо» проходили спортивные праздники, мы тоже устремлялись туда послушать и поглядеть. Услышав траурную музыку духового оркестра, бежали на улицу Сталина (Мира) и наблюдали похоронную процессию, направляющуюся на Введенское кладбище. Часто видели пленных немцев, когда они шли с работы небольшими группами. Мальчишки бежали за ними и кричали: «Гитлер капут!», а я почему-то испытывала за них чувство стыда.

Зимой, катаясь на санках и лыжах, являлась домой по уши в снегу. На ночь мама ставила на теплую плиту мои валенки, носки и рукавички, чтобы они просохли. Долгожданный праздник Новый год ощущался как волшебство. Запах елки, украшение ее, подарок со сладостями, а главное – с мандаринкой. Я верила в Деда Мороза и считала за счастье, когда он выслушивал приговоренный мной стих.

Из двора мы частенько отправлялись в Ленинский (Детский) парк. Там было много интересного: качели, вертушка, карусель, самолетики, гигантские шаги. В парке ДКЖ тоже было, чем развлекаться: пруд, где можно было наловить жуков и принести их домой в банке с водой, сделать свистульки из стручков акации, повеселиться в комнате смеха.

Каждый день в ДКЖ были детские сеансы. И каждый день можно было перед кинофильмом съесть эскимо за 11 копеек. Из фильмов мне очень запомнился «Чапаев». Смотрела его несколько раз, и всегда хотелось, чтоб он переплыл Урал и остался жив.

О годах детства можно еще вспоминать и вспоминать. Мне сейчас кажется, что в нашей крошечной квартирке было светло.

А может, это ощущение осталось от незримого света родительской любви. Это было счастливое послевоенное время. Нас любили и берегли. Родителям хотелось, чтоб нам не досталось тех невзгод, которые выпало перенести им.

Однажды, уже в 80-е годы, когда мы жили на ГПЗ, я проезжала по улице Ворошилова и увидела, как строители разламывали последние остатки нашего прежнего жилья... Кружок хлама – все, что осталось от сказочки «Жили-были». Тогда-то и возникло чувство невозвратного прекрасного времени. Но время имеет свойство меняться и менять нас. От нынешнего комфорта трудно отказаться. Я бы отказалась, если б можно было вернуть родных и близких. Но увы... Осталась добрая память, которая иногда ведет меня в этот уголок Вологды, чтобы сказать ему: «Я тебя помню и люблю все, что связано с тобой».

60-е годы были еще более насыщенные, они привели меня к профессии. Я стала музыкантом, преподавателем музыкальной школы. Считаю себя состоявшимся счастливым человеком. Думаю, родители были бы довольны моими успехами. А ведь все когда-то начиналось с нашего маленького дома и доброй любящей семьи.

Елена Квинтильяновна Городкова (Левинская)

КАК МЫ ОЗЕЛЕНЯЛИ ГОРОД

Я родилась в Вологде 29 января 1939 года в семье рабочих. Отец, Левинский Квинтильян Иванович, работал плотником в Вологодских электросетях. Мать, Левинская Екатерина Васильевна, работала в Зеленстрое. Семья проживала на улице Объединения (ныне площадь Чайковского).

В послевоенные годы за всеми работниками Зеленстроя были закреплены скверы, в которых они занимались прополкой и сохранением цветов. За моей мамой были закреплены Пионерский (напротив Дома пионеров) и на площади Революции (в настоящее время это сквер у Вечного огня). Детский сад я не посещала, поэтому

очень часто мама брала нас, детей, с собой на работу. Вместе со взрослыми мы сажали деревья и пололи клумбы. Особенно запомнилась посадка деревьев в 1945–1946 годах в Кировском сквере. Они продолжают радовать вологжан и в настоящее время.

Эти годы проводились работы по укреплению набережной реки Вологды. Это делали немецкие военнопленные. Вид у них был жалкий. С разрешения родителей мы приносили для них овощи со своего огорода и хлеб, за что они говорили нам, детям: «Спасибо, мама».

Почти все школьные годы нас водили на прополку клумб и на уборку в скверах, участвовали мы и в посадке березовой рощи на Набережной Шестой Армии.

С первого по пятый классы я училась в школе № 11, а в старших классах – в школе № 13 на улице Подлесной (Горького). Жилые дома на этой улице были в основном деревянные. В центр города мы ходили через пешеходный Красный мост, который был тогда деревянный. По нему проходил водопровод, соединяющий левый и правый берег. В зимнее время водопровод утепляли.

В заречной части города были расположены такие предприятия, как Вологодский судоремонтный завод, канифольный завод, «Северный коммунар», овчинно-меховая фабрика, фирма «Прогресс», баянная фабрика, завод ЖБИ, лудильная мастерская, где ремонтировали самовары. На улице Гоголя была гармонная мастерская, в клубе которой я познакомилась со своим будущим супругом.

На месте нынешнего парка Ветеранов было поле, которое постепенно превращали в парк. На углу улиц Гоголя и Добролюбова был очень популярный магазин, который назывался «Клушинский».

На месте Вологодских электрических сетей располагался мясокомбинат, а поскольку мы жили рядом, у нас нередко просили поставить во дворе временно скот до передачи его на мясокомбинат.

Закончив школу, по направлению Вологодского облисполкома я поступила в школу десятников сельского строительства в городе Великом Устюге. После ее окончания была начальником ЖКО Вологодского льнокомбината, с 1973 по 1996 годы работала в Горжилуправлении города Вологды на должности начальника райжилуправления Советского райисполкома. В основном курировала вопросы благоустройства города Вологды. При моем непо-

средственным участии построены скверы: Первомайский на площади Бабушкина, сквер на площади Чайковского, Страсбургский бульвар. За годы работы неоднократно избиралась депутатом районного совета. Награждена почетными грамотами Вологодского горисполкома и Вологодского облисполкома, занесена в Золотую книгу за организацию строительства и благоустройства Страсбургского сквера.

Валентина Александровна Булыгина

ПАРК МИРА

В северной части города огромную территорию на обоих берегах реки Вологды занимает парк Мира. Это название он получил в 1945 году в честь окончания войны.

Еще в 1939 году на правом берегу на территории усадьбы Бесово были посажены первые аллеи берез и тополей, что и называли Центральным парком культуры и отдыха. Война помешала планам по его благоустройству. Только в середине 50-х годов парк снова стал возрождаться: вновь приступили к посадкам кустарников и деревьев различных пород, к оборудованию мест культурного времяпровождения (в основном на правом берегу). Были оборудованы спортивные и танцевальные площадки, а также площадки для выступающих. У берега реки был построен летний ресторан «Мир». Белоснежный, он напоминал готовящегося к отплытию лебедя. К сожалению, простоял ресторан недолго – сгорел. Как напоминание о нем остался полуразрушенный фундамент.

В это же время началось благоустройство и левого берега реки. Там также велись посадки аллей, оборудовали пляж: завозили речной песок, установили «грибки» и кабинки для переодевания. Чтобы отдыхающие могли свободно перемещаться с берега на берег, в летнее время устанавливали понтонный мост.

Парк Мира становился излюбленным местом для отдыха горожан. Добираться в парк на правом берегу приходилось автобусом 11-го маршрута. На левом берегу был продлен маршрут «двойки»

с конечной остановки «Заречье» до парка Мира. С улицы Чернышевского в парк была проложена часть асфальтовой дороги, но автобус в парк не заходил, разворачивался возле дома № 139 а. Личного транспорта у народа было мало (автомшины в то время приобретались в очередь, которую люди ждали годами). В выходные дни автобусы были переполнены отдыхающими.

Все свободное время семьи с детьми, молодежь и взрослые стремились туда отдохнуть, покупаться, позагорать. Кто расстилал одеяла и пледы возле реки на песочке, кто на травке между кустов и деревьев. Люди проводили в парке целый день, поэтому запасались едой и напитками из дома, некоторые пользовались выездной торговлей. С машин торговали лимонадом в стеклянных бутылках, пирожками. Стояли бочки с квасом. Никаких целлофановых пакетов, пластиковых бутылок и одноразовой посуды в то время еще не было. Многие сейчас удивятся, но «следов цивилизации» после отдыхающих практически не наблюдалось, лишь примятая трава. У многих были свои постоянные излюбленные места, и люди возвращались туда вновь и вновь. Костров не разводили. В парке всегда было чисто. Из громкоговорителей лилась музыка, шло развлекательное вещание. На открытых сценах постоянно кто-нибудь выступал. Дети развлекались подвижными играми, взрослые гуляли по аллеям парка, находили для себя занятия по душе.

Нас, детей Военстроя, притягивала речка с пляжем. Купаться мы бегали, когда позволяла погода. Девчонок привлекало болото с калужницей и парк с полевыми цветами. Каких цветов там только не было: и ромашки с колокольчиками, и незабудки, и «кошачье мыльце». А еще запомнилось одно растение, которое мы любили собирать. Называли мы его «божьи слезки», или «кукушкины слезы». Цветочки похожи на маленькие сердечки серебристого цвета. Каждое сердечко состояло как бы из застывших капелек слез. Собирали «божьи слезки» в букетики, родители зачастую ставили их к иконам. Считалось, что эти цветы имеют магическую силу и помогают в трудную минуту.

Собирали щавель и полевой лук, которые употребляли в пищу. С интересом наблюдали за головастиками и лягушками. Удивительный мир природы, вроде бы дикий, но в то же время уже окультуренный.

Так было до 80-х годов, потом парк забросили. Постепенно состарились деревья, кустарники превратились в непроходимые заросли. Из элементов благоустройства осталась лишь рухлядь – старые площадки и скамейки. Парк перестал быть парком. Народ утратил к нему интерес. Горожане теперь предпочитают выезжать к Прилуцкому монастырю, чтобы отдохнуть и искупаться, считают, что вода там чище и отдыхать приятнее. Правда, зимой парк Мира еще востребован: от центра по реке идет лыжня, и многим доставляет удовольствие пробежаться на лыжах по заснеженному уже не парку, а лесу.

Горожане верят, что парк Мира снова станет любимым местом отдыха. Необходимо продолжить эстафету вологжан по его благоустройству, как это было в советские времена.

Елена Георгиевна Зубарева

ВОЛОГОДСКИЙ «ТЕРЕМОК»

Наш областной театр кукол известен под названием «Теремок». Он располагается в здании ранее существовавшей церкви Зосимы и Савватия Соловецких, возведенной в XVIII веке. Сейчас здание является памятником архитектуры. Долгое время театр не имел своего дома и был «театром на колесах».

История вологодских кукол началась в 1937 году. В областной газете «Красный Север» была опубликована заметка о том, что вологодские школьники скоро смогут увидеть кукольный спектакль «Гусенок» по пьесе Н. Гернет. Инициатором создания кукольной труппы стал тогдашний руководитель ТЮЗа Ананий Васильевич Бадаев.

На свои первые гастроли молодой театр отправился в мае 1941 года. В дороге его и застала весть о начале войны. Многие мужчины ушли на фронт, а женская половина труппы организовала концертную программу и вместе с бригадой областной филармонии отправилась на Северный фронт. В Вологду театр вернулся только в 1943 году. За организацию концертных программ пять

актеров были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Сначала театр размещался в небольшой комнатке. Декорации и куклы приходилось делать самим. В 1966 году церковь реконструировали под руководством архитектора В. С. Баниге. Здание стало похоже на теремок, отсюда и пошло его название.

Забота о зрителях видна во всем, и начинается она «с вешалки». Зрители, раздеваясь, получают в гардеробе расписные деревянные фигурки на длинном шнурке. Наденешь на шею – не потеряешь!

В нижнем фойе театра можно зайти в буфет, присесть отдохнуть, почитать информацию на стендах. На столике специально приготовлены обаятельные куклы, которые ждут встречи с малышами. Если хочешь творить, тебе предоставлены все условия. В театре есть уютный уголок, где ребята рисуют, могут написать отзыв о спектакле в «Книге впечатлений». А сколько радостных мгновений оставляет у детей зимний сад! Ребята приходят пораньше до начала спектакля и не торопятся уходить после его завершения. Ведь их ждут забавные животные и красивые растения. Чтобы попасть в зрительный зал, надо подняться по лестнице. Вдоль нее на стенах есть резные балкончики. А в них – куклы, они будто приветствуют гостей театра...

Радует зрителей репертуар театра, как для детей, так и для взрослых. Очень много постановок по произведениям школьной программы для младших учеников: «Аленький цветочек», «Золушка», «Маугли», «Сказка о царе Салтане». А какие захватывающие спектакли для взрослых! Особенно запомнились «Дон Жуан» и «Кармен» режиссера Бориса Константинова. Впечатлило все: атмосфера сцены, игра персонажей, душевная музыка, камерность обстановки. Куклы как живые актеры, при этом актеров-кукловодов практически не видно, а ведь одной куклой приходится управлять сразу трем актерам! Запомнилась игра актеров: А. Васильева, О. Ледковой, М. Мизиной, В. Овсянникова, Н. Савенковой. Спектакли пробуждают интерес к этому виду искусства.

На данный момент директором театра является Елена Бухарина. В репертуаре – более 40 постановок. И сегодня театр продолжает работать для своих зрителей, сохраняя традиции и приумножая достижения.

ВЛАСТИ ТОГДА БЫЛИ СТРАШНЫЕ, А ЛЮДИ ДОБРЕЕ

Мы жили в Ковырино, тогда это было окраиной Вологды. Отца своего я почти не помню, он пришел раненый с фронта в 1943 году и через год умер. Мать одна растила меня, младшую сестру и брата. Помогала нам соседка Ирина Львовна, очень верующая женщина. Она-то и привела меня впервые в церковь. Мне было тогда 13 лет. Как-то вечером собрала она всех детей в нашем переулке и повела. Все ведь были крещенные: бабушки и дедушки постарались. Это был храм Рождества Пресвятой Богородицы, что у Горбатого моста. Тогда в Вологде было два храма, второй – это Лазаревская церковь на Горбачёвском кладбище.

В церкви электричества тогда не было, горели свечи, лампадки – синие, красные. Все было так необычно, таинственно. До сих пор помню это чувство.

Я ходила в 7-ю женскую школу, она была в центре на улице Мира, где сейчас большой магазин. По дороге в школу я специально делала крюк, бежала через пустырь (там сейчас Тепличный микрорайон), чтобы только увидеть храм, только взглянуть на него. А потом стала понемногу туда ходить. Ходила одна. В школе об этом узнали, вызвали маму, требовали, чтобы она образумила свою дочь. Мама – простая рабочая на стройке, в церковь не ходила, у нее была одна забота: как нас троих накормить, одеть. Она так и заявила в школе: «Вам надо, чтобы она не ходила в церковь, вы ее и воспитывайте, а у меня и так хватает забот».

Сколько меня в школе ругали, сколько тюкали. Но чем больше меня ругали, тем сильнее мне хотелось в церковь. Сама не знаю почему. Как только время выдастся, бегу туда. Потом, уже в 90-е годы, я увидела в храме свою главную гонительницу – завуча Веру Анатольевну. Она подошла ко мне и сказала: «Какая ты молодец, Галя! Через все годы пронесла свою веру. Ты прости меня, что я тебя тогда ругала».

Помню, в 1951 году, когда мне было 14 лет, я попросилась в духовные дочери к отцу Вячеславу. Он был недавно назначен

пятым священником в наш Рождественско-Богородицкий храм. Иногда мы, девушки, приходили к нему домой со своими вопросами. Домик был такой маленький, в три окошка, врос в землю. Матушка у него замечательная была, Татьяна Петровна. Мы придем, матушка чайничек поставит, угостит чем-нибудь. Она в Таллине закончила художественное училище и чудесные иконы писала. Больная она была, болела астмой. Мы уж помогали ей, как могли, с детишками нянчились. Двое деток у них было.

Отец Вячеслав часто ездил по районам, совершал требы. Сколько он исходил километров! И зимой, и летом – все пешком, ну где на лошадке подвезут. Придет в какой дом, отслужит молебен или еще что, а к нему со всей округи идут: кто крестить детей, кто причаститься. Народ в деревнях был очень религиозный.

Батюшка нам книжки давал читать, ведь никакой церковной литературы тогда не было. У него большая библиотека была, он до войны в Эстонии жил, а там советской власти тогда не было. Можно сказать, за книги он и пострадал.

А получилось вот как. У батюшки была знакомая медсестра, и он как-то дал ей книжку почитать (речь идет об изданной за рубежом книге Н. А. Бердяева «Христианство и классовая борьба»). А у той был муж военный, он тоже книгу читал и принес ее зачем-то в воинскую часть. Там увидели и сразу: «Откуда? Чего?» Ну и началась заваруха. За батюшкой начали следить. Мы как-то выходим из его дома, а на той стороне улицы стоят – нас фотографируют. Отец Вячеслав потом говорил, что большую роль здесь сыграл один священник, который был секретным сотрудником НКВД.

Арестовали отца Вячеслава зимой 1957 года. А он уже собрался возвращаться в Эстонию, потому что матушке в Вологде оказалось не по климату, ей становилось все хуже. Началось следствие. Нас всех таскали на допросы, но никто против него ничего не сказал. Ко мне приходили с обыском, искали книги. А когда стали забирать молитвослов, подарок отца Вячеслава, я вцепилась в него, кричу: «Не отдам, тащите вместе со мной, я по этой книге молюсь». Они отступились.

Суд был закрытый, но потом мы узнали, что нашему батюшке дали десять лет лагерей за хранение и распространение антисоветской литературы. Отправили его в Мордовию. Освободился он досрочно в 1960 году и поехал в Таллин к своим родным. Его очень

опекал отец Михаил Ридигер – отец будущего патриарха. Когда умерла матушка Татьяна, отец Вячеслав в Псково-Печорском монастыре принял постриг с именем Корнилий, а в 1990 году патриарх Алексий Второй рукоположил его во епископа Таллинского и Эстонского. Потом он стал митрополитом. Я много лет поддерживала с ним связь, ездила к нему в Таллин. Умер он недавно и оставил книгу «О моем пути», где упоминает и Вологодскую епархию: пишет, что служение там стало для него серьезной духовной школой. Светлые воспоминания остались у него и о прихожанах, среди которых вспоминает и меня.

* * *

Когда отца Вячеслава арестовали, у меня появилось огромное желание уйти в монастырь. Я ведь в Троице-Сергиеву Лавру часто ездила, помогала там в пошивочном цеху, и в Пюхтицах бывала, и в Почаеве, и к отцу Алипию ездила в Печоры. В общем, настрой был на монастырь... Мне было 18 лет, это был 1956 год. Я пришла к нашему владыке Гавриилу и говорю: «Благословите меня принять постриг». Владыка у нас был замечательный. К нему можно было зайти, если надо. Такие простые тогда были архиереи. Домик его стоял недалеко от храма, где теперь стоянка машин. У него в комнатке был шифоньер с большим зеркалом, он подвел меня к зеркалу и говорит: «Посмотри на себя». Наверное, он имел в виду, что молодая, красивая девушка должна жить в миру. Он добавил: «Примешь ты постриг, а монастыри закрываются, время сейчас такое. Что будешь делать потом? Выстоишь ли?».

Я года полтора выла. Замуж ведь я не хотела. А потом брат познакомил меня со своим другом. Помню, тот приходит ко мне знакомиться, приглашает в кино. Я говорю: «Я в кино не хожу» – «А куда ходишь?» – «В церковь». Он так удивился. Год он меня уговаривал за него выйти, и через год я согласилась... И до нашей золотой свадьбы он не дожил полтора месяца.

У владыки Гавриила была непростая судьба. В первую мировую войну он был офицером, отличился на фронте, потом служил у Колчака и с Белой армией ушел в Китай. Там, в Харбине, был пострижен в монахи, потом вернулся в Россию и был назначен в Вологду.

Прихожане его любили. По средам он читал акафист Николаю Чудотворцу, и всегда был полный храм народу. Вообще людей тогда

на службы ходило много. Из деревень много приезжало, прямо с вокзала шли в храм. По будням у нас служба была в нижнем храме, по праздникам и воскресеньям – в верхнем. После службы все к владыке шли под благословение. Потом он идет от алтаря и для маленьких деток у него обязательно в кармане найдутся просфорки, конфетки. Он по характеру был добрый. Как-то на день ангела подарил мне белый пуховый платок. Сказал: «Носи, помни, что я тебя в монастырь не благословил». Я этот платок долго носила.

Конечно, вспоминается и трагедия, что произошла в храме в 1959 году. Это случилось в субботу вечером, накануне Вербного воскресенья. Я закончила смену на фабрике и собиралась на всенощную, но смотрю – не успеваю: уже, наверное, Евангелие прочитали. И я поехала домой. А поздно вечером стучится ко мне соседка, она в храм ходила. На ней лица нет, слезами захлебывается: «Ой, что у нас случилось! Людей задавило до смерти, двадцать человек! Лежат, бедные, возле храма. Скорая там, милиция».

А произошло это так. У нас уборщица была, Александра, она же и звонариха. Она отзвонила, стала спускаться и увидела, что провода горят, а может просто дымятся. Она и закричала: «Горит!». И началась паника. Хотя пожара, собственно не было. Те, кто стоял у соеи, бросились к выходу, сбивали тех, кто был на пути, бежали по людям. Особенно много задавили на лестнице. Протодиакон Анатолий кричал: «Не бегите, здание каменное, не может гореть!». А люди все равно бежали. Вот что значит паника.

Владыка в это время продолжал елеопомазание. И люди подходили, видно, это были глубоко верующие. Но их пример не остановил бегущих: люди обезумели...

На другой день служба была только в храме святого Лазаря, там служил отец Геннадий Яблонский. Владыке запретили слушать до суда.

На суде его вины не нашли и вообще никого виноватым не признали, даже звонариху Александру. Ходила молва, что все это было подстроено богоборцами, но ничьей вины не нашли. Владыку от нас перевели в Астрахань, он стал епископом Астраханским.

Вот говорят, что наша молодость пришлась на годы хрущевских гонений. Арестовывали священнослужителей, преследовали верующих, храмов было разрушено больше, чем при Сталине. Да, власти были страшные, но люди были добрее, чем сейчас. Вот,

например, нашу подругу Алевтину, которая передвигалась только на коляске, мы отправляли на целый месяц в Свято-Сергиеву Лавру: посадим на поезд, коляску сдадим в багаж, а там ее встретят знакомые – московские девушки. Привезут в монастырь, ухаживают за ней. Сейчас такой доброты не найдешь... Да, были у нас скорби, но сколько было радостного. Ездили по монастырям, жили там в кельях, работали по послушанию. Много интересных людей встречали. Соберемся вместе, рассказываем друг другу, что узнали нового, душеполезного, поем акафисты. И радостно было на душе!

В 1985 году я уволилась со швейной фабрики, стала петь на клиросе. Регентовал у нас отец Василий Павлов, тогда он был просто Василий Васильевич. Петь меня научил мой дедушка, он сам когда-то пел в сельской церкви. У меня дедушка с бабушкой были очень верующими, я их часто навещала в деревне. А в 1991 году отец Константин предложил мою кандидатуру на должность старосты, и члены приходского собрания за меня проголосовали.

В 2015 году в Вологде открыли женский Горне-Успенский монастырь, и мечта моей молодости сбылась: я стала монахиней.

*Людмила Борисовна Кузнецова,
Светлана Павловна Маслахова*

НАША УЛИЦА РОДНАЯ

Мы подружились еще в трехлетнем возрасте, нас сдружила улица Челюскинцев, где мы жили в соседних домах. Это было в начале 50-х годов. Улица нашего детства была чудесным уголком природы с березками, сиренью, липами, с цветущими палисадниками и клумбами перед частными домами. Улица наша протянулась от железной дороги до улицы Октябрьской. Но как она изменилась в нынешнее время! Ни одного деревянного дома, а там, где были палисадники и деревья, ездят машины.

Во время нашего детства в квартале, где мы жили, было только два кирпичных строения – железнодорожная поликлиника с больницей и хлебозавод. На углу улиц Чехова и Челюскинцев стояла

*Неразлучные подруги: Людмила и Светлана.
Улица Челюскинцев. 1950-е годы*

небольшая кирпичная пекарня, где пекли вкусные плюшки. Ароматный запах распространялся на всю округу. А в конце этого квартала стояла не действующая в то время церковь Святого Власия. Проходя по этому кварталу, мы часто слышали звуки фортепьяно, льющиеся из дома, стоящего около этого храма.

Рядом с нашими домами была бассейка (колонка), куда ходили за водой с ведрами. Для отопления домов жители покупали дрова, которые пилили и кололи сами. К бассейке в определенные дни подъезжала машина с бочкой керосина, и жители покупали его для керосинок и примусов, на которых готовилась пища. Газовые плиты с баллонами появились позже, в конце 50-х годов, да и то не у всех. Для уборки отходов из дворов приезжали специализированные машины.

Жили дружно и взрослые, и дети. В ближайшей округе почти все знали друг друга и охотно общались. В теплое время мы, дети,

катались на велосипеде, играли в «классики», в прятки, а зимой лепили снеговиков, строили горки, зимние пещеры. Катались по проезжей дороге на санках, ведь тогда не было такого изобилия транспорта, как сейчас. В 50-х годах по нашей улице стал ходить автобус № 6. В непогоду люди не стояли на остановке, а заходили на палисадник и даже на крыльцо дома 53, где жила Людмила.

В небольшом домике рядом с домом Светланы жила семья Малковых. Владимир Михайлович Малков был не только участником Великой Отечественной войны, как и наши отцы, но и занимал в то время очень важный пост главного редактора областного книжного издательства. Он был автором книг по краеведению Вологодской области и увековечиванию памяти фронтовиков. Дядя Володя, как мы его называли, всегда был Дедом Морозом на новогодней елке, которую ставили в доме Людмилы для детей соседних домов.

Галина Владимировна Тюпина

ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА

Мое детство прошло на улице Лесная набережная, дом 56. Эта улица часто меняла названия: называлась Спортивной, Набережной Кедрова. В настоящее время она называется Пречистенской набережной, это ее исконное дореволюционное название.

До революции владелицей дома была Катранова Варвара Ивановна, жена коллежского секретаря. Известно, что сестра моей бабушки работала у Катрановой кухаркой. Кроме этого дома, ей принадлежал на Пречистенской набережной еще один дом, а также флигель, службы, мыловаренный завод, салотопный завод, свечной завод, хлев, баня и два парохода.

В мое детство за баней было ателье. Сейчас на этом месте находится Главное управление ЦБ РФ.

Наш дом находился на берегу реки Вологды напротив храма Андрея Первозванного во Фрязинове. В этом доме прожило несколько наших поколений, начиная с бабушки и дедушки. Я жила в нем до 40 лет.

Галина Малинина (слева) с подружками-соседками. 1959 год

В годы моего детства река Вологда была намного шире и глубже. Во дворе строили лодки, многие занимались рыбной ловлей. Училась я в школе № 3, которая находилась на улице Менжинского (Предтеченской), сейчас там один из корпусов Вологодского университета. Бывало, что река разливалась вплоть до улицы Калинина (Зосимовской), и в школу нас возили или на грузовой машине, или на лодке. Когда вода уходила, в канавах вдоль дороги оставалась рыба, ее можно было ловить руками.

У берега реки стояли баржи с дровами, а на берегу был склад бревен, здесь находилось предприятие Гортоп. Почти вся Вологда тогда отапливалась дровами. По реке к Гортопу подгоняли бревна, сцепленные в плоты. Мы, дети, бегали по бревнам и ловили силками щурят. Это было очень опасно.

В нашем доме проживало 16 семей. Жили дружно, каждый вечер соседи собирались вместе: кто-то плел кружева, кто-то

играл в карты. Праздники отмечали вместе. На Новый год из одной какой-нибудь квартиры выносили почти всю мебель, ставили большую елку и устраивали праздник для детей. Кто-нибудь переодевался в Деда Мороза и приносил подарки. С детьми проводили конкурсы. После детского праздника накрывались столы, начинался праздник для взрослых. А мы, дети, бегали в это время вверх-вниз по всему дому.

*Паводок – радость
для мальчишек.
1958–1960 годы*

*Женщины плывут
на работу.
1958–1960 годы*

У нашего дома был очень красивый балкон – металлический, длиной 6 метров. Прохожие часто останавливались и разглядывали его. Был и хороший подвал – кирпичный, в рост человека.

Во дворе были спортивные площадки: играли в волейбол, баскетбол, настольный теннис, городки. Зимой играли в хоккей, для этого чистили пруд, который находился рядом с домом.

Мы, дети, часто бегали в Детский парк на аттракционы. В парке была большая горка. В выходные дни ходили всем двором в кинотеатр имени Горького или «Искра» (сейчас «Салют»). Хорошо помню фонтан на площади революции, его окружали вазы – клумбы с цветами. Там, где сейчас находится Драмтеатр, был детский сад № 11, я туда ходила.

С 1959 по 1961 год строили мост 800-летия. Каждый день мы наблюдали за этой стройкой. Помню, как ставили опоры, как делали насыпь из песка.

Весной, когда начинался ледоход, у Красного моста взрывали лед. Мост был в то время деревянным, поэтому опасались, чтобы огромные льдины не повредил опоры.

Наш дом разобрали в середине 90-х, на его месте сейчас стоит новое здание.

Я часто вспоминаю нашу крепкую дворовую дружбу. До сих пор мы поддерживаем друг с другом связь.

Ольга Васильевна Корнеева

МОЕ ДЕТСТВО В ВОЛОГДЕ

Я родилась 23 сентября 1951 года в Вологде, где и по сей день проживаю. С рождения до 5 лет я жила на улице Клары Цеткин, 31 (сейчас Благовещенская). Мы жили в частном доме с родителями папы. Потом переехали, но я очень часто гостила у бабушки, особенно летом.

Опишу квартал моего детства: это между улицей Ленинградской и Мальцева и между Октябрьской и Благовещенской. Улица Мальцева называлась в моем детстве улицей Героев Арктики. Чет-

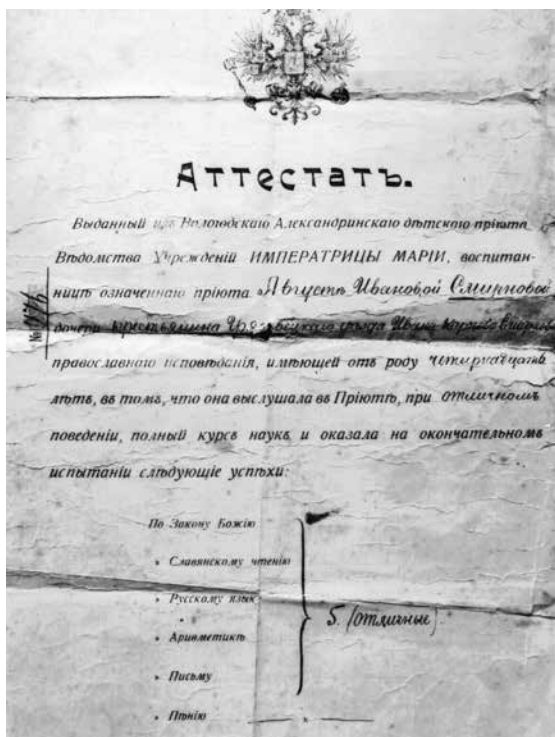
ная сторона Благовещенской сохранила все свои дома. Нечетная начинается с углового дома, который стоит на перекрестке улиц, он тоже сохранился в хорошем состоянии. Раньше этот дом был отдан под коммунальные квартиры. Следующий 2-этажный деревянный дом № 31а тоже сохранен, сейчас там туристическая фирма. В глубине двора этого дома была конюшня, которая примыкала к нашему огороду. Я туда частенько забегала посмотреть на лошадок. Помню, конюха звали дядя Гриша.

Ольге пять лет

Наш дом был следующим, он стоял в глубине огорода. В огороде у нас был свой колодец, где мы брали воду для питья. У нас был большой сарай, так как до революции дед содержал лошадей, занимался легковым извозом, возил свадьбы, был ямщиком. Бабушка сажала очень много лука на зелень. В корзине на спине она носила его сдавать в ресторан гостиницы «Золотой якорь». Помню, копая огород, мы иногда находили старинные монеты.

Следующим за нашим домом был двухэтажный деревянный дом, построенный в виде буквы Г. Его окна выходили прямо в наш огород. Внутри двора был деревянный двухэтажный дом с одним входом. За ним был частный одноэтажный дом. Следующим был двухэтажный деревянный дом с куполом на крыше. Это было здание бывшей еврейской синагоги, в нем разместился клуб и кинозал ВПВРЗ. Там проводились новогодние елки для детей, торжественные мероприятия завода и показывали кинофильмы.

Аттестат
воспитанницы
Александрійскаго
детскаго приюта
Августы Ивановны
Смирновой

Этот клуб народ называл еще «Коробочка». Я очень хорошо помню свой первый фильм – «Слепой музыкант».

Следующим к Ленинградской улице примыкал сквер, где стояли длинные скамейки с чугунным основанием, а вокруг росла сирень. Сквер был светлый, с аллеями. Сейчас эта часть улицы изменилась. Первым снесли наш дом и на этом месте построили 5-этажную хрущевку. Потом снесли соседний дом и построили еще одну хрущевку. На месте клуба построили здание больницы, сейчас там госпиталь для ветеранов войн. Вместо сквера сейчас парк воинам, погибшим в военных конфликтах 20-го века. Парк красивый, деревья выросли очень высокими, отражают величие и название этого парка.

Перейдем теперь на улицу Мальцева. Здесь все дома сохранены. Выглядят они очень красиво, особенно дом Дружинина. Дом, в котором сейчас располагается учреждение «Забота»,

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ.

Данъ изъ Вологодскаго Александрискаго Дѣтскаго Приюта
Вѣдомства Учрежденій Императрицы Марии
воспитанницѣ оной Августѣ Ивановой Смирновой
за благонравное поведеніе и отличныя успѣхи.

Полномоченный отъ Императорскаго
Директора Приюта

Секретарь

Законспице

Похвальный лист воспитанницы
Александрійскаго дѣтскаго приюта
Августы Ивановны Смирновой

раньше был Домом малютки. Когда мы проходили мимо, было видно, как маленькие дети стоят в кроватках. Кто-то смотрит в окно, а кто-то плачет. Плач был слышен на улице.

Самое интересное – это двухэтажное каменное здание. Я его помню как общежитие. В окнах, выходящих на Октябрьскую улицу, на широких подоконниках лежали книжки, тетради. Недавно, находясь в гостях у друзей, я узнала историю этого дома. Они показали мне старинные дореволюционные документы своей бабушки. Оказывается, в этом здании с 1843 года находился Вологодский Александринский детский приют Ведомства учреждений Императрицы Марии (матери последнего царя). В этом приюте и обучалась их бабушка, о чем свидетельствует аттестат.

Свернем теперь на улицу Октябрьскую. За общежитием находился маленький одноэтажный домик. Он относился к Дому малютки. Похоже, там был изолятор, так как там в одном окне

были видны кровати, но не всегда были дети. В других окнах было видно медицинское оборудование, приборы, пробирки. Сейчас эта территория обнесена забором, дом снесен.

Следующий красивый 3-этажный кирпичный дом № 36 жив до сих пор. В этом доме я бывала, там жила моя учительница начальных классов. Следующий дом под номером 38 – кирпичный, 4-этажный. По тому времени такие дома предназначались не для простых людей. Но в этом доме на первом этаже находился мой детский сад. Я каждое утро бежала туда с кем-нибудь из родственников, чаще с братом. Еще на первом этаже были два магазина – продовольственный и промтоварный. В промтоварном магазине работала моя мама. Раньше машин при магазине не было. У них был цыган с лошастью, который возил товар. Звали цыгана Николай. О нем все очень хорошо отзывались, он был честный и добрый. Когда собирались идти в этот магазин, то говорили: «Пошла в "Сорокашку"» (видимо, по числу квартир – тогда их было 40, да и построен дом был в 1940-м году), и всем было понятно.

Мы любили ходить в парк ВПВРЗ и на Соборную горку. На входе в парк стояли красивые колонны с арками. По краям колонн были окошки: с одной стороны касса, с другой продавали мороженое. Пруды были чистые, в них плавали черные лебеди, и для них стояли домики на воде. В парке есть высокая горка, там стояла беседка. Сразу же за парком, на Соборной горке, был песчаный пляж, и летом мы бегали туда купаться. Для маленьких у берега была сделана деревянная купальня с полом и оградой. Можно было сидеть на ограде и болтать ногами в воде. Можно было, держась за ограду, спуститься в воду. Дети барахтались в свое удовольствие. Недалеко был павильон, куда мы бегали за мороженым. Обычно нас никто не сопровождал, бегали мы одни. В парке были танцы под духовой оркестр, иногда ставили пластинки. Когда я, маленькая, сидела дома у окна или на крыльце, я слышала песни. Слышно было хорошо, так как городского шума не было. Особенно мне запомнилась песня «Ой ты, рожь, золотая рожь, ты о чем поешь, золотая рожь. Счастье повстречается, мимо не пройдешь, ой ты, рожь...».

Хочу вспомнить и о брате моего дедушки – Бараеве Федоре Андреевиче. Его я не знала, видела только на фото. Молодым он работал слесарем-инструментальщиком на ВПВРЗ. Занимался

пением в музыкальном техникуме и был известен в Вологде как певец-солист. В 1935 году после выступления на Всесоюзном конкурсе вокалистов, проходившем в Ленинграде, был принят в Малый оперный театр. Он проработал там 25 лет. Первой его партией был Лыков в «Царской невесте» Римского-Корсакова, и еще много партий спел он в разных операх.

Меня очень радует, что есть люди, которые заботятся и бережно относятся к истории своего города, которые стремятся сохранить историю для потомков. Низкий им поклон и уважение.

Лидия Александровна Чичиланова (Кашинцева)

ВОЛОГДА В 50–60-е ГОДЫ

Дом, в котором я провела свое детство, находился на улице Менжинского (ныне Предтеченской). Это был двухэтажный деревянный особняк очень уютного вида, владельцем которого был когда-то торговец скобяным товаром. В 1990-е годы дом был снесен и расселен. В этом старинном доме жила наша семья и еще семь семей. На нашей улице было оживленное движение между вокзалом и центром.

В глубине квартала за кирпичным домом было очень привлекательное для детей всей улицы место – клуб УООН. Так тогда называлась городская милиция. Там показывали кино. На детские сеансы нас бесплатно пускал киномеханик дядя Сережа. Денег ведь никому из нас родители не оставляли. Вокруг клуба и в красивом круглом скверике мы не раз устраивали игры, прятки, качались на качелях. Бабушка моя с оглядкой говорила нам, что это здание не очень счастливое. Впоследствии я узнала, что здесь был детский дом для детей, у которых родители были репрессированы или даже расстреляны.

На другой стороне улицы Менжинского была построены кирпичные трехэтажки. Унылый ряд, но ими гордились советские краеведы. За этими домами находился стадион «Динамо». Мы, дети, часто бывали на стадионе, любили смотреть

На крыльце своего дома. Предтеченская, 69. 1963 год

соревнования и футбольные тренировки. А во время матчей можно было прямо из дома слышать свист и гул голосов, когда забивают гол.

Деревянная, своеобразной конструкции протестантская церковь на нашей улице во время моего детства была спортивной школой. Я, школьница, записалась в лыжную секцию, ходила туда не раз, поражалась строгости ее интерьера. Все мы активно записывались в различные кружки, спортивные секции, посещали утренники, концерты.

В нашем районе, называемом теперь угрюмым словом «деревянный сектор», сохранялась уютная окружающая среда. Во дворе, где детей было много, мы были все знакомы между собой, играли в мяч, в прятки, бегали вместе. Казалось, что такой широкий двор, яблони, лавочки и зеленая трава за домом будут всегда. Сзади были огородики, у каждого квартиранта был сарайчик с дровами, ну и помойка была.

Конечно, больше развлечений было в разрушенном теперь Дворце культуры железнодорожников и в его парке аттракцио-

нов. Он у нас долгое время назывался клуб КОР – Клуб Октябрьской Революции. Многие люди разных возрастов с благодарностью вспоминают и кино, и спектакли, и массовые праздники, и катания в Новый год на лошадях в праздничной карете, организованные в этом клубе.

Все вместе ходили мы в Детский парк, бесплатных аттракционов там было много. Ходили и на реку Вологду купаться. Но больше всего я любила читать – это тоже примета нашего поколения. Книг у нас в семье было много.

Что я еще помню о Вологде 50–60-х годов? Я любила гулять по городу, знала многие места и своего района, и центра. В школу я ходила далеко, никто не провожал ни меня, ни брата. Узорный деревянный особняк на углу улицы Челюскинцев находился в центре Вологды, это была начальная школа. Потом в средние классы надо было идти в двухэтажный деревянный дом на улице Мира. Это, как я впоследствии узнала, была одна из старейших школ Вологды. До революции она существовала как гимназия для девочек.

В то время такие расстояния не считались далекими. Наш отец работал на заводе ВПВРЗ, он рано вставал и шел на работу пешком через весь город. Мама работала швеей, и тоже не близко. Удобно было то, что эта швейная мастерская «Заря» была тут же у школы. Я ежедневно заходила к маме, все ей рассказывала, брала у нее 50 копеек и шла в ближайшую через дорогу столовую.

В 1961 году не было в магазинах хлеба на полках. Хотя я была первоклассницей, должна была дожидаться привоза хлеба, стоять в очереди и купить хлеб. Хлебный магазин был на первом этаже красивого двухэтажного особняка на углу улиц Герцена и Менжинского, за ним пристроено было каменное маленькое зданьеце, наподобие будки сторожа. В 50-е годы на нем висела вывеска «Прием цветных металлов». С этим домом связано у меня воспоминание о том, как моя бабушка, уже старенькая, доверила мне отнести и сдать самовар. Пенсии ее никак не хватало.

Я сначала сбегала туда спросила, примут ли самовар. Потом я тащила его – тяжелый, красивый – в прием металлов. Приемщик долго не решался его разрушить, а потом как жажнул топором, так и отсек чугунную решетку снизу. Я очень жалела, что рассказала это бабушке, она заплакала, потом долго лежала молча.

Из быта 50-х годов вспоминается еще керосиновая лавка на улице Жданова (теперь Чехова), в которую мы ходили с бабушкой. Лавка была маленькая – комнатка с одним окошком. Там многие останавливались поговорить, а кроме керосина для керогазов и примусов там предлагалась посуда, мыло. Бабушка купила красивые чашки, расписанные розами. Они мне очень понравились.

Я помню, как отец, хоть и уставший после работы, всегда брал два ведра и несколько раз ходил на колонку за водой, наливал в бак воды, ведь водопровода в нашем доме не было. Мама стирала кучи белья в корыте. Она располагалась в общей кухне у окна, в это время на нашем столике кипел на примусе бак для стирки. Потом мама собирала белье в плетеные корзины и везла к реке Вологде – летом на бывшей детской коляске, а зимой на санках. Я ей помогала. На реке мостки для полоскания белья никогда не пустовали, женщины с корзинами и тазами выстраивались иногда в очередь.

Раз в неделю у нас в семье было посещение бани. Баня за стадионом на берегу реки Золотухи и в советские времена называлась Веденеевской. Мы отсиживали немалую очередь, платили за билет и тогда допускались в раздевалку и в помывочную. Я теперь понимаю, как маме нелегко было с нами сладить, а тогда я очень любила эти дни, потому что после бани обязательно следовало посещение буфета, газировка, сладости. Позже отец брал с собой в мужское отделение брата, а потом мы встречались, угощались в буфете и шли домой довольные.

Случилось так, что сгорел дом, где помещалась швейная мастерская. Мама была хорошим мастером, ее перевели в ателье, которое находилось в здании в начале улицы Ленина рядом с кинотеатром, который позднее получил название «Салют». Я бывала в этом ателье еще в первозданном виде, не подвергшемся перестройкам. Сооружение было интересным по интерьеру внутри и по дворовым постройкам. Сейчас нетронутым остался только внешний вид, характерный для исторической Вологды.

Я и сейчас люблю гулять по нашему городу. Изменений много – очень удобно стало в центре Вологды, а наш район бывшей улицы Менжинского мало сохранил красивых домов: стоит разрушенным Дворец культуры железнодорожников. Прилепилось к району обидное прозвище «деревянный сектор». Но место это по-прежнему живое, многолюдное, и это радует.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЛОГДЕ

Я родился в 1946 году, мое детство прошло в деревянном доме, который располагался на берегу реки Вологды по адресу: Краснофлотская набережная, дом 114, напротив пассажирского речного вокзала. Конечно, мои первые воспоминания о родном городе связаны с рекой.

Каждый день мы, ребята, с интересом наблюдали, как мимо проходят огромные двухпалубные колесные пароходы, которые почему-то носили имена писателей: «Добролюбов», «Чернышевский», «Некрасов». Они громко гудели, когда подходили и уходили от пристани. Буксиры тащили огромные плоты с дровами, баржи везли скот на мясокомбинат. А на каждой барже стоял дом, в котором топились печи, шел дым из трубы. Рядом была поленница с дровами, ходили люди, бегали собаки, гуляли козы, куры. Так и вспоминались отрывки про Чудо-юдо-рыбу-кита из сказки Ершова о Коньке-горбунке. Очень хотелось пожить в таком домике на воде, об этом мы часто просили папу. А весной охотники проплывали на лодках, с бортов которых напроказ свисали утки и другая добыча.

У каждой семьи была лодка. На ней мы ездили за кормом для коз и кур, которых держали в сарае. А также заготавливали дрова,

Виталий Глазов. 1948 год

в основном вылавливали топляки со дна реки. Топляки – это бревна, которые от переувлажнения опустились на дно.

Наш дом был двухэтажный, жили в нем 26 семей. Воды и канализации не было. У каждой семьи было по одной комнате. А семьи были большие, в каждой по трое-четверо детей. В каждой комнате была отопительная печь, выделен уголок для приготовления пищи, там обычно стояла керосинка.

Трудно сегодня представить, что в нашем доме одной кухней пользовались 13 семей. Все пользовались одной печкой, там варили, пекли пироги, грели воду. Я помню, как перед праздниками женщины устанавливали график, по которому они могли пользоваться печкой для выпечки пирогов. Хорошо, если доставалось дневное время, а кому-то приходилось готовить угощение ночью. Ведь пироги в то время были чуть ли не единственным угощением на праздник.

На каждый праздник к нам приезжали гости из деревни, 5–6 человек. Каждому находилось место в комнате площадью 18 квадратных метров, выручали самодельные полаты. Полаты – это настил из досок, который располагался на высоте 2 метра от пола. Кстати сказать, «родственниками» были не только наши родные люди, но и просто люди из деревни Кожино, откуда родом были мои родители, а бывали и жители окрестных деревень, которые приезжали в Вологду по каким-то делам. Все они могли прийти к нам в любое время дня и ночи. Им всегда были рады, давали еду и ночлег.

Любимым праздником для детворы был Новый год. В общем коридоре устанавливалась елка, игрушки на ней были самодельные – из бумаги, картона. Развешивались конфеты, пряники. Дедом Морозом обычно была тетя Шура Мохова. Она надевала самодельный костюм Деда Мороза, проводила хороводы, игры. Мы читали стихи, пели песни. На гармошке играл мой папа – Глазов Андрей Гаврилович. Всем – и детям, и взрослым – было очень весело. Каждый получал подарок – бумажный пакет, в котором лежали яблоки, пряники и конфеты.

Наша семья состояла из шести человек: папа, мама Вера Леонидовна, бабушка Агафья и мы, дети. Нас было трое: я – старший, Коля – средний и Юра – младший. В детский сад никто из нас никогда не ходил. Мама не работала, а занималась нашим

воспитанием и подрабатывала шитьем – она была прекрасная портниха. У нее была немецкая швейная ножная машина «Зингер», которую в качестве военного трофея умудрился привезти из Германии мой папа.

Взаимоотношения между соседями были очень хорошие. Все всегда помогали друг другу, выручали в трудную минуту. В соседней с нами комнате жил дядя Аркаша, он был инвалидом войны, у него не было одной ноги. Он работал на дому сапожником. Чинил обувь всем соседям, к нему приходили заказчики со всего района. В доме постоянно раздавался стук его молотка, пахло кожей, резиной, варом, канифолью. Но никто и никогда не высказывал ему своих претензий, понимая, что это единственный его заработок.

В школу я пошел в 1954 году, когда мне исполнилось семь лет. Школа находилась там, где сейчас можно увидеть бывшее здание завода «Северный коммунар». На втором этаже двухэтажного деревянного дома находились четыре классные комнаты, на первом располагались жилые помещения, в которых жили семьи рабочих «Северного коммунара». Мы завидовали ребятам, которым, чтобы попасть на уроки, было достаточно просто подняться на второй этаж. Мою первую учительницу звали Бахарева Галина Николаевна. Она вела абсолютно все предметы. Центрального отопления, водопровода, канализации в этом здании не было. Пили мы из общего бачка, к которому была привязана металлическая кружка. Все пили из одной, не задумываясь ни о каких микробах и вирусах. Столовой, конечно, не было. На большой перемене приходила женщина из столовой «Северного коммунара» и приносила две корзины с пирожками: в одной были пироги с повидлом, в другой – с ливером или с капустой. Мы покупали обычно по два, запивали водой из бачка, на этом завтрак кончался.

Эта школа была начальной. В пятый класс я уже пошел в школу № 1, которая и сейчас находится на том же месте у пешеходного моста. Особенно я любил ходить в школу зимой по льду реки Вологды. Весной и осенью, чтобы сократить путь, приходилось пользоваться перевозом. Он находился в районе пассажирского вокзала. Эта была большая лодка, в которую могли поместиться 20 человек. За веслами сидел мужчина, обычно

инвалид с одной ногой. Он греб очень медленно, казалось, что переправа через реку длится целый час. Только потом, когда я стал старше, я понял, что это была очень тяжелая физическая работа. Этот человек целый день работал веслами, практически без перерыва. Но именно так он зарабатывал себе на жизнь.

Школа меня сразу поразила тем, что она была огромная, современная. Там было центральное отопление, водоснабжение, канализация, туалет с унитазами. Мы сначала даже не знали, как ими пользоваться. Кабинетов было много, были актовый и спортивный залы, библиотека, столовая. Я любил уроки математики и физкультуры. Мне нравилось заниматься в спортивном зале на различных снарядах, играть в игры.

Каждый год весной около школы мы наблюдали ледоход. Иногда это природное явление вносило сумятицу в учебный процесс. Мы слышали взрывы, которые разбивали лед, и страшный треск льдин, которые так напирали на деревянный Красный мост, что мы боялись, как бы его не унесло течением.

Напротив школы была пристань, куда подходили баржи, которые привозили скот. Потом через Красный мост их гнали по улицам Ленина, Каменный мост, по проспекту Победы на территорию современного городского рынка. Там располагался мясокомбинат.

Хотя наша семья жила почти в центре города, мы, как и все остальные семьи, занимались огородничеством, держали скот и птицу. У нас были куры и козы. А наш козел Васька был «ездовым». На нем по очереди катались все ребята нашего двора, в том числе и будущая знаменитая конькобежка, чемпионка олимпийских игр Тамара Рылова.

В свободное время мы играли в разные игры: войну, прятки, футбол, хоккей и другие. Все игрушки: пистолеты, автоматы, ружья, сабли, мячи, клюшки, шайбы – мы делали сами. Например, для изготовления клюшки был нужен крепкий крючок, который мы «добывали» около магазинов. Для этого дежурили около мест, куда привозили ящики с фруктами. Нам было нужно оторвать от ящика буковую дощечку, которая идеально подходила для изготовления крючка. Мы даже лыжи мастерили сами. Выстругать полозья и загнуть носки при наличии в доме русской печки не составляло для нас особого труда. Но изгото-

вить канавку у лыж, чтобы они не разъезжались в стороны при движении, было очень сложно. Для этого использовали стамеску.

Покупных игрушек у нас никогда не было. Был только велосипед «Школьник», который купил нам папа. Этот велосипед был единственным в нашем дворе, где жило около сотни детей. И все они катались именно на нашем велосипеде. Катались по очереди и никогда не ссорились из-за велосипеда. Мы с братьями очень гордились тем фактом, что были единственными обладателями такого чуда, как велосипед.

Лето мы всегда проводили в деревне у бабушки с дедушкой в Вологодском районе. Туда мы сначала ехали на грузотакси. Это была машина ГАЗ-53 с кузовом, покрытым тентом. Все сидели на скамейках, ни о каких ремнях безопасности и речи не было. Дорога была не асфальтирована, поэтому на конечной остановке все пассажиры стряхивали с себя толстый слой пыли. Потом еще 20 км надо было идти пешком. Шли все, даже малыши. Иногда нас встречал дедушка и вез на телеге, запряженной лошадью.

Сейчас это трудно представить, но в нашей деревне, которая находится примерно в 50 километрах от Вологды, в 60-е годы не было света, соответственно, не было телевизоров, холодильников и другой бытовой техники. На ферме, на маслозаводе использовался только ручной труд. Дойка коров, уборка помещений от навоза, кормление животных осуществлялись только вручную. Переработка молока в сливки производилась ручными сепараторами. А посмотреть фильм в клубе можно было только после того, как киномеханик заведет бензиновый электрогенератор.

В то время в городе практически не было пассажирского транспорта. Первоначально были только два автобусных маршрута. Из них № 1 ходил от Лыскокомбината до Октябрьского поселка, № 2 – от железнодорожного до речного вокзала. Потом, когда стали летать самолеты, появился маршрут № 3 от железнодорожного вокзала до аэропорта, который находился в конце улицы Чернышевского.

В нашем районе во всех домах жили люди, которые работали на предприятиях, связанных с рекой. Очень мне запомнилась операция «Юг», к которой все начинали готовиться почти

с Нового года. Об этом событии говорили по радио, дома. Мне казалось, что это самое главное событие в жизни нашей страны, и что если эта операция вовремя не пройдет, то множество людей погибнет от голода, потому что завезти к ним продукты можно было только один раз в год. Всех участников операции «Юг» мы считали героями и ставили их в один ряд с папанинцами или челюскинцами. В марте начинали загружать баржи мукой, сахаром, растительным маслом и другими продуктами, а также строительными материалами, топливом, мебелью и другим. На баржах везли автомобили, тракторы. Караваны судов отправлялись торжественно, приходило много народу, всегда играл духовой оркестр. Потом каждое утро папа включал радио, и мы слушали сводки о ходе этой операции. Казалось, что это сводки с фронта о боевых действиях. Сообщали, что суда прошли Тотьму или какой-нибудь другой населенный пункт, что все идет по плану. Но иногда были и тревожные сообщения: какую-то баржу затерло льдом, или караван остановился, потому что река Юг еще не освободилась ото льда. Живое детское воображение рисовало картины, как будто торосы со всех сторон напирают на маленькие баржи, а смелые и отважные моряки всеми силами пытаются предотвратить крушение судов. Не менее торжественно встречали героев. Обязательно проводили митинг, отмечали участников грамотами и подарками. Всем мальчишкам обязательно хотелось стать речниками и участвовать в этой опасной операции.

Наша соседка тетя Нюра Сопегина всю зиму тоже готовилась к поездке на пароходе в Мотыри. Она там проводила лето. Поэтому она зимой закупала в магазине муку, сахар, другие продукты, чтобы прожить там все лето. Я часто ходил с ней по магазинам, ведь товаров в одни руки отпускали мало, а со мной ей удавалось купить больше. Она рассказывала о Мотырях, как о какой-нибудь дрейфующей в океане станции, где на тысячу верст вокруг не было ни магазинов, ни жилых домов, ни людей. Особенно интересно звучали названия населенных пунктов, около которых ей приходилось проплывать на пароходе: Ноземские Исады, Шингарские Исады, Спас-Ямщики, Шиченга, Шейбухта. Эти названия казались мне инопланетными. Потом, когда я стал взрослым, я посетил эти таинственные Мотыри. Это

была маленькая деревня в Междуреченском районе, где было полтора десятка дворов.

В то время Вологда практически вся была деревянная. Новые жилые дома строились тоже в основном из дерева. На наших глазах были выстроены поселки вагоноремонтного завода, судоремонтного завода, завода «Северный коммунар». Все предприятия строили жилые дома хозяйственным способом, то есть их возводили не специально обученные строители, а бригады, сформированные из работников самого завода. Особенно запомнилось строительство поселка Водников. Бригады формировались из людей, которые находились в межнавигационных отпусках. Из-за нехватки леса для возведения зданий использовались материалы от разборки деревянных барж, которые стали ненужными в связи с переводом флота с деревянного на металлический.

Сейчас в центре Вологды находятся офисы, магазины, рестораны, кафе. А раньше почти во всех зданиях вместе с магазинами или конторами находились жилые помещения. Люди жили на Каменном мосту, на улицах Ленина, Мира, на проспекте Победы около памятника Ленину, на Кремлёвской площади. Люди жили даже в Кремлёвской стене на углу, который сейчас выходит на парк ВРЗ и реку Вологду. Особенно запомнилась мне комната моего школьного товарища Вовы, которая находилась по адресу Мира, 22. Сейчас там находится торговый центр «Прага». Вход был с улицы Мира через пролом, направо и налево были двери, открываешь одну из них, спускаешься по лестнице вниз и заходишь в комнату, а в окне под потолком видишь только ноги людей, которые идут по улице Мира. Прямо как в книге Короленко «Дети подземелья».

Эти мои воспоминания о детстве заканчиваются началом 1960-х годов – временем, когда наша семья жила на Краснофлотской набережной. Я считаю это место моей малой родиной. Потом мы переехали на Флотский переулок, потом в Затон. Но это уже другой период моей жизни.

Наш город более чем за полвека изменился до неузнаваемости. Нет больше моего родного дома, нет домов на Флотском и в Затоне...

Осталась память.

ДЕТСТВО НА МЕЛЬКОМБИНАТЕ

Я выросла на рабочей окраине Вологды, в небольшом поселке Мелькомбинат. Такое название помнят, наверное, только старожилы. Сейчас это улица Элеваторная.

В начале пятидесятых годов прошлого века вся страна была как большая стройка. Строили в это время и большое предприятие – Мелькомбинат: два больших элеватора для хранения зерна, мельница, где мололи муку, и комбикормовый цех для производства кормов для скота.

Работать на стройке, а потом и на комбинате приехало много людей, большинство из деревень Вологодской области. Были крестьяне, стали рабочий класс.

Рабочим нужно было жилье. Рядом с Мелькомбинатом построили бараки – три длинных одноэтажных здания. Потом еще один барак и двухэтажный небольшой домик для инженерно-технического состава. Так на территории Вологодского района появился новый поселок.

Мои родители – папа Куликов Рафаил Парменович и мама Куликова Валентина Васильевна – переехали сюда из деревни в 1954 году. В семье было трое детей. Папа работал на комбинате шофером, мама – разнорабочей. Жили мы в бараке семьей из пяти человек в небольшой комнатке с печкой. Воду брали в колонке на улице, уборная на улице, мыться ходили в баню на Лынокомбинат. Поначалу не было в поселке даже магазина, потом открыли небольшое сельпо.

Конечно, было трудно. Но тогда время было такое, всем приходилось нелегко. А родители наши были тогда молоды, полны сил, им помогала вера в то, что жизнь со временем изменится к лучшему.

В поселке все друг друга знали, вместе работали, жили рядом. Двери в комнаты в бараке не запирались. Когда наши соседи первые в поселке купили телевизор, жители всех бараков со своими стульями и табуретками приходили смотреть кино. Народу набивалась целая комнатка.

Семья Куликовых. 1956 год

В праздники собирались большой компанией. После застолья выходили на улицу и начиналось веселье: плясали под гармошку, пели частушки и любимые песни. Гармонистов было несколько, но лучше всех «русского» играл мой папа. Я была маленькая, но тоже плясала и пела частушку:

*Мама печку затопила,
Угольки холодные!
Папка деньги пропивает,
Мы сидим голодные!*

Все смеялись, и папа смеялся тоже.

Начальная школа находилась в соседней деревне Турундаево и располагалась в здании бывшей церкви. Я пошла в первый класс в 1959 году. Деревянные парты, чернила, перьевые ручки – нас учили писать с правильным нажимом и без нажима, правильно делать наклон. Выработывали красивый четкий почерк. Я и сейчас помню те правила.

С благодарностью вспоминаю свою первую учительницу – Коколёмину Екатерину Александровну. В среднюю школу мы

ходили на Лынокомбинат, учились в новой школе номер 21. Школа была далеко от дома, ходили пешком. А в 1969 году мы стали первыми выпускниками нашей школы.

В начале 60-х в нашем поселке построили два новых кирпичных дома, бараки расселили, все рабочие получили благоустроенные квартиры. Дали новое жилье и нам. Эта трехкомнатная квартира, «хрущевка», с титаном, без горячей воды, с маленькой кухонькой, казалась нам тогда настоящим дворцом.

Открыли два магазина: продовольственный и промтоварный, начал ходить автобус № 5 по маршруту «Центр – Мясокомбинат». Жизнь наладилась!

Как-то я приехала в очередной раз на Элеваторную навестить родителей. Навстречу сосед идет, улыбается: «Что, на родину потянуло?». Он пошутил, а я подумала: а ведь и в самом деле здесь моя малая родина, здесь родительский дом, с этим уголком Вологды связаны дорогие моему сердцу воспоминания.

Римма Сергеевна Глазова (Мизгирёва)

ДЕТСТВО В ПОСЕЛКЕ ВОДНИКОВ

Мои детство и юность прошли в поселке Водников. Наша улочка, точнее, переулок, находился между улицами Северной и Разина. Жили мы в деревянном доме без удобств. Воду носили с колонки, отопление было печное. В нашем доме было четыре квартиры, у каждой семьи был отдельный вход. Со временем в доме сделали второй этаж. Улочка наша была небольшая: несколько двухэтажных домов и одноэтажные частные. Но мы, ребяташки, знали не только тех, кто живет на нашей и соседних улицах, но и многих жителей поселка Водников.

В одном из соседних домов жила моя лучшая школьная подруга, с которой мы дружим до сих пор, и которая живет сейчас в другом городе, но каждый год приезжает в Вологду. Другая моя подруга жила в доме, который стоял напротив нашего. Там было два подъезда, по четыре квартиры на площадке, квартиры были трехкомнатные.

Семьи у всех, как правило, были многодетные. Обычно родители работали на судоремонтном заводе, на овчинно-меховой фабрике, на заводе «Северный коммунар», на заводе ЖБИ, на мебельной фабрике «Прогресс». Народу в поселке было много. Утром текли ручейки рабочих на проходные заводов, а по окончании рабочего дня – обратно от проходных домой.

На судоремонтном заводе недалеко от проходной находился медпункт. Заведующей была Юлия Васильевна Конт. Здесь работали зубной врач, фельдшер, был физиокабинет. Помню, как один из ребят случайно упал на ручку бидона, рассек бровь, и мы всей ватагой пошли с ним в этот медпункт. Нас пропустили без каких-либо пропусков и документов. Мальчишке наложили скобки, потом мы снова сопровождали его в медпункт, когда эти скобки ему снимали. Мы ходили в этот медпункт и к зубному, и на прогревания, и на уколы. В медицинской помощи нам никогда не отказывали. Поликлиника была далеко, поэтому многие работники завода и члены их семей лечились в этом медпункте. Некоторые врачи и медсестры были участниками войны. Их уважали и почитали.

А поликлиника находилась на другом берегу реки, на Советском проспекте, в двухэтажном доме с печным отоплением. Это здание и сейчас там стоит напротив Петровского домика. Стационар находился на Советском проспекте в доме № 17 в небольшом кирпичном здании. На первом этаже было терапевтическое отделение, на втором – хирургическое. Главным врачом был Пермогорский Николай Васильевич, хирург.

Было не очень удобно добираться из поселка в эту поликлинику. Зимой можно было пройти по льду, по протоптанным тропкам, а летом работал перевоз – переплавливались на лодке. Лодка была большая. Заходили в нее, бросали монетки в специальную деревянную коробочку. Но однажды случилась трагедия: лодка перевернулась и погибли люди. После этого вместо лодки стал работать катер, в который помещалось очень много людей. Перевозов на реке было два. Первый – где сейчас улица Левичева, второй – недалеко от «Северного коммунара» и речного вокзала. Со временем построили большую больницу в самом поселке Водников на улице Северной, теперь это городская больница № 2.

Судоремонтного завода теперь уж нет, там сейчас находится жилой комплекс «Флагман». А раньше при заводе был клуб, библиотека, музей. В клубе действовали кружки для взрослых и детей. Почти все заводчане занимались спортом. Помню, что зимой устраивались лыжные соревнования. Лыжню прокладывали до деревни Погарь. Сколько было участников! А сколько людей собирались вокруг! Было очень весело. Народ был дружный, все друг друга знали.

В поселке на улице Разина были деревянная двухэтажная школа и речное училище. Школа была семилетняя. Нашей первой учительницей была Нинель Алексеевна Шуткова, молодая, красивая. Мы у нее были первые ученики. Она вела все уроки: и физкультуру, и пение. Зимой уроки физкультуры проводились на реке, мы ездили на лыжах на «Караванку» – это район недалеко от Баранково.

У завода «Северный коммунар» тоже был свой клуб. Туда мы ходили смотреть фильмы. Народу было очень много, особенно детишек. Мы не пропускали ни одного фильма. Там же был и каток. Там играли в хоккей, устраивали соревнования, катались на коньках.

К заводу «Северный коммунар» была протянута железнодорожная ветка. По ней вывозили продукцию завода. Ветка проходила вдоль улицы Городской вал. Улицу Разина, по которой проходил автобусный маршрут, перекрывали, когда по путям шел железнодорожный состав. Проезд в автобусе сначала оплачивался в зависимости от длины маршрута по количеству остановок, которые пассажир проезжал. Потом цену сделали фиксированную – 5 копеек.

Машин в городе было очень мало, особенно на нашей улице, которая была, да так и осталась грунтовой. По обеим сторонам улицы были прорыты канавы, а через них были проложены мостики из широких досок и толстых бревен. Вдоль домов были проложены мосточки, а к каждому дому был сделан большой и надежный мост. Его использовали, когда привозили дрова, чтобы подъехать к сарайкам. Да еще приезжала ЛБЧ (лошадь, бочка и черпак) – служба, которая чистила туалеты и помойки.

За водой ходили на колонку, а воду на чай брали в бассейне – артезианской скважине, которая находилась на улице Разина. Скважина была далековато, хотя и ходили туда дворами для сокращения пути. Воду я обычно носила на коромысле, по два небольших семилитровых ведра.

Помню, что на праздники Первое мая и Седьмое ноября вывешивали красные флаги на каждый дом. Было очень красиво. А когда умер Сталин, на каждом флаге была еще и черная лента.

Зимой мы, школьники, любили кататься на коньках. У меня были «снегурки», они прикручивались к валенкам при помощи палочек и веревочек. Нужно было долго до упора крутить палочку, чтобы крепко-накрепко закрепить полозья. Мы с подружкой Верой катались прямо на дороге, взявшись за руки и изображая фигурное катание. До сих пор вспоминаем наше катание. Еще любили ходить по сугробам. У домов в летнее время были грядки, а зимой их заваливало белым-белым пушистым снегом. Сейчас таких высоких сугробов нет. Мы идем спиной вперед по этому ровному ковру, проваливаемся в борозду, падаем в снег и радуемся...

Мы катались и на лыжах, тоже в валенках. Лыжи на ботинках появились позже.

Большую часть времени мы проводили на улице. Детей было много, нам было весело. Летом играли в казаков-разбойников, прятались в бороздах картофельных грядок. Мы с соседкой Валею любили прыгать на доске. Доску клали поперек на какое-нибудь бревнышко, вставляли на края доски и по очереди подпрыгивали. Иногда взлетали так высоко, что подол платья на голову надевался. Было очень смешно.

Велосипеда у нас не было. Соседские ребята-подростки катали нас, посадив на раму. Мальчишек они учили ездить под рамой.

Помню, как появились первые телевизоры. В нашем доме их ни у кого не было, а в соседнем доме, у Брюховых, ящик с голубым экраном уже был. И нас, детвору, пускали смотреть на это чудо техники. Мы снимали обувь в прихожей и усаживались на полу в комнате. Экран был маленького размера, но всем было очень интересно. Нас не интересовало содержание передач, было интересно смотреть, как движутся картинки на экране.

Дома мы слушали радио. Любимыми передачами были: «Пионерская зорька», «С добрым утром!», «Театр у микрофона», «Производственная гимнастика», «Встреча с песней». Каждое утро начиналось со звучания по радио гимна.

Соседи у нас были добрые, хорошие. Мы с братом всегда с теплотой вспоминаем их, хотя сейчас мы старше, чем они были тогда. Помню, когда не стало папы, соседи помогали нам пилить

и колоть дрова. Соседские ребята укладывали дрова в поленницу. Старшего поколения уже давно нет, но мы до сих пор поддерживаем связь с их детьми, нашими ровесниками.

Когда построили новую школу № 15 на улице Горького, нас всех перевели туда. Школа была единственным на пустыре зданием, вокруг больше ничего не было. Рядом со школой автобусная остановка «Улица Связи». Ее прозвали «Остановка Грязи», потому что грязь была несусветная – рядом шло строительство. Чтобы перейти улицу у школы, те, у кого были резиновые сапоги, перетаскивали на закукорках тех, у кого их не было.

За короткое время рядом со школой построили музыкальное училище, общежитие пединститута, жилые дома. Школа была четырехэтажная, на верхнем этаже находились спортивный и актальный залы. На первом этаже были столярная мастерская и кабинет домоводства для девочек. В подвале были столовая и раздевалка. Горячие обеды привозили в специальных термосах. В столовой работала Майя Васильевна. Мы обычно покупали чай и пирожки.

На нашей параллели было шесть классов. Я училась в классе «Д». Школа сначала была восьмилетняя, а с 1964 года стала десятилеткой. Классным руководителем у нас была Большакова Вера Ивановна – учитель истории. Мария Алексеевна Соколова преподавала русский язык и литературу, Петухова Наталья Алексеевна – математику. Учителей мы любили и уважали. Они никогда не повышали на нас голос. Правда, иногда мальчишки хулиганили, тогда вызывали родителей в школу, но это было крайне редко. Класс был большой – 40 человек.

Теперь нас, одноклассников, осталось чуть больше десяти. Раньше мы встречались, а теперь общаемся в основном по телефону. При встречах вспоминали школьные годы, любимых учителей, которые отдавали всю свою душу ученикам. Эти чудесные годы нужно описывать отдельно.

Как-то я приехала навестить свою коллегу в поселок Водников. Вышла на остановке на улице Разина, а там всюду шло строительство. Хотела пройти дворами, но заблудилась. Пришлось вернуться обратно к остановке и идти уже по дороге. Так все изменилось на моей малой родине, что не узнать. Там, где было поле, где мы играли в казаков-разбойников, в футбол, сейчас выросли большие дома и торговые центры.

Римма Мизгирёва с братом Сергеем. 1955 год

Раньше мы с ребятами ходили за Доронино собирать голубику, приносили по трехлитровому бидончику, ели ягоды с молоком и хлебом. А теперь там промзона, и строительство продолжается.

Моего родного дома нет давно. После того, как старые жильцы разъехались, получили благоустроенное жилье, там сменился контингент жителей, и наш дом сгорел. Мы с братом были на пепелище родного дома: уцелела лишь одна береза. На нашей улице построили школу № 12, здание школы перегородило улицу, теперь только название от нее и осталось. Дома-деревяшки почти все расселили. Осталось общежитие овчинно-меховой фабрики. Оно было когда-то самым первым кирпичным пятиэтажным зданием среди одноэтажных и двухэтажных домов и возвышалось над ними, как небоскреб.

Я прожила в поселке Водников четверть века. Очень хочу съездить туда на экскурсию, посмотреть, как все изменилось. Как поется в песне: «Ах, как хочется вернуться в городок, на нашу улицу в три дома, где все просто и знакомо, на часок...».

Людмила Николаевна Полевикова (Майорова)

ЕЛКИ МОЕГО ДЕТСТВА

Я родилась в Вологде в 1951 году и живу в родном городе до настоящего времени. До 15-летнего возраста проживала по адресу: Завражский переулоч, дом № 8. Окончила школу номер 20. Образование высшее экономическое.

Сколько себя помню, у нас в семье всегда отмечали Новый год – самый любимый праздник всех ребятшек. За три дня до Нового года папа отправлялся за елкой в лес. Лес был недалеко от города, сразу за Прилуками. Теперь это пригород нашей Вологды, а тогда было село, и рядом деревеньки. Елки росли по обе стороны дороги. Папа ездил за елкой на широких охотничьих лыжах. Выбрав елку, он рубил ее топором, обвязывал мешковиной, веревкой и тащил по снегу домой. Я думаю, ему было нелегко, но дома елку ждали четверо ребятшек, и он хотел доставить им радость. Позднее рубить елки в лесу запретили, их стали продавать на елочных базарах, и папа покупал елку, всегда высокую, до потолка. А мы уже ждали. Вот в коридор сначала входила красавица елка – пушистая, с сосульками, с замороженными шишками, а за ней прятался уставший, но довольный папа.

Елку ставили в ведро с мокрым песком и оставляли до утра. А мы, вдыхая свежий еловый запах леса, сидели в комнате за столом допоздна и готовили елочные украшения из цветной бумаги и картона, из конфетных фантиков, из старых поздравительных открыток, из ваты и марли. Мама и старшие сестры дошивали маскарадные костюмы. Утром все вместе украшали елку и комнату игрушками, гирляндами, конфетами, орехами, завернутыми в фольгу от шоколадки.

На праздник к нам 31 декабря и 1 января приходили дети со всего переулочка. Вход был обязательно в маскарадном костюме. Кроме накрахмаленных снежинок и зайчиков, дети были мушкетерами, рыцарями, королями, Кощеем Бессмертным, Бабой Ягой, Буратино, Черепахой Тортиллой. Каких только костюмов не придумывали дети!

Семья наша была небогатой, но всем детям Дед Мороз вручал небольшие подарки со сладостями. В кулечке был и карамельный леденец «Петушок на палочке», который мама делала сама и даже продавала иногда на рынке. Все дружно водили хоровод, пели песни «В лесу родилась елочка» и «Маленькой елочке холодно зимой». Читали стихи о зиме, о елке, о Деде Морозе. Вы спросите, а кто был Дед Мороз? Конечно, папа! Мы узнавали его и по старым подшитым валенкам, и по протезу на руке, который он прикрывал красной рукавичкой (он был ранен на войне), и по голосу, звучному и ласковому. Дед Мороз веселился вместе с нами. В доме пахло елкой и пирогами. Было тепло и уютно. А потом все – и взрослые, и дети – весело бежали на горку на берег реки. Катались, валялись в сугробах. Это было самое любимое время – елка, Новый год, счастливое детство!

Люда Майорова. 1958 год

Когда я немного подросла, меня стали брать на елку к папе на работу. В то время в организациях были профсоюзы, которые устраивали праздник Новогодней елки для детей своих работников. Мне мама готовила маскарадный костюм, чаще всего я была Снежинкой. Юбка-пачка, как у балерины, шилась мамой из марли и сильно крахмалилась, чтобы стояла, тапочки из белой ткани с завязками вокруг ноги, как пуанты у танцовщиц, а на голове – картонная корона, украшенная ватой, блестками из битых елочных игрушек, и стеклянными бусами. Таких снежинок на празднике набиралось около двадцати, разных возрастов, примерно до пятого класса.

И мы все танцевали, кружились в хороводе вокруг елки во главе со Снегурочкой. Еще я запомнила, что Дед Мороз был настоящий, а не папа. У него был красивый костюм, каждый

год разный, то красный, то синий. Густой, звучный голос, богатый золотой посох, пышная кудрявая борода, которую очень хотелось потрогать, и вьющиеся усы, и добрые прищуренные глаза. Такого Деда Мороза я уже видела на открытках, которые мы с мамой отсылали родственникам по почте. А здесь Дед Мороз был живой, настоящий, я нисколько не сомневалась в этом, потому что потрогала украдкой его бороду, когда он наклонился ко мне и похвалил мой костюм снежинки. Только повзрослев, я поняла, что Дедом Морозом выступал настоящий артист из нашего драматического театра. (Теперь мой внук уже много сезонов надевает костюм Деда Мороза и выступает на Новогодних праздниках, он профессиональный актер).

А тогда, в детстве, Дед Мороз за каждое стихотворение или песенку доставал из своего мешка поощрительный приз и вручал ребенку. Детям это так нравилось, стихи читали в очередь, стремясь получить игрушки, книжки, цветные карандаши. Мешок пустел, а желающих выступить было еще много, и когда дошла очередь до меня, то все призы закончились. Дед Мороз не растерялся, снял с елки огромную стеклянную шишку розового цвета и подарил мне. Такой красоты никто не получал! В нашей семье эта шишка хранилась долго-долго и разбилась только при переезде на другую квартиру.

Мама хорошо шила, летние платья и сарафанчики у меня были красивее, чем у подружек. Лет с тринадцати я уже шила сама, любила смотреть журналы мод, обожала «Крестьянку» и «Работницу» – женские журналы с выкройками и модой.

До школы и в начальных классах я из обуви носила сандалии и босоножки, обычно донашивала обувь сестер. И вот в пятом классе мне купили новое красное шерстяное платье в магазине «Детский мир» и первые мои туфельки! Именно мои! Красные, с белой вставочкой впереди и красным бантиком! Это было чудо. Я весь день и вечер не снимала их с ног. На следующий день я должна была идти на Праздник елки в ДКЖ на улице Ветошкина. А жили мы на противоположной стороне города, на Парковой улице (теперь улица Бурмагиных).

Мороз был градусов 20, но день с утра был солнечный, а во второй половине пошел легкий снежок. Мамы дома не было, она где-то задержалась, но я ведь была уже почти взрослая – пятиклассница.

Нарядилась в новое красное платье, заплела скромные косички с белыми бантиками, обула туфельки и, взяв приглашенный билет, отправилась в ДКЖ на праздник. Ума хватило надеть пальтишко, шапку из кроличьего пуха с длинными ушками и шаровары с начесом. О валенках я даже не подумала, ведь у меня новые красные туфельки.

На праздник я летела птицей. Было скользко, и, если бы не падающий снег, то падала бы я. Снег тормозил кожаную подошву туфель, которые скоро намокли и потемнели от сырости. Но кожа была натуральная, добротная, ноги мерзли, но не промокали. Бежала я быстро, но где-то на Соборной горке я уже плохо чувствовала пальчики. На старом рынке я забежала погреться в мясной павильон, там работал мясником наш сосед. Отогревшись и растерев пальцы, я помчалась дальше. Мужественно добравшись до места, я, счастливая и нарядная, сразу встала в хоровод возле елки, стала топтать ногами, разогревать их. Праздник длился почти два часа. Я с ужасом думала, как буду добираться домой. Денег на автобус у меня не было, а идти опять в туфельках по морозу ой как не хотелось!

По окончанию праздника у раздевалки я увидела маму с моими старенькими валенками в руках. Она с укоризной покачала головой и ничего не сказала! Милая мамочка! Какой же деликатной ты была, боялась испортить мне праздничное настроение.

После праздника Рождества (7-го января) начинались Святки до праздника Крещения (19-го января). В то время церковь была отделена от государства, пропагандировался атеизм. В Вологде были открыты только два храма: Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы (у Горбатого моста) и Храм святого праведного Лазаря у Горбачёвского кладбища. Ходить в церковь нам было строго-настроено запрещено!

Наш Завражский переулок находился рядом с улицей Бурмагиных, которая вела на кладбище и к Лазаревской Церкви, поэтому мы часто видели похороны, грузовики с открытыми бортами, и впереди обязательно духовой оркестр. В праздники рано утром шли богомольцы в церковь, лица их были бледными, одежды скромными и темными, но чистыми. Шли также люди с радостными лицами, крестившие своих детей в церкви.

*Люда Майорова (вторая справа) с тетями по маминей линии.
Слева Текуса Константиновна Репина с дочерью Тамарой,
справа Полина Константиновна Припотнева. 8 мая 1963 года*

Родители редко ходили в церковь, поскольку на работе за это могли лишиться премии или объявить выговор. Но деток тайком крестили бабушки и тетушки, иконы во многих квартирах были спрятаны в сундуки в чулане или в другом укромном местечке. Иногда иконы доставали, особенно в минуты горя или скорби, протирали, рассматривали вместе с детьми. Побывав на кладбище и проходя мимо церкви, мы испытывали необъяснимую тягу, желание зайти. Иногда заглядывали в открытую дверь, и монахини в черном нас приглашали войти, но мы только стояли в дверях, хотя внутри церкви было очень красиво, богато и пахло каким-то чудом. Откуда-то сверху звучали песнопения – чистые, высокие ангельские голоса пели молитвы.

За нашим переулком через поле стояла белокаменная сторожка, в ней жила семья, с детьми которой мы дружили, играли вместе, ходили в школу. Одну из девочек, мою подружку, звали, как и меня, Люсей. Эта сторожка и была той знаменитой Часовней белорусцев, к которой сейчас водят экскурсии.

В Святки мы, дети, да и взрослые ходили колядовать. Наряжались богомольцами, нищими, выворачивали наизнанку дедовы и отцовы тулупы, надевали их, подпоясывались кушаками, перекидывали суму холщовую через плечо, румянили щеки, чернили брови. Так разношерстной толпой ходили по улице, по домам вплоть до улицы Ударников, а иногда и до Соборной горки. Заходили к знакомым и незнакомым, пели песни, попрошайничали, толкались, веселились. В некоторые дома беспрепятственно входили в коридоры, но в комнаты нас не пускали, выпроваживали на общую кухню и там угощали конфетами, куском пирога или чем могли.

Этот обычай долго сохраняли русские люди. Праздники Нового года, Рождества, Крещения генетически заложены в нашей памяти. Сейчас эти традиции снова возрождаются в русской православной культуре, и народ их поддерживает с большим удовольствием.

Очень хорошо помню, как мы, дети, да и взрослые, собирали макулатуру, кости, тряпки, и сдавали все это старьевщику, который каждый месяц приезжал на телеге с лошадьёю в наш переулочок. В обмен на этот хлам мы получали карандаши, тетрадки, надувные шарики, пластилин, мыло хозяйственное и прочую мелочь.

А еще в нашей небогатой рабоче-крестьянской семье иногда жили нищие, или блаженные, как их называли. Была такая тетя Шура, маленькая, щупленькая старушка, божий одуванчик! Она казалась прозрачной, прожилки светились на ее ласковых тонких ручонках, голосочек был тихий, как у ангелочка. Вся она была чистенькой, вкусно пахнущей, доброй старушкой. Она гостила в каждой семье, где ее принимали по неделе, помогала маме смотреть за нами. Фактически, была нянькой, так как детей в доме было много, отец работал, а у мамы копились неотложные дела. Пожив в семье неделю, старушка переходила в другую семью. Иногда женщины даже спорили, когда она приходила: у кого она будет жить первой.

Вот так божьи люди своей любовью и смирением учили нас состраданию и терпению, доброте и щедрости. А тетя Шура незаметно уходила из нашего переулочка, чаще весной. Отправлялась в странствие по деревням и весям, чтобы дальше нести чистый небесный свет своих глаз, ласковое слово и радость людям.

ВОЛОГДА НАШЕГО ДЕТСТВА

Мы, сестры Захаровы – погодки: Татьяна старшая, а я, Ольга, младшая. В Вологду мы переехали, когда Тане было шесть лет, а мне пять. Это произошло в январе 1961 года, когда родители получили квартиру в районе завода «Ремсельмаш».

Наш район был окраиной города, здесь было всего три улицы: Медуницинская, Трактористов и Сельская. Названия первых двух существуют и поныне, а улица Сельская стала улицей Михаила Казакова. Мы жили на Медуницинской, в доме № 17. В настоящее время этого дома нет, на его месте стоит панельная пятиэтажка, а наш дом был деревянный, двухэтажный, с печным отоплением, без водопровода (за водой ходили на колонку).

Переехав в город, мы пошли в детский сад № 42, который находился в квартале улиц Пушкинская и Лермонтова, за зданием бывшего телеграфа. Каждый день на автобусе кто-то из родителей привозил нас в садик. Маленький, уютный детский сад, заведовала которым Роза Марковна, а воспитателем в группе была Любовь Павловна. Нас водили гулять не только на территории садика, но и в Детский парк, к фонтану, в Кировский сквер, на набережную реки Вологды к Красному пешеходному мосту. Тогда мост был деревянный, и во время ледохода проводились взрывные работы, чтобы льдины не повредили опоры моста. Один раз мы такие работы наблюдали, а еще наблюдали работы по строительству моста 800-летия, когда его надежность испытывали прохождением танков.

Каждый день, возвращаясь из садика, мы проходили через площадь Революции и Каменный мост на улицу Мира, где пролегал маршрут нашего автобуса. Давайте снова пройдем этим маршрутом, по пути вспомним самое интересное, что осталось в моей памяти.

Итак, площадь Революции. Тогда здесь были кинотеатр имени Горького, музыкальная школа, замечательный фонтан, гостиница «Золотой якорь» и заканчивалось строительство Дома связи. На улице Каменный мост находился ювелирный магазин.

Магазин был длинный, узкий, с одним высоким дубовым прилавком, стена за которым была обита черным бархатом, а на ней были выставлены золотые украшения. Красота! И мы любовались этой красотой. Еще на правой стороне улицы находился магазин канцтоваров, а ступеньки вниз вели в маленький парфюмерный магазин, куда мы тоже любили заходить. Аромат духов и запах земляничного мыла я помню до сих пор.

Выходим на улицу Мира. Справа на повороте – фотоателье А. Н. Бама, а слева – знаменитая «Пирожковая», существующая и поныне. Перед нами

памятник Ленину и улица Мира. По правой стороне улицы Мира находился магазин «Учебные пособия», у прохода на рынок – магазин для новобранцев «Весна», куда мы тоже любили заходить, и здание швейной фабрики. Напротив, с левой стороны, большой продуктовый магазин «Ленинградский». Дальше через площадь – угловой кондитерский магазин и магазин «Детский мир» с арочными переходами из отдела в отдел. А с левой стороны был универсам «Светлана». В эти магазины мы тоже любили заходить.

На каждом углу площади продавали мороженое, оно было на любой вкус. Эскимо стоило 11 копеек, сливочное – 13, самое дорогое – «Ленинградское» – стоило 22 копейки. Рядом продавалась газировка по 4 копейки с сиропом из больших стеклянных конусов. А еще в центре был замечательный базар, по нашим детским размерам очень большой. Здесь в отдельных павильонах продавалось

Ольга с сестрой Татьяной в квартире на улице Медуницинской. 1963 год

*Ольга Захарова.
1963 год*

все что душе угодно: мясо, молочные продукты, овощи, фрукты, цветы. С лотков продавали пирожки на любой вкус – и жареные, и печеные, с самыми разными начинками по цене от 5 копеек. А еще продавали семечки – большой граненый стакан стоил 10 копеек, маленький – 5. Но самое любимое наше лакомство – это сладкая вата. Павильон, где ее делали, находился слева от входа со стороны проспекта Победы.

На Соборной горке была лодочная переправа к улице Мостовой (сегодня это улица Николая Рубцова). Переезд стоил 5 копеек. В лодку брали 5–6 человек, лодка давала осадку, и вода казалась совсем рядом с бортом. Конечно,

без родителей нас в лодку не пускали. В то время река Вологда была полноводнее. По ней курсировали колесные пароходы «Чернышевский», «Шевченко», «Добролюбов». Потом появился теплоход «Панкратов». В гости к родственникам в Тотьму на пароходе добирались целые сутки, на теплоходе часов 15. Не знаю, как взрослым, а нам эта поездка была в удовольствие.

Пройдемся по улице Мира до Винтеровского моста, соединяющего улицу Герцена и Октябрьскую над речкой Золотухой. Дальше, от улицы Октябрьской до вокзала, улица Мира была почти сплошь из деревянных домов. Дома были старые, еще купеческие, с кирпичным первым этажом, где раньше располагались лавки, и деревянным жилым вторым этажом, где проживало купеческое семейство. Да и вообще Вологда моего детства была деревянной. Все центральные улицы – Урицкого, Герцена, Ворошилова, Менжинского, Пушкинская, Клары Цеткин, Жданова, Советский проспект – были застроены деревянными домами.

Движемся дальше. Привокзальная площадь. Железнодорожный вокзал был такой же, как и сейчас, а вот автобусный вокзал

тогда был маленький, деревянный и находился на том же месте, что и сейчас. Возле вокзальной площади – Горбатый мост. Тогда он был небольшой, действительно как горбик. У кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы находилось Богородское кладбище. Оно все было заросшее кустами сирени, но между могилами были тропинки, прохаживаясь по которым, можно было рассматривать могильные плиты и кресты из мрамора и гранита с фамилиями похороненных – дворян, купцов, мещан. Наверное, поступили неправильно, разрушив это кладбище.

От Горбатого моста начиналось Пошехонское шоссе. Движемся по нему к моему родному району. Что тогда там было? Слева деревянное здание хирургического отделения железнодорожной больницы, жилые деревянные бараки, справа – какая-то автобаза и таксопарк, молокозавод и казармы какой-то войсковой части. Затем идут поля колхоза «Красное знамя», позднее совхоза «Пригородный». Это сейчас здесь построили микрорайоны Можайский, Бывалово, Тепличный, а в мое детство выращивали картошку, горох, овес.

И вот мы в моем родном районе завода «Ремсельмаш». В 60-е годы район был застроен деревянными бараками по соседству с частными домами деревни Медуничино. В нашем доме в четырех квартирах проживало восемь семей, нас, детишек, было десять человек – девять девочек и один мальчишка. Когда пошли в школу, к нашей дворовой компании присоединились еще три девочки, за что наш дом прозвали «бабье царство». Мы жили очень дружно. У дома был маленький двор и пруд. Места для игр нам хватало. Играли в разные подвижные игры – прятки, вышибалы, города, по стрелкам и запискам искали клад. Любили традиционные «классики», прыгали на скакалке, сделали плот и катались на нем по пруду. В ненастную погоду были дома, но без дела не сидели. Играли в настольные игры: чепуху, алфавит, фанты и прочее. И летом, и зимой много времени проводили на речке Содемке. Это сейчас она заросла кустами, деревьями, завалена хламом. А в нашем детстве завод на реке делал запруду, поэтому воды в реке было много, и она была чистая. Купальный сезон открывали 19 мая, даже если было не очень тепло. Почему именно 19 мая? Потому что 19 мая был день рождения пионерской организации, в этот день не учились, а ходили на парад.

А после парада – на реку, открывать купальный сезон. Зимой катались на лыжах, санках, коньках, на фанерках с ледяных горок. Одним словом – не скучали.

Любили гулять и в центре, в Детском парке. Родители давали нам по рублю, и на эти деньги мы могли «кутить» целый день. Катание на каруселях стоило 10–15 копеек, поход в кино в кинотеатр имени Горького в малый зал на детский сеанс – 10 копеек. Именно здесь мы посмотрели все фильмы-сказки Александра Роу: «Кощей Бессмертный», «Василиса Прекрасная», «Марья-искусница», «Морозко» и другие. Этот кинотеатр можно назвать кинотеатром нашего детства. Очень жаль, что его варварски разрушили.

На площади Революции в фонтане, конечно, не купались, но постоять под брызгами никому не запрещалось. Очень жаль, что фонтана тоже уже давно нет. На его месте стоит безликий, неинтересный памятник. Проголодавшись, покупали на базаре пирожки, семечки, мороженое, сладкую вату и газировку. И денег на все хватало. Вот такие были цены в наше детство.

Зимой в парке тоже было интересно. Кроме каруселей, был санный поезд, который ездил по периметру парка, были ледяные горки разной высоты, съезжали с них на протытых фанерках. Вдоль улицы Лермонтова стояла очень высокая горка, маленьких детей кататься на ней не пускали.

В учебное время занимались в кружках в Доме пионеров: акробатика, художественная гимнастика, танцевальный. В кружки записывались без родителей, и посещали их тоже самостоятельно. И родители за нас не волновались: такая спокойная была Вологда. Занятия в творческих кружках даром не проходили. Во-первых, обязательно выступали на детских новогодних праздниках в Доме пионеров, получая за выступления сладкие подарки, в которых были не только конфеты, но и яблоко, 2–3 мандарина и грецкие орехи. Таких подарков за каникулы получали 5–6 штук. Вот было радости! А во-вторых, устраивали концерты для соседей из своего дома и близлежащих домов. Обязательно всем раздавали персональные приглашения. Сценой была лестничная площадка. А мы пели, танцевали, читали стихи, показывали акробатические этюды и получали заслуженные аплодисменты!

Жители нашего дома жили дружно. На 9 Мая собирались за общим столом во дворе. Каждый приносил что может. В основном это была вареная картошка, соленые огурцы, грибы, капуста, винегрет. Наша мама пекла отменные пироги, готовила очень вкусную квашенную тушеную капусту и жареного гуся. Праздник проходил на славу, с гармошкой и песнями.

Да, хорошее было время. Мы, девчонки, дружим уже больше 60 лет. Окончили школу, институты, отгуляли друг у друга на свадьбах, вырастили детей. Сейчас растим внуков. Периодически встречаемся по поводу и без него, вспоминаем свое детство. Все-таки оно у нас было замечательное и счастливое!

Людмила Константиновна Зайцева

ВОЛОГДА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ

Я родилась в железнодорожном роддоме на Путейской улице, меня крестили в Рождественско-Богородицкой церкви у Горбатого моста, и дом, в котором жила наша семья, был железнодорожный. Наш Школьный переулок был крайней улицей города, дальше шли огороды, поле и большая деревня Бывалово. Все жилые дома в районе локомотивного депо и склада топлива были деревянные, с печным отоплением, четырех- или восьмиквартирные. И в каждой квартире глава семьи, а то и все родственники, работали на предприятиях и в учреждениях Вологодского отделения Северной железной дороги.

Такое «корпоративное» поселение семей железнодорожников накладывало отпечаток на семейный уклад: дети учились в железнодорожных школах, взрослые работали в смежных подразделениях, все друг друга знали. Нас с малых лет не пугали названия железнодорожных предприятий: НГЧ, ПЧ, ШЧ, ОРС или СУ. До сих пор сохранились профильные названия переулков: Топливный, Локомотивный, Паровозный, Станционный.

У железнодорожников все было «свое»: отделенческая больница, лучший Дворец (КОР), стадион «Локомотив». И внешне они

отличались от жителей Вологды форменной одеждой. Мой дед, почетный железнодорожник, даже будучи на пенсии, носил китель и шинель с петлицами, а на фуражке, на цигейковой шапке и даже на пуговицах были узнаваемые знаки – перекрещенные молоток и разводной ключ.

Мы отлично знали, что такое особый график работы машинистов паровозов (потом тепловозов) и их помощников, стрелочников, проводниц и путеукладчиков. В трех квартирах нашего подъезда жили машинисты. Они уходили в поездку в разное время суток. Телефонов тогда не было. И часто ночью вызывальщицы (и такая должность была) приходили в дом, стучали в двери (звонков не было), будили работников, сообщали об изменении времени поездки. Мужчины собирались и уходили в локомотивное депо. Просыпались от этой побудки во всех квартирах, но дело было обычное, так же, как постоянный стук колес и гудки локомотивов. Не слышала о какой-либо трудовой нерадивости или безалаберности – везде царил только добросовестный труд и ответственность, от них зависела жизнь людей. Помню машиниста Бориса Валяева, Героя Социалистического Труда. Он с семьей жил через два дома от нас, жил, как и все, а его дочь училась на класс старше меня.

Во дворах были качели, турники, обязательно клумбы с цветами (в почете были георгины и гладиолусы), самодельные столы со скамейками. Зимой дети со взрослыми делали снежные горки, заливали их до «стеклянной» поверхности. Катались на фанерках, а чтобы катиться дальше, натирали фанерку восковой свечкой.

Улица Завокзальная, потом получившая имя Можайского, была длинной и начиналась от деревянного хирургического отделения железнодорожной больницы, рядом с Горбатым мостом. Почти в конце этой улицы начали строить новый микрорайон, конечно, железнодорожный. Пятиэтажные хрущевки – предел мечты семей в те годы – росли очень быстро. Одновременно возводилась новая школа. Завокзальный район города преобразался на глазах.

Я начинала учиться в школе № 1 СЖД, а в шестом классе нас перевели в здание на Путьейской, 1 – там открылась школа № 30. Много лет в этом здании была школа № 9, в которой училась еще моя мама. Мы знали, что в годы Великой Отечественной войны

в здании школы находился эвакогоспиталь.

Тогда мало говорили о прошедшей войне, фронтовики хранили свои награды, но редко надевали их. Просто было не принято. Вот и у нас в сундуке, который стоял на кухне, долгое время хранилась мамина военная форма – китель и юбка, – а я сохраняю ее альбом с военными фотографиями, полевую сумку и офицерскую книжку. А в соседнем доме скромно жили мать и сестра погибшего танкиста, Героя Советского Союза Степана Ловенецкого, который, как и его отец, тоже был железнодорожником. Его именем теперь названа улица, расположенная недалеко от Паровозного переулка.

*Людмила Зайцева
в 7 классе. 1965 год*

В 9-м и 10-м классах я училась в новой школе № 29, каждое утро шла туда по длинной Завокзальной улице. Школа радовала всем: большим светлым зданием, хорошими учителями, самой организацией обучения. Директором был Николай Степанович Быков, бывший фронтовик. Его неизменным личным правилом было встречать учеников 1-й и 2-й смены. Он стоял в вестибюле, и каждый ученик ежедневно проходил мимо директора, здоровался, внутренне собирался и начинал учебный день. Шефствовала над школой, конечно, железная дорога.

Школа наша имела собственный ученический духовой оркестр (кажется, единственный в школах Вологды), и я до сих пор помню, как на майские и октябрьские демонстрации мы шли до парадных трибун под свою музыку и очень этим гордились.

В годы детства наши дома, школа, люди, железнодорожный район – все казалось самым-самым лучшим. А сейчас я понимаю, что это действительно было так.

ДВЕ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИСТОРИИ

Я родилась в 1952 году. Жили мы в Вологде на улице Текстильщиков в небольшом двухэтажном доме. Занимали две комнаты в трехкомнатной квартире, рядом жили соседи. Всего нас было 11 человек. Кухонная плита, которая топилась дровами, занимала большой угол. На плите стояли керосинка и керогаз, где готовили еду. Холодная вода в доме была. По выходным устраивали банные дни по очереди с соседями. Растопляли печь, ставили ведра с водой, приносили большое корыто, мама наливала воды, так и мылись. Все это происходило на кухне. Баню в нашем районе построили в 1956 году, мыться стали ходить уже туда. Потом, в 60-е годы, плиту на кухне убрали и поставили газовую плиту с баллоном. Так и жили. Ходили в садик, учились в школе, занимались спортом. Все кружки и секции были бесплатные.

В 1958 году мне исполнилось 5 лет. Помню: на дворе раннее хмурое утро, вставать не хотелось, но мама меня будит и зовет пить чай. «Собирайтесь, идем в церковь!». Папа шумит: «Сына крестить не дам!». Он мечется по квартире, в ярости кричит, что его уволят с работы! Он работал в 7-й школе поселка Лынокомбината учителем черчения и рисования. Но мама его не слушает, потихоньку собирается, только и сказала, что девочки болеют, их надо окрестить.

Пошли с мамой, с бабушкой Евстольей, с маленькой сестренкой, ей один годик. Смутно помню, как добирались до места, а идти далеко – аж до Горбатого моста. Кафедральный собор весь утопал в зелени. Служба шла долго, в это время мы сидели на скамеечке, в глубине сада, прятались – не дай бог, кто увидит.

Помню только, как крестил меня батюшка, и мама шептала молитву. Как шли домой – не помню. Вечером сидели все умиротворенные, такое затишье после бури. На шее у меня висел оловянный крестик на простенькой веревочке. Отец даже пробовал шутить, вспоминал, как его крестили в церкви деревни Зеленчиха Харовского района...

Запомнилась еще одна история, которая приключилась со мной в начале 60-х. В магазинах не было хлеба, вернее, черный был,

*Наталья
с мужем
Виктором.
Площадь
Революции.
1973 год*

а батонov не было. Как-то пришла наша соседка домой и говорит: «Батонv в «двадцатке» выкинули!» («двадцаткой» все называли магазин на втором участке, на улице Беляева, 20). Я со всех ног побежала туда, прибежала, народу полный магазин, заняла очередь, пошла к кассе, пробила чек. Стою 15 минут, двадцать, тридцать, вдруг кричат: «Батонv кончаются!», а до меня осталось человек десять. Вдруг опять тот же голос: «Батонv закончились!». Все, надо идти сдавать чек, а так хочется свеженького пахучего батона! Вдруг почему-то возникла мысль: пойти с этим чеком на третий участок, в магазин-деревяшку. Пришла – народу никого, батонov тоже. С невинным лицом подаю продавцу чек, она смотрит на чек и восклицает: «Чек-то из двадцатки!». Чуть помешкав, оглянувшись по сторонам, наклонилась под прилавок, достает батон и подает мне. Чек мелко изорвала. Я прошептала: «Спасибо», – и домой. Домашним ничего не сказала, от мамы бы хорошо попало.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

1950-е годы. Коммунальная кухня в деревянной двухэтажке. На чадающих примусах и керосинках жарятся бычки (не окурки, а рыба). На хозяйку, готовящую новинку торговли – камбалу, смотрели косо: считалось, что у этой рыбы неприятный запах.

Всегда наготове были керосиновые лампы, так как электрические часто отключали, причем в самое неподходящее время. Привычным на улицах был гужевой транспорт. На лошадях развозили посылки с почтового отделения. На лошадях в растворенные ворота нашего двора на улице Первомайской заезжали ассенизаторы. Пока они орудовали черпаками, ребятя кормила лошадей травой, ковром устилавшей двор. По вечерам небольшое стадо коров шагало по улице и лениво разбрелось по домам.

Тишину изредка нарушали клаксоны автомобилей да басыстые гудки пароходов, доносившиеся с пристани, и более высокие гудки – паровозные. Больше шума было от мальчишек, гонявших на самокатах нехитрой конструкции из двух подшипников и нескольких дощечек.

В школах еще учили чистописанию. Об авто- и шариковых ручках школяры не имели понятия и обмакивали в чернильницы-непроливайки обычные деревянные ручки со стальными перьями. Ушли в прошлое промокашки, пресс-папье, костяные ножи для разрезания книг и еще уйма вещей, бывших когда-то в ходу.

Сады и парки города предлагали разнообразные развлечения. В саду ДКЖ с еще не засыпанным прудом показывали бесплатное кино, работали комната смеха и силомер. Сила измерялась высотой подъема планки, подскакивающей от удара молота по «наковальне».

В Детском парке крутились «гигантские шаги». Зимой до упаду или до дырок в пальто можно было кататься с огромной, залитой льдом деревянной горы. Можно было прокатиться вокруг парка на санном поезде, который тянул мотоцикл.

В автобусах с тремя разноцветными огоньками над кабиной восседали на приподнятом боковом сиденье в задней

части салона кондукторы, дергая за шнур-сигнал на остановках, чтобы водитель закрывал двери. Цена билета зависела от расстояния.

Движение автобусов иногда затруднялось похоронными процессиями с оркестром или без него. Со светофорами вологжане еще не познакомились, как и с телефонами-автоматами. В уличных телефонах наборный диск отсутствовал, так как с нужным абонентом соединяла телефонистка.

На старом базаре, располагавшемся на нынешней Торговой площади, торговли зимой бойко доставали из термосов добрый десяток видов пирожков ценой от пяти до двенадцати копеек. В витрине магазина «Культтовары» на Каменном мосту игрушечный медведь крутил карусель, а в другом магазине неподалеку скалил пасть медведь, на вид настоящий, но набитый опилками. В городе появились первые автоматы. Особенно забавным был автопульверизатор в магазине «Люкс» на Мира, за опущенную монетку в 15 копеек фыркающий на вас струей одеколona.

Город казался большим из-за многочисленных плотно прижатых друг к другу деревянных домов. Первые пятиэтажки появились только в конце 50-х. Основные городские ориентиры проглядывались отовсюду. Из окна дома на Первомайской видна была кремлевская колокольня, но гораздо интереснее было, стоя на «решетке» колокольни, отыскать свой дом среди разномастных крыш.

У Николо-Глинковской церкви еще стояла деревянная мельница, не был засыпан пруд и на стадионе «Динамо».

Казалось, что в городе все друг друга знают. Когда шли с бабушкой до центра или «в город», как тогда говорили, обязательно встречалось несколько знакомых. А народ был честнее. У входа на вокзальный перрон, куда пускали по посадочным талонам, можно было без опаски оставить санки-салазки.

Саша Сазонов. 1950-е годы

На самом деле и тогда жизнь не была такой уж размеренной и устоявшейся, но некоторая идеализация в детских воспоминаниях, думаю, простительна.

1997 год

Владилена Николаевна Бриш

УЛИЦЫ ДЕТСТВА 40–50-х ГОДОВ

Выросла я на улице Пятышевской. Это начало улицы Крестьянской, которой крупно не повезло: ее четырежды переименовывали: Троицкая – Крестьянская – Парковая – Бурмагиных. Наш дом стоял как раз напротив церкви Герасима Преподобного, которую разобрали в 1948 году.

Об улице Пятышевской существует легенда, причем довольно поучительная. Жил когда-то купец Пятышев, был он прижимистый, а может, просто недолюбливал попрошаек. Когда монахи попросили его пожертвовать деньги на обновление храма, он им отказал. Монахи говорили ему, что от жадности он может разориться, лишиться ума, и дети его также могут пострадать. Так оно и получилось. Его дом опустел. Лихие люди унесли из него все, что могли. Оставшиеся оконные рамы и двери скрипели и хлопали от ветра. Все боялись ходить мимо, считая, что в пятышевском доме «глумится». Вот такая легенда существовала. Нас, детей, она чуть-чуть пугала, но все равно из школы вечером возвращаться надо. В наши времена не принято было встречать детей из школы.

Недавно мне пришла в голову мысль – пройтись по старому маршруту от дома до школы, затем до центра, посмотреть внимательнее, сравнить с детским восприятием. Вот об этом я и хочу рассказать.

Итак, улица Бурмагиных начинается от бывшей второй пожарной части и идет по берегу реки мимо памятника 800-летия Вологды, мимо бывшего военного городка, мимо водоразборной колонки, которую мы называли «бассейкой». Затем пересекает Хрулёв

ручей, оставляет справа церковь Гавриила Архангела, где долгое время помещалась весоремонтная мастерская, и упирается в ворота Горбачёвского кладбища. Кстати, ворота сохранились до сих пор. Действующая церковь на кладбище поддерживает их в приличном состоянии, а наши студенты-архитекторы изображают ворота в своих курсовых работах.

Так вот, по этому пути – от кладбища и до начала улицы, а затем мимо сада ВРЗ, через стадион «Трудовиков» («Трудовых резервов») – я ходила десять лет в школу. Сейчас улица стала застраиваться – в квартале около памятника 800-летия Вологды и

дальше кое-где. Это историческое место основания города. Я помню, как закладывали камень, на котором написано: «Здесь будет установлен памятник в честь 800-летия города».

Раньше на берегу в деревянном доме размещался продовольственный магазин – «Галкинская лавка», как его называли жители этого района. Мы ходили в магазин за хлебом. Помню, как мы, дети Парковой улицы, стояли в очереди за сахарным песком в день отмены карточек, это было в декабре 1947 года. Родители дали нам неотоваренные карточки, а еще мы вытащили из своих копилочек мелочь, у кого сколько было. И на это мы получили примерно по 400 граммов песку. Было такое счастье и ощущение праздника, что свободно купили! Сами купили! И что дальше будет лучше!

В начале Парковой была еще одна достопримечательность – пожарная каланча. Мой дед рассказывал, что раньше, еще до революции, когда он был маленьким, на каланче вывешивали зимой шары – голубые и красные, по которым жители ориентировались, сколько градусов мороза на улице. Если один голубой – значит, тепло, выше –10 градусов, если два голубых, значит, от –10 до –20, а если красный – значит, ниже –20, и детям можно не ходить в школу.

Владилена с любимой собакой

Дальше мой путь проходил по улице Ленинградской до проспекта Победы – тогда улица Папанинцев. На углу этих улиц стояла моя начальная школа № 14 – деревянное двухэтажное здание, его уже нет. Напротив, в старинном особняке, была другая начальная школа, № 30. Дом существует и сейчас, на нем табличка, что это памятник архитектуры.

Сад ВРЗ на этом же перекрестке мы любили за то, что наверху на насыпной горке была беседка, а зимой на прудах – каток. Играла музыка, висели цветные фонарики. Под мостиком можно было прокатиться на коньках из одного пруда в другой.

Около сада ВРЗ – бульвар. Раньше здесь стояли скамейки, продавали морс, мороженое. У меня еще одно воспоминание детства связано с этим бульваром. Летом 45-го или 46-го года мы с бабушкой вечерами ходили сюда и продавали цветы: сирень, левкой, розы. На площадке в саду были танцы под оркестр. Молодые демобилизованные из армии ребята покупали и дарили своим девушкам эти цветы. Ну, а у нас с бабушкой был небольшой заработок.

С пятого по десятый класс я училась в школе № 10, которая располагалась рядом, на улице Клары Цеткин – сейчас Благовещенская – напротив знаменитого клуба ВРЗ. Это компактное двухэтажное здание метко называли «коробочка». Сейчас на этом месте поликлиника.

Был у нас пришкольный участок, где мы под руководством замечательной учительницы ботаники Марии Александровны Михалевой выращивали виноград, арбузы, тыквы, кукурузу, яблоки, цветы, злаковые растения. Позднее, в старших классах, я всерьез увлеклась биологией. С Марией Александровной наше звено вырастило новый сорт пшеницы, и мы стали участниками ВСХВ – Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Позже она стала называться ВДНХ. Храню золотую медаль этой выставки – моя первая и самая любимая награда.

Как и многие старожилы, я четко разделяю Вологду на старый и новый город. Старый – это исторически сложившаяся центральная часть города: Каменный мост, Александровский сад, где находится мемориал «Вечный огонь», Ленинский парк с памятником, гостиница «Золотой якорь», здание детской музыкальной школы, отрезок улицы Мира от реки до улицы Октябрьской, улицы Батюшкова, Мальцева, старый и новый продовольственные рынки

и их окружение. Софийский собор на горке, церковь Александра Невского и церковь Покрова на Торгу. Все это наша история.

Часто я бываю в этом районе и могу рассказать много интересного из дореволюционной истории – по воспоминаниям моих дедушки и бабушки. Кое-что из послевоенного времени помню и я сама. Например, на улице Ленина, там, где раньше был магазин «Вологодское масло», после войны открыли первый в Вологде гастроном – коммерческий магазин с умопомрачительными ценами и таким богатым ассортиментом продуктов, что вологжане ходили туда, как на выставку или в музей. На стенах магазина висели, с точки зрения ребенка, чудесные картины – большие копии оберток шоколадок: «Лиса и журавль», «Иван-царевич и Серый Волк», «Колобок и лиса», «Ворона и лисица». У всех зверюшек светились глаза-лампочки и краски были сочные, яркие.

Сейчас можно заметить, как после ремонта похорошел магазин «Ленинградский». Хорошо выглядят отреставрированные здания от «Рикторга» до угла ЦУМа. Преобразился и сам центральный универмаг, появилось несколько сотен метров хороших тротуаров, выложенных плиткой.

Завершая свои воспоминания, хочу предложить, как сделать, чтобы наша Вологда оставалась уютным, как в старину, городом. В первую очередь – чистота и благоустройство. Любая квартира запоминается, если в ней чисто и комфортно. Город – это тоже квартира: коммунальная. О его красоте говорят не только оригинальные здания нового дизайна, но и отреставрированные старые дома. Побольше бы цветов, клумб в местах для отдыха, на бульварах и в парках. Можно создать пешеходную зону в центре, издать недорогой путеводитель по Вологде с короткими историческими справками об улицах.

Я, как доцент Вологодского государственного университета, предлагаю проводить конкурсы для молодежи и школьников на тему: «Знаете ли вы наш город?». Хорошо бы создать хороший видеофильм «Путешествие по улицам Вологды». Думаю, что выпускники университета, особенно будущие архитекторы и дизайнеры, займутся благоустройством города и воплотят немало интересных идей.

2006 год

ВОЛОГДА – ГОРОД ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Я более 50 лет работала врачом-анестезиологом – сначала в онкодиспансере, потом в областной больнице на Пошехонке. Вологжанкой себя считаю с 1967 года, когда, отработав четыре года в районе, стала жить и работать в Вологде.

Мне нравится наш город! Вологжане – трудолюбивые, предпримчивые, отзывчивые и добрые люди. За годы жизни у меня появилось много замечательных знакомых, друзей.

В городе много культурных мест, в которых можно отдохнуть душой, получить эстетическое удовольствие.

Я всегда с удовольствием посещала областную библиотеку, в ней находила необходимую для своей работы специальную литературу. Всегда приятно было общаться с грамотными и квалифицированными сотрудниками библиотеки.

В те далекие годы творили Василий Белов, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Виктор Коротаяев, Ольга Фокина и другие талантливые писатели и поэты. Мы, тогда молодые девушки, любили ходить на встречи с ними, хотя эти мероприятия проходили не так часто, как хотелось бы. В трудные 90-е годы я была на встрече с Василием Беловым и подошла к нему с его книгой за автографом. Глаза у него были грустные и напряженные. Книгу я планировала подарить родственнику в Москве. Белов спросил: «А это сейчас актуально?». Подписал мне книгу, и глаза его сразу потеплели.

Сколько было в городе кинотеатров? «Салют», «Спутник», «Родина», «Октябрь», кинотеатр имени Горького, размещенный в Спасо-Всеградском соборе, снесенном в 1972 году. Я помню, как мы стояли в очередь за билетами и покупали их за 2–3 дня до сеанса. Позднее открылся «Ленком».

Всегда радовал своими постановками драматический театр. Любой выход в театр был для нас праздником, долго готовились, наряжались, прихорашивались. Заядлые театралы прекрасно помнят игру великолепных актеров: М. Щуко, В. Сафонова, А. Семенова. В 1974 году появилось новое здание драмтеатра, и сразу открылся ТЮЗ.

На концерты наших звезд мы всегда ходили в Клуб железнодорожников, которым долгие годы управлял Цыпкус.

А на улице Ленина, правее аптеки и Сбербанка, располагалась в 70-х годах диетическая столовая*. Это было светлое, теплое помещение, там очень вкусно и недорого готовили. А еще мы любили посещать блинную, которая была напротив кинотеатра «Салют». На весь квартал распространялся невероятно заманчивый аромат свежеспеченных блинов.

Замечательное было время, удивительное во многом!

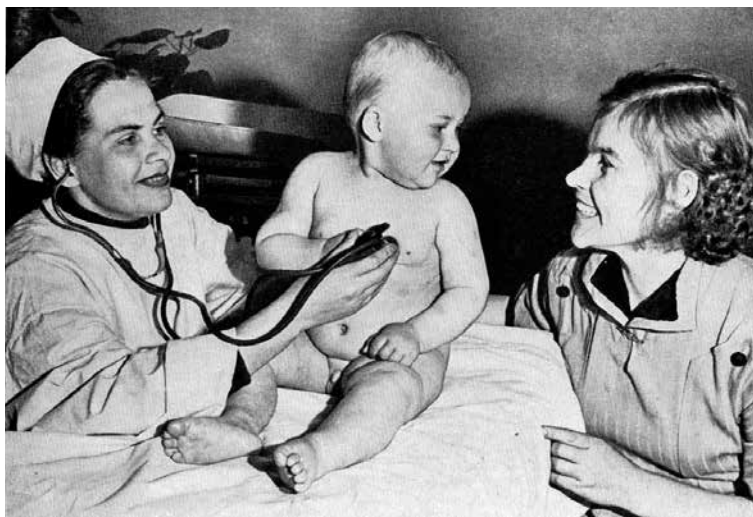
Сейчас я живу в районе Вологды, где большая часть жителей – работники железной дороги. В этом районе на улице Можайского в доме № 42 был прекрасный книжный магазин. А в доме № 60 – столовая, в которой всегда весело и вкусно можно было отметить любое торжество. А теперь в этом помещении наша районная библиотека. В ней хороший выбор книг, организован обменный фонд. Периодически поступают новинки литературы, организуются встречи с писателями, детские утренники.

Николай Николаевич Храпов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В моей семье хранится фотоальбом «Вологда», выпущенный в 1961 году вологодским книжным издательством. Но история моя началась двумя годами раньше. Моя мама привела, а точнее принесла, меня на прием в Железнодорожную поликлинику к врачу-педиатру Ларисе Александровне Зябревой (Петровой). Я не знаю, кто нас фотографировал, но через некоторое время снимок был опубликован в газете «Красный Север», а когда вышел альбом «Вологда», появился на его страницах. Под снимком написано: «На приеме в детской поликлинике. – Здоровым и крепким растет Ваш малыш, – говорит врач Л. А. Зябрева токарю ВПВРЗ Нине Николаевне Храповой».

* Диетстоловая называлась «Чебурашка» (прим. ред.).

На приеме в детской поликлинике. 1959 год

В нашей семье всегда с теплотой и уважением вспоминали Ларису Александровну. Она была замечательным человеком и доктором. Даже случайно встретив нас на улице, всегда поинтересуется: «Как дела, как здоровье?». Но это еще не конец моей истории.

В 2012 году я зашел во «ВКонтакте» в группу «Старая Вологда» и увидел в ней мой выложенный альбом. Под своей фотографией оставил комментарий: «Я и моя мама». Периодически я захожу на сайт «Старая Вологда», просматриваю альбомы, открываю и свою фотографию. В 2019 году, открыв свою страницу, я не поверил своим глазам! Под моим комментарием стоит новый: «А прием ведет моя мама». Оказывается, дочь Ларисы Александровны, Татьяна Петрова, живет в Санкт-Петербурге. Мы пообщались в интернете. Я узнал, что Лариса Александровна ушла из жизни в 2016 году. Светлая память замечательному доктору и человеку!

Но и это еще не конец этой удивительной истории. Как-то моя супруга Елена пришла на консультацию в Вологодскую поликлинику № 1 (бывшую Железнодорожную). Рассматривая на стенде фотографии по истории медучреждения, она приятно удивилась, увидев ту самую, из нашего альбома.

ЗАРЕЧЬЕ – МИР НАШЕГО ДЕТСТВА

На днях вологжанка Марина Беляева сказала мне: «Если б сейчас отвезти меня в Заречье и бросить там, ни за что не поняла бы, где я, и заблудилась бы». 54-летняя Марина родилась и выросла на улице Багровской (ныне – улица Варенцовой), ее маленького родного домика давно нет. Как нет и того старого травяного и цветочного Заречья, каким мы его запомнили. Где казалось, что жизнь – солнечная череда дней, которые не кончатся никогда.

Верно, Заречье сегодня – вовсе не то, которое помнится нам с 60-х – 70-х годов XX века. Но и в наши дни этот загадочный, интересный и душевный микрорайон города манит и манит к себе. В годы моего детства и молодости патриархальные улочки исторического Заречья утопали в зелени. Березы, тополя, клены, дубы, вязы, обилие черемух и кустов сирени делали наше Заречье почти деревенькой в географическом центре города. Хотя оазисом оно не было – Вологда всегда была и есть невероятно зеленый город.

Заречное детство запомнилось мне запахами дыма от печных труб и чистым снегом зимой, где дворники вручную разгребали снег лопатами, а улочка Гоголя сужалась после сильных снегопадов, с обеих сторон была засыпана сугробами. Она пахла весенними сырыми тополями, оглашалась криками вездесущих ворон и грачей. Заборчики, палисадники с калитками, заросшие лопухами, с синими брызгами лесной герани и еще какими-то невероятными красными цветами-дудками, залитые солнцем придорожные канавы. Канавы эти были необходимы после ливней. По мощенным булыжниками улицам бродили куры, коровы, свиньи.

Старое Заречье – это улочки Горького, Мостовая, Заливная, Некрасова, Чернышевского, Комсомольская, Добролюбова, Энгельса, Гоголя, набережная VI Армии, переулки Гоголя, Топольевый и Кривой. Кирпичная четырехэтажка номер 13 на улице Гоголя появилась в конце лета 1962 года, и для нас, детей тех

лет, наш двор стал самым первым нашим миром и даже нашей вселенной. Замкнутое пространство его было невероятно уютно, притягательно, оно манило нас как магнит днем и даже ночью. Здесь прошли все наши игры, зарождались первые чувства, настигали первые потери.

Улица из Калашной стала улицей Гоголя в 1952 году, хотя писатель, наверное, и не слышал о Вологде. На одном из домов еще долго потом красовалась табличка: «Улица Калашная». Тогда почти окраинная, застроенная преимущественно одноэтажными домиками без водопроводов и центрального отопления, прежняя Калашная казалась деревенской. В поднимающейся из послевоенных руин стране остро нужно было жилье, а рабочих рук не хватало. Кому строить?

В 1955 году возник новый метод строительства жилья – «нарядным» способом, с использованием труда будущих жильцов. Директор механического завода (потом его переименовали в «Ремсельмаш») Василий Маркелов жил на улице Гоголя. Тут и выбрали место под будущий дом для рабочих вместе с прорабом Фёдором Мельниковым. С января 1960-го по февраль 1963 года мой отец Рафаил Пафнутьевич Орехов был директором механического завода, и дом наш строили под его руководством.

Старожил дома Наталия Паканич вспоминает: «В те годы у местных в ходу была легенда о двух монастырских старушках, которые якобы прежде жили на этом месте, и даже чуть ли не охраняли местное кладбище, на котором будто бы и возвели дом». Но сказки сказками, а работа закипела! Ни кладбища, ни руин дома «старушек» увлеченные стройкой не нашли, зато после работы и в выходные дни около сотни будущих жильцов отработали на новостройке по 700 часов.

– Мы все хотели поскорее заехать в свое жилье, – говорит 85-летний Алексей Сухарев. – Сами носили кирпичи, привозили и готовили в бетономешалке раствор, вывозили мусор. И в августе 1962 года отпраздновали новоселье. А как дружно жили! Одной семьей!

– Дом мой был просто замечательный! – припомнила другая жительница дома номер 13, Елена Шумова. – Уж почти 40 лет не живу там, но иногда так хочется вернуться туда, в то время! Во дворе было мило: дымила кочегарка, для нее во дворе насы-

пали гору черного каменного угля. Мы иногда находили на черных камешках отпечатки древних ящериц, растений. До сих пор стоит палисад – витой, чугунный. Его варил мастер-кузнец завода дядя Леня Трубкин из 13-й квартиры, как и большие ворота с двух сторон двора, и ограждения балконов – все в одном стиле. Дочь кузнеца Марина до сих пор живет там с семьей. В шаговой доступности работали лодочная станция, магазины, каток, турбаза, пляж. В начале улицы Гоголя, у реки, дымили трубы мебельной фабрики «Прогресс» в здании бывшего холодного храма Георгия Победоносца на Наволоке. Недалеко стояли кафе «Пингвин», кинотеатр «Родина», школы и детские садики, детский клуб «Орленок», рабочая столовая на улице Чернышевского, аптека, почта, парикмахерская и даже воинская часть и гарнизонная прокуратура! Мы играли в нашем дворе в прятки, «На столе и под столом», в вышибалы, в садовника и в «Собачку», в «12 палочек», «Колечко», резинки, города.

В те годы на улице Гоголя кипела жизнь. Через дорогу от дома до набережной VI Армии раскинулся Заречный парк с городским Домом культуры, аттракционами, клумбами, танцплощадкой. В Доме культуры работали секции танцев, рисования, моделирования, клуб интернациональной дружбы, библиотека, проходили выборы и танцы. Летними вечерами в парке гремела музыка, веселилась молодежь, спортсмены играли на площадках в волейбол, футбол, катались на летних лыжах-роликах. А днем в парке гуляли мамы с колясками, тренировались спортсмены из «Спартака». Прудики, трогательные скульптуры советского времени, киоски с мороженым, – все это тогда сопровождало нашу жизнь.

Жители окрестных домов восхищались нашими квартирами: им было немного завидно, что и вода, и тепло, и даже телефоны у нас были. Пожары нам были не страшны!

В первой квартире жила педагог педучилища Маргарита Пирожкова с детьми-близнецами – Владимиром и Мариной. Владимир до сих пор живет там же, как и представитель уже поколения внуков – Александр Логинов.

Галина Константиновна Кочина, которая много лет прожила здесь, вспоминала:

– Мы с мужем и шестимесячной дочерью Ольгой приехали в наш дом осенью 1962 года. Перед тем, как захватить, самими

*С папой Рафаилом Пафнутьевичем
и братом Михаилом
на набережной VI Армии после
демонстрации. 7 ноября 1968 года*

первыми ночевали в доме сразу после того, как покрасили полы, – так боялись, что кто-то займет наши квартиры. Очень хотелось поскорее стать новоселами!

Растили детей, вместе встречали праздники и ходили на майские и ноябрьские демонстрации. К сожалению, Галина Кочина недавно ушла в иной мир, а за четыре года до этого умерла и ее дочь Ольга. А какой Оля была заводилой! Отличница, яркая и энергичная, она каждый день придумывала разные полезные забавы. «Я за вас возьмусь!» – каждую весну обещала она нам, ровесникам и младшим ребятам. И ведь бралась, и еще как! То мы под ее руководством

строили шалаш из веток в палисаднике, тащили туда еду и играли в дом. То организовывала домовую кросс, то заставляла нас поздравлять жильцов каждой квартиры с Новым годом!

Были лыжные походы в парк Мира, купание летом на реке Вологде. Гурьбой ходили собирать желуди к огромному раскидистому дубу на Мостовой (ныне улица Рубцова) во дворе детской спортивной школы «Спартак». Помогали старушкам на манер тимуровцев складывать дрова во дворе (поначалу в нашем доме было отопление от металлических титанов).

Так и росли мы. Мама Иры Лыткиной из 28-й квартиры работала директором 27-й школы, папа Лены Петровой из 12-й – простой рабочий, а как умел варить варенье, печь пироги, рисовал и даже шил дочке платья! Оля Белова, Марина Трубкина, Женя

Коренников, Гоша Молчанов, Миша Орехов, Сергей и Саша Собенины, Оля и Наташа Бушуевы, Таня и Саша Блохины, Лена и Витя Шумовы, Лена Поливанова, Ира и Люда Лапины, Оля Лыткина, Наташа Маркелова... Еще здесь жили Шамараковы, Афоничевы, Максимовы, Цивилевы, Бугримовы, Вердысевы, Козловы. Много лет прошло, люди разъехались. Но все равно в душе мы все – родом из нашего 13-го!

В сентябре 2012 года жители провели встречу, назвав ее «Счастливая ностальгия», отпраздновали 50-летний юбилей «родного гнезда». Мероприятие вылилось в праздник для всей улицы. С утра до вечера гремела музыка, играл баянист, царило застольное веселье – встретились люди, не видевшие друг друга по 30–40 лет. Силами УК во дворе сделали ремонт, подсыпали песочницу, возвели новую детскую площадку. Как и положено, кроме хозяев, пришли и гости. К празднику вышла специальная газета, все жильцы получили в подарок именные кружки, дипломы, подарки, медали.

На осень 2022 года жильцы запланировали провести новый юбилей – 60-летие, и обратились за помощью к горожанам и к городским властям. И получили теплый отклик на идею доброго праздника. Мэр Вологды Сергей Воропанов отреагировал молниеносно, и все закрутилось: заседание рабочей группы будущего мероприятия, передача на радио, работа в соцсетях. К нам хотят попасть и творческие коллективы, и работники других сфер, и рядовые вологжане.

Приведу только слова вологжанина Егора Семигорского, которые он написал в соцсети под материалом о будущем празднике:

– Все проходит. Хорошо, что еще осталось то ускользающее, что делало нас людьми, что делало нас детьми. Искренне рад за людей, пусть их праздник пройдет как надо!

...Мы выросли. Я с 1990 года стала членом Союза журналистов России. Живу и работаю в Вологде.

То время и та жизнь сейчас мне кажутся нереальными, а была ли она?.. Тот мир растаял, словно дым от трубы нашей дворовой кочегарки. Его нет. Как почти уже нет тех людей, нет наших родителей и уже многих друзей по нашим дворовым играм...

Есть только память.

ПОВЕСТЬ О ВОЛОГДЕ

Вячеслав Сергеевич Белков – писатель, критик, литературовед, краевед. Здесь помещены фрагменты из его книги «Повесть о Вологде» (1991 г.).

... Мне очень приятно сказать: «Я родился в Вологде». Говоря это, всякий раз испытываю гордость, не всегда, может, и уместную. Дело ведь не в том, где ты родился, а в том, чем пригодился. Но трудно с собой совладать – горжусь и все тут. <...>

Родился я на улице Менжинского, в 52-м году, в деревянном домике с мезонином. А если точнее – в роддоме, который располагался тогда в бывшем здании губернской гимназии. Теперь это политехнический институт, а еще до роддома там был госпиталь. А еще давным-давно в этом здании был театр и приказ общественного призрения. Многие мои сверстники-вологжане впервые подали голос именно в этих исторических стенах.

Первое воспоминание – качели во дворе и поленища дров, стеклянная люстра в комнате. Когда мне было три года, семья переехала в большой южный город. Это все было необычно для ребенка, и поэтому запомнилось. На юге наш город называли с ударением на последнем слове – Вологда, а меня еще и дразнили этим словом. Было обидно и грустно.

Вернулись в Вологду через несколько лет. Теперь я уверен, что вернулись от сильной тоски по родине. Все ведь предки мои от прапрадедов и до родителей вышли из деревень Вологодского уезда. <...>

Дед Иван сидит на венском стуле, нога на ногу, в катаниках и шапке, еще без бороды, из кармана простецкого пиджака свешивается цепочка, наверное, часы. Сзади какие-то рисованные цветы, вычурные зеркала и туманный пейзаж. Бабушка Полинарья (какая бабушка! им обоим на этом снимке по 25 лет) в более чем скромной одежке стоит, опираясь на мужнино плечо, и смотрит задумчиво, чуть в сторону. Здесь, кажется, я очень похож на нее. <...>

Я долго смотрю на фото, в глаза деда и бабушки, пытаюсь что-то понять или услышать. Но они молчат. Деда я вообще не застал в живых, а бабушка умерла, когда мне было два года.

Молчат пока и эти старые улицы, площади, куда унеслось мое воображение. Екатерининская улица, которая вместе с Большой Петровкой составила потом улицу Менжинского. Малая Петровка, ставшая Пушкинской. Сенная площадь, переименованная в площадь Революции. Новые названия не всегда хорошо приживаются. Например, Октябрьский мост. Мало кто из вологжан знает это название и пользуется им...

Нет, лучше буду вспоминать свое, личное. Своя рубашка, говорят, всегда ближе к телу. Итак, мы идем по ночной зимней Вологде в новую квартиру, полученную тройным междугородным обменом. Говоря высоким слогом, возвращаемся на родную землю. Мне восемь лет, и все кажется страшным: темень на улице Герцена, глухие заборы, приземистые деревянные домишки, сугробы, бывшая тюрьма, домик Сталина невдалеке... Напомню великодушному читателю, что сейчас это центр города, как раз на этом месте воздвигнут в 1987 году небывалый небоскреб.

Дальше появилась из мрака белая толстенная стена Духова монастыря, но я еще не знаю, что мимо нее буду каждый день ходить в школу и обратно. Метельная ночь запоминается как первая встреча с городом.

В восьмую школу ходили мы по Герцена и Пушкинской (мимо керосинки и каменного дома, в котором жили художники Бурмагины и бывал Рубцов), затем по старому, еще деревянному, пешеходному мостику через Золотуху. <...>

Итак, наш юный горожанин снова в Вологде... Когда я выползал на животе весь двор, знакомство с новым местом было в основном закончено. Меня, никогда до того не выдавшего толком церковей, поразило это большое и странное сооружение – церковь Екатерины на углу Герцена и Менжинского. Церковь, считай, в нашем дворе стояла. <...>

Раньше улицы часто называли по церквям. Так появилась и Екатерининская улица, и, наверное, другие – Никольская (Добролюбова), Фроловская (Жданова)... На месте церкви Екатерины построили жилой дом, но долго еще ближний хлебный магазин, запомнившийся мне ночными очередями начала 60-х годов,

называли Екатериной. Или так говорили: «Сходи к Екатерине за хлебом». Потом в этом доме был пункт приема старых телевизоров. <...> На месте монастырской стены – магазин «Океан», футболисты стадиона «Динамо» бегают по бывшему кладбищу. <...>

Преподобный Галактион был сыном знаменитого боярина Ивана Фёдоровича Вельского из литовского рода Ольгерда. В 1542 году боярин был сослан на Белоозеро и там убит. <...> В это время сыну его минуло семь лет, а достигнув зрелости, он «тайно ушел в Вологду», и здесь на посаде у речки Содемки построил себе келью, «и наложил на себя тяжкий подвиг затворничества в оковах. Он приковал себя к стене цепью... Ему свыше открыто было о наступавших для Вологды в 1612 году бедствиях». Галактион, по преданию, предупредил горожан о нашествии ляхов и литвы, «но один из именитых граждан Нечай Щелкунов» лишь посмеялся над этим.

Пророчество Галактиона сбылось. Захватчики разграбили город, не пощадили они и старца Галактиона – от истязаний он умер (И. Степановский. Вологодская старина, 1890 г.). <...>

Вспоминая детство, почему-то всегда представляю жаркий летний день, прямо не Вологда, а тропики какие-то. Зной, кажется, ломит уже кости, мы долго идем по обжигающему, мягкому, как глина, асфальту к реке. Мы – дети асфальта. Впереди катим большую и черную, тоже горячую, автомобильную камеру. Все обжигает и плавится, само время застыло, и никак не дойти до места. Даже не хочется полакомиться боярышником <...>, но ничего, мы сделаем это на обратном пути. Вот, наконец, выходим по улице Мира на мост, перейдя его, сразу сворачиваем налево, и остается совсем немного...

С некоторых пор я с особым чувством хожу по Октябрьскому мосту. С тех самых пор, как узнал, что в строительстве его принимал участие мой дед. Тот самый, с фотографии. По рассказам матери – «очень рукодельный: и каменщик, и сапожник, и корзины плел хорошие...» Наверное, про таких говорит пословица русская: «Мал мужичок – да не сена пучок».

С пристрастием читаю теперь все, что написано о наших мостах: «С 1917 по 1975 год в Вологде построены три моста через реку Вологду: Красный мост, Октябрьский и мост имени 800-летия города... Октябрьский мост построен в 1928–1931 годах между улицами Мира и Чернышевского по проекту профессора Г. П. Пере-

дерия». Как музыка звучат для меня даже сухие профессиональные слова: «Мост трехпролетный, с железобетонным пролетным строением на каменных опорах. <...> 18 марта 1931 года, в день Парижской коммуны, мост был открыт для движения городского транспорта». Я бы еще так добавил – мост простоял до наших дней и ни разу не обрушился... <...>

Так зачем же огород городить, как говорится? А затем, что слово «город» произошло от слова «городить», то есть огораживать, делать ограду, защищать свои дома от возможных врагов. Мы по привычке называем и сейчас наши города городами, но уже давно им можно было придумать другое определение.

Если взять Вологду, то она стала городом, видимо, в тот момент, когда монахи или кто другой сделали в XII–XIII веках первые серьезные укрепления на этом месте. И собственно город существовал тоже до определенного времени. Можно предложить несколько версий его конца. Первая: Вологда перестала быть городом в те годы, когда совсем захирели укрепления Ивана Грозного, так, впрочем, и не доведенные им до конца. А укрепления эти развалились тогда, когда стали не нужны, то есть после Смутного времени, с усилением Русского государства. Государство крепло – вологодские стены рушились. Чем слабей государство, тем выше его внутренние, да и внешние, стены. Вторая версия: город кончился в самом начале 60-х годов нашего века, когда при Хрущеве стали больше строить каменного жилья, когда перебирались в города разоренные крестьяне, и Вологда переросла естественные для города размеры, она перестала быть единым и целостным организмом, она стала повторяться – появился второй театр, вторая и третья баня, двадцатая школа, людей стало так много, что знакомцы попадались реже, чем незнакомцы. Третья версия связана со второй: окончательную точку поставило административное разделение города на два района – Советский и Октябрьский...

И уж тем более нельзя называть городами современные миллионные гиганты, мегаполисы, которые нельзя огородить не только забором, но и взглядом, нельзя даже воображением охватить место своего жительства.

Если перефразировать слова Николая Рубцова, писавшего о деревне, то можно сказать, что мое поколение успело захватить последние волны вологодской городской самобытности. Один

мой знакомый рассказывает о конце 50-х годов: «...Тишь стояла невероятная, я разгуливал пацаном по центру города в трусах и с деревянным пистолетом на боку, мочалил палкой лопухи, как марктовеновский герой на главной площади какого-нибудь провинциального городка, у развалившейся пожарной каланчи...» <...>

Как ни странно – город разбудили деревенские бывшие жители. То же произошло и с Череповцом. Но наш индустриальный магнит (ГПЗ) гораздо скромнее металлургических и химических башен... <...>

Дом. Это понятие для горожанина расплывчато. Дом – то ли все многоквартирное и многоэтажное сооружение, то ли своя лишь квартира, комната. Тысячи лет человек жил своим собственным домом, а затем, почти в одночасье, нас сселили в своеобразные общежития с отдельным входом (в лучшем случае) и почему-то решили, что это пройдет даром, без социальных последствий. Нет, вопрос остается открытым и почти неизученным...

Наш дом, в котором я прожил много лет, был закончен строительством в 1959 году. Четырехэтажный, 32-квартирный. Два входа-подъезда со двора. Конечно, и мне бы хотелось написать о «пилястрах» и «лепных гирляндах во фризе». Но чего нет – того нет. Впрочем, дом неплохой, кирпичный, надежный. И, наверное, многие добрым словом вспоминают одного из руководителей этой стройки – С. И. Быстрова. Чаще всего люди у нас не знают создателей современных домов, в которых живут. Везде и всюду – усреднение и отчуждение.

Дом наш отечественного производства, так сказать. А несколько домов в этом ряду и дом за углом (ул. Жданова) построены были пленными немцами, после 1945-го. «У немца на все струмент есть». Уточнение необходимо, ибо пленные были в Вологде и после 1812-го, и после 1914-го. Поэт и прозаик Варлам Шаламов писал в автобиографических заметках о нашем городе: «Я хорошо помню Первую мировую войну, "германскую", телеги с новобранцами, пьяными, немецких военнопленных, переловивших всех городских голубей. С 1915 года голубь перестал считаться священной птицей в Вологде». <...>

«Россия глазами иностранцев» – так называется вышедшая недавно в Лениздате книга. Она охватывает эпоху XV–XVII веков, а в то время наряду с Москвой, Новгородом большую роль в жизни страны играла и Вологда.

Понятно, что книга составлена из рассказов очевидцев – иностранных писателей, дипломатов, ученых того времени, которые откровенно пишут о том, что их удивило в России, что им нравится в ней или не нравится. Здесь много географических наблюдений. Они, конечно, устарели во многом, но оживляют для нас ту далекую эпоху. <...>

В записках Джерома Горсея любопытен для краеведов период тесных сношений Ивана Грозного с Вологдой и гипотеза о том, что царь якобы хотел в случае опасности эмигрировать в Англию и найти там убежище для себя. Наместником царя в потрясенной России должен был остаться старший сын его Иван.

Поучительны как общие суждения иностранцев о нашем государстве, о русском характере, так и частные замечания: «Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый. У них есть свой папа как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди... У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они приготавливают с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить...»

Мы сейчас часто спорим, когда же наши предки пить начали. Вот, пожалуйста, – бесстрастное свидетельство очевидца, взгляд со стороны. И еще небольшое дополнение: «...Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году подряд сидят в домах... Летом же – ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги...»

Территория, пространство... Видимо, для детей, как и для животных, «своя территория» – весьма важная штука. Ее надо обязательно обойти, освоить, чуть ли не обнюхать.

Попробую описать пространство, которым мы «владели» примерно в 8–10–12 лет. Центром этой территории будет перекресток Герцена – Менжинского. <...>

Конечно, сначала наши владения были мизерны. Например, на северо-запад – всего квартала три. Там были драмтеатр (старый),

спецшкола, сквер, и эти места для нас, малышей, были уже краем земли; пока до них дойдешь – устанешь даже. Позднее мы стали добираться до Беляевской ветки. Это свалка металлолома у железной дороги и, конечно, ребят всегда туда тянуло. <...>

Иногда мальчишки хаживали и дальше. Например, до тюрьмы на Советском проспекте. <...>

А еще дальше маячила где-то телевышка, как недосягаемый земной полюс.

На северо-восток мы ходили по Менжинского только до моста 800-летия Вологды. Мост был только построен (1961 год), и все ходили к нему специально – посмотреть. Вечером же эти места были темны и пустынно, ходить туда побаивались, рассказывали разные страшные истории насчет карточных проигрышей...

На запад и юго-запад у нас было несколько маршрутов: к вокзалу и на Богородское кладбище, где нищие просили милостыню; на какую-то маленькую речушку с глинистыми берегами, где смельчаки купались даже в мае; к парашютной вышке и ликерке (винзаводу); и, наконец, на стадион «Локомотив» и еще дальше – в Кирики-Улиты. <...>

Многие из старых домов и улиц заслуживают отдельного разговора. Например, дом Свешникова. Разве он знаменит только тем, что в нем родился кинорежиссер Васильев? Вот он легко выплывает, стройный и нестареющий, из-за деревьев Александровского сада (ныне – сквер у Вечного огня), и как-то спокойней становится на душе. Простая и прочная, невыпирающая красота этого здания, построенного в начале XIX века...

Как я потерял город?.. Иногда истины открываются случайно, произвольно, только бы им не мешали проявиться. В середине 70-х годов я почему-то сел на велосипед и стал объезжать все окраины Вологды. Видел новые для меня дома, почти неизвестные районы. Эти районы могли бы принадлежать любому городу, в них не было, да и сейчас нет, индивидуальности, вологодской особенности. Я видел умирающие двухэтажные домики с кружевными балкончиками – это символы нашего города, это лучшее, что в нем есть!.. Смотрел, смотрел и не понимал, почему так тянет меня на задворки города. Понял позднее. Город уходил от меня, он разрастался уже до таких размеров, что за ним нельзя было уследить взглядом и пониманием. И он ушел от меня, ибо не мог

же я жить в седле велосипеда, всегда на колесах... Думаю, что и другие жители города испытывали подобные чувства, какую-то растерянность, грусть от потери.

Конечно, через несколько лет я освоился и снова нашел свой утраченный город. Но это уже была не та Вологда, другая Вологда.

Антонина Николаевна Журавлёва

ВСТРЕЧИ С НИКОЛАЕМ РУБЦОВЫМ

Дело было в самом конце 60-х годов. Я тогда работала операционной сестрой травматологического отделения первой Вологодской городской больницы. К нам на отделение поступил очередной пациент с травмой сухожилия на руке (поранился о стекло, предположительно, во время бурной вечеринки). Пациент был тихий, скромный, даже застенчивый. Я делала ему перевязки и понятия не имела, кто он такой. Во время очередной перевязки пациент спрашивает меня, сможет ли он писать после такой травмы. Я ему: «А чем вы, товарищ, занимаетесь?» Он говорит: «Пишу». Я решила, что это какой-то конторский служащий, тем более по виду он подходил к этой профессии. «Сможете, – говорю, – все заживет». А он тогда спрашивает: «А играть на гармошке смогу?» Я ему: «Вы музыкант, что ли?» «Да нет, – говорит, – просто люблю на гармошке поиграть». «Ну тогда, – говорю, – сможете».

*Антонина Николаевна
Журавлёва. 1968–1970 годы*

*Антонина Николаевна Журавлёва
на рабочем месте*

Потом его выписали. Спустя какое-то время встречаю Толю-библиотекаря. В те времена в каждой больнице были библиотеки, причем пользовавшиеся большой популярностью. Толя в своем большом чемодане разносил библиотечные книги и журналы по палатам, где лежали тяжелые больные. Он всегда был в курсе всех литературных новинок. И вот этот Толя показывает мне журнал «Юность» и говорит: «Помнишь, парень у вас на отделении с рукой порезанной лежал, а ведь это поэт, его даже в «Юности» печатают».

Вот так я узнала о поэте Николае Рубцове. Потом с девочками медсестрами читали стихи, так сказать, познакомились с его творчеством. Стихи были лиричные, понравились.

На этом история не заканчивается. Вологда – город маленький. Я на работу всегда ходила пешком, а Рубцов жил на улице Яшина, поэтому мы иногда встречались и тепло приветствовали друг друга. В те времена люди были как-то проще, приветливее. Рубцов узнавал лечившую его медсестру и здоровался первый, а я справлялась о его здоровье.

Выглядел Николай по-прежнему, ничем ни примечательно, даже, можно сказать, бедно: почти всегда в поношенном синем костюмчике с короткими рукавами. Но всегда был доброжелателен. Я поэзией особо не увлекалась, поэтому короткие разговоры при встрече были чисто этикетными – о том о сем.

Последний раз встретился мне Рубцов на Советском проспекте летом 1970 года. Шел он с чемоданчиком-балеткой в помятой одежде, на плече прилип клочок сена. Поздоровались. Он, видимо,

заметил мой оценивающий взгляд и, как бы в оправдание, сказал, что только сейчас с парохода, из Тотьмы вернулся, всю ночь не спал. Я что-то ему сказала подбадривающее, так и разошлись.

А через полгода, зимой, тот же Толя-библиотекарь принес нам грустную весть о гибели поэта... Светлая ему память.

После пребывания Николая Рубцова у нас в больнице было написано стихотворение «Под ветвями больничных берез».

Николай Рубцов

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ

*Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь, –
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез...
Нет, не все, – говорю, – пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело –
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...*

1970 год

ГОРОД ДЕТСТВА

Детские воспоминания – самые добрые, радостные и светлые. Говорят, что умные и талантливые люди помнят себя даже в младенческом возрасте. Мои воспоминания, увы, не такие ранние, не раньше 4–6 лет, и ограничиваются несколькими короткими эпизодами. Вспоминаю, как я с мамой ездила за продуктами на Старый рынок. Старожилы, да и молодежь знают, где находился этот Старый рынок. Его снесли в 1976 году, а название сохранилось.

Овощи и фрукты лежали на открытых прилавках, а мясом торговали в каменном здании около восстанавливаемой сейчас церкви, возможно, и в помещении церкви. В такие поездки я всегда мечтала, чтобы мама купила мне сахарной ваты, которая продавалась тут же, у входа на Старый рынок. Но полакомиться сахарной ватой не всегда удавалось. За ней была большая очередь, и не всем ее хватало.

А еще мы ходили пить какао с пирожками в пирожковую на улицу Мира. Сколько же лет этой пирожковой, если мне уже почти шестьдесят? В этом историческом здании меняются офисы, магазины, и только она остается на своем месте и, по мнению многих местных жителей, считается одним из лучших недорогих кафе Вологды. Скажу честно, что тогда пить какао мне там не нравилось. Оно было очень горячее, а столы очень высокие. Но это детское впечатление.

До шести лет я жила на улице Клубова в деревянном доме у второго железнодорожного переезда. Дом окружали высокие тополя. Сейчас нет уже ни дома, ни деревьев. Оврага с зарослями крапивы, куда я как-то свалилась с шаткого деревянного мостика, тоже нет.

Падение в жгучую крапиву было не единственным страшным эпизодом детства, еще вспоминаю, как тонула в болоте. Спаслась, потому что смогла ухватиться за какую-то ветку, а мама вытащила меня. На болота, которые были за железнодорожными путями, мы часто ходили за голубикой. Мама полоскала там белье. Остались ли еще эти болота, растет ли там голубика, не знаю. Все быстрее растет и меняется мой родной

город. С улицы Клубова видны здания шарикоподшипникового завода. Наверное, он потеснил старые болота.

Около моего дома на улице Клубова не было никаких детских площадок и парков. Зато летом во дворах всюду – зеленые лужайки. Я играла на травке около больших тополей, качалась на самодельных качелях, укрепленных между деревьями.

Хорошо помню казавшийся тогда большим Детский парк с площадью Революции. Прогулка в парк тогда была для меня праздником. В нем для детей было много соблазнов. И карусели, и красивый домик для игр, и поезд, где дети сидели в открытых вагончиках, а вместо паровоза – дяденька на мотоцикле.

При входе в парк – там, где сейчас установлен памятный крест, в бывшей церкви был кинотеатр имени Горького. Здание это почему-то разрушили в семидесятых годах прошлого века. Непонятно, кому оно помешало. Тогда уже многие храмы Вологды как памятники архитектуры были под охраной государства.

В детстве я не знала, что у парка есть название и своя история. Посмотрела в интернете: оказывается, он открылся в 1898 году и назывался парком имени Пушкина.

2017 год

Юрий Иванович Веселовский

СТРОИТЕЛЬСТВО В ВОЛОГДЕ

Любой город живет, постоянно что-то строя и разрушая, меняя ландшафт, вписывая новые сооружения в природную и культурную среду. Одни изменения выглядят органично, соответствуют месту и времени, а другие нарушают баланс между прошлым и настоящим, старым и новым.

На рубеже 1960-х – 1970-х годов в Вологде началось масштабное строительство кирпичных и панельных пятиэтажных жилых домов и помещений для организаций, а также перепланировка некоторых кварталов в центральной части города. В начале

Юрий Веселовский. Лето 1972 года

1972 года Горисполком принял постановление о сносе кинотеатра имени Горького, расположенного рядом с площадью Революции. Кроме того, примерно в это же время было принято решение о строительстве нового здания Драмтеатра на улице Менжинского. За год до этого, в августе 1971 года, на улице Пушкинской был открыт современный кинотеатр «Ленинского комсомола», так что почти год успешно функционировали находящиеся вблизи два киноцентра.

В сентябре 1972 года начали разбирать здание кинотеатра имени Горького. Отбойным молотком выделяли фрагменты стен, железными тросами их опутывали, привязывали к трактору, который пытался их сдвинуть с места. Трактор буквально вставал на дыбы, но мог отломить лишь небольшие куски. На помощь строителям из воинской части ночью пригнали танк, который массивной броней своего корпуса разрушал прочную кладку стен. Во время сноса здания откалывалась штукатурка и обнажались фрагменты фресок.

Для жителей города старшего поколения это было неудивительно, так как они знали историю этого здания. До Октябрьской революции это был Спасо-Всеградский собор, построенный в конце XVII века. В 1920-х годах в его помещениях располагался Дом искусств, а в 1950-х годах открыли кинотеатр с небольшим экраном и зрительным залом, образованным в средней части бывшего собора. Так было уничтожено здание храма в центре города. Больше каменные церкви в городе не сносили. Летом 1973 года на этом месте положили асфальт, и только к юбилею

города, в 1997 году, поставили Поклонный крест, указывающий на то, что здесь стоял собор.

В это же время для строительства Драмтеатра снесли целый квартал жилых домов по улице Менжинского, включая старое здание кружевной фабрики «Снежинка». Перестроили также Детский парк для того, чтобы современное здание Драмтеатра было видно с площади Революции. Детский парк был открыт в XIX веке и назывался «Пушкинский детский сад». С той поры он реконструировался, изменялся, но все время функционировал. В 1960-х годах парк приобрел свой окончательный вид. Там были большие и малые карусели, стояли качели и «Гигантские шаги». Был «Сказочный домик» в виде теремка, фонтан с фигурами рыб, который к 1970-м годам уже не работал. В будке, стоящей возле парка, ближе к улице Менжинского, продавали сахарную вату. Летом некоторые жители города в парке собирали шампиньоны. Зимой в парке работали большая ледяная горка и маленькие горки для малышей. Трехколесный мотоцикл возил детей на сцепленных в виде поезда санках с фигурами лошади, медведя, зайца, лисы и других животных.

К сожалению, к началу 1970-х годов все сооружения обветшали, работали только некоторые аттракционы, надо было парк восстанавливать.

Во время реконструкции парка были выкорчеваны большие деревья в центральной части и образована широкая аллея. Рядом с Детским парком, на пересечении улиц Менжинского, Ворошилова и Лермонтова, стоял памятник бойцам продовольственно-реквизиционной армии, погибшим в 1918 году. Здесь были похоронены помощник командира 1-го Вологодского реквизиционного продовольственного отряда Кольцов и бойцы Михайлов и Кокарев. Этот памятник, не вписывающийся в новый ландшафт, снесли в 1975 году. На этом все мероприятия по перестройке Детского парка были завершены, и он прекратил свое существование. Это было очень грустно, ведь дети и взрослые нескольких поколений любили там отдыхать.

Конечно, время не стоит на месте, меняются эпохи, люди, города – это естественный процесс, но память сердца хранит воспоминания прошлого, которые с каждым прожитым годом становятся все более удаленными, но не менее чувствительными.

РАНЬШЕ ЖИЗНЬ БЫЛА ДРУГАЯ

В годы нашего детства (60-е и 70-е годы) не у всех родителей маленькие дети ходили в садик. Детских садов было мало. К счастью, у кого-то были бабушки, у кого-то старшие дети следили за младшими и помогали по дому.

А в школу шли все, причем одинаково одетые: у мальчиков – брючки и гимнастерка, у девочек – одинаковые платья с черными фартуками, а на праздниках белые фартуки. Конечно, у всех портфели. В классах стояли деревянные парты с открываемой крышкой. Наверху парты была отверстие для чернильницы-непроливайки и выемка для карандашей и ручки с пером.

Все старались учиться, так как в конце года 1-й класс принимали в октябрята. Это был большой праздник. Дальше, в 3-м и 4-м классах тех, кто хорошо учился, принимали в пионеры. Все знали, что красный галстук – «кусочек красного знамени» и «кровь нашей Родины». И был девиз: «Малышей не обижать, младшим надо помогать». В старших классах принимали в комсомол. Там тоже смотрели на успеваемость и на то, кто какие общественные работы выполняет. В школах были разные бесплатные кружки и секции.

Закончив школу, кто-то поступал в институты, кто-то в ФЗУ, а потом в ГПТУ. Все было доступно и бесплатно. В ФЗУ и ГПТУ кормили бесплатно два раза в день и выдавали спецодежду для практики и учебы. После окончания учебы все устраивались на работу, квалифицированные рабочие были всюду нужны. А закончивших институт нередко отправляли в райцентры нашей области, где нужны специалисты.

В летнее время в городе везде стояли автоматы с водами и гранеными стаканами. Простая вода стоила 1 копейку, с сиропом – 3, а если двойной сироп – 6 копеек. На каждом углу на улицах торговали мороженым, очень вкусный был «Ледок на палочке» за 5 копеек. Можно было и пообедать: в столовых комплексный обед стоил всего 50 копеек. Надо сказать, что средняя месячная зарплата в стране была около 100 рублей.

На танцы ходили в парк ВРЗ. Там каждый день кроме понедельника играл духовой оркестр. Когда повзрослели, купались там в пруду, качались на качелях-лодочках. Часто ходили в кино в кинотеатр имени Горького у Вечного огня. Раньше в нем была церковь. С одного бока на крыше еще был виден колокол. Билеты в кино были от 45 до 20 копеек, в зависимости от ряда. Ходили и в Детский парк рядом с кинотеатром. В нем для детей было много разных аттракционов, работали карусели. Там можно было развлекаться и более взрослым людям.

Проезд по городу в автобусе составлял 5 копеек. Внутри автобуса стоял автомат. Туда бросали монеты, и выходил билет. Кондукторов не было, и «зайцев» тоже.

Вечерами, если никуда не ходили, то собирались компанией в Октябрьском сквере, то есть недалеко от нашего дома. Ребята играли на гитаре, пели песни, девчонки иногда подпевали. Рассказывали анекдоты, шутки, ребята мерились силой, но драк не было.

Нам есть что вспомнить!

*На Первомайской
демонстрации Ольга
с дочерью Ириной.
Начало 1980-х годов*

НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Я родилась в Вологде. Мы жили в двухэтажном частном доме по улице III Интернационала, 34. В доме проживало 12 семей. Наши родители и соседи были дружны, никакой ссоры я не помню. Все праздники отмечали вместе большой компанией.

Детство мое протекало в 60-е и 70-е годы, и теперь я могу твердо сказать, что оно было счастливым. Зимой мы катались на лыжах, коньках, строили крепости, играли в снежки, в сыщики-разбойники, в краски. Ходили друг к другу в гости. Летом бегали на речку Ситцы купаться, а когда повзрослели, купались в реке Вологде. Тогда река была чистой, широкой, судоходной, по ней сплавляли лес.

Напротив нашего дома и справа по улице Мальцева, около ликеро-водочного завода, были два огромных поля, засаженных

Надежда Буюкли (слева). Улица III Интернационала. 1958 год

кустами и деревьями. И вот однажды напротив нашего дома заасфальтировали большой круг, поставили по периметру круга ограждение, где запускали самолеты. Это было захватывающее зрелище. А самым большим счастьем было, когда на втором поле установили парашютную вышку, с которой мы прыгали с парашютом.

По улице Мальцева пустили два автобуса – 6-й и 12-й. Запомнились мне и концерты в зале ликеро-водочного завода по праздникам. Мы пробирались заранее в зал, чтобы занять места, сидели тихо и ждали, когда все соберутся.

В поле по нашей улице построили клуб для глухонемых. В этот клуб мы ходили смотреть фильмы и играть в теннис.

Училась я в 8-й школе, что на улице Мира. Возвращаясь из школы домой, катались с берега реки Содемки: кто на фанерке, кто на портфеле.

Так и прошло наше детство. Закончили школу, кто-то остался в Вологде, кто-то уехал. На встрече со школьными подругами мы с теплотой вспоминали наше детство, как мы росли и проводили время. Теперь эти улицы уже не узнать. Построили автошколу, здание «скорой помощи», магазины, дома. Все изменилось, но с нами осталась наша память о тех местах, где мы росли.

Наталья Антониевна Колыгина

ТРИ ДОМА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Все мое детство и юношеские годы связаны с заречной частью Вологды. Бульжная мостовая на набережной VI Армии, огромный и манящий своими гудками завод дорожных машин, на котором работали мои родители, верфи судоремонтного завода и старые, уже выдавшие виды корабли, одиноко стоявшие в затоне – все это незабываемые воспоминания!

Поначалу родители снимали небольшую комнатку (15 квадратных метров) в коммунальной квартире в старом двухэтажном доме с удобствами (ул. Горького, 129). Эту комнатку

Наталья Колыгина. 1980 год

дали им на 3 года – на время отъезда основного жильца на заработки в Германию.

Дом имел три подъезда и, как мне тогда казалось, был очень красивый. Его белоснежные стены изящно выделялись на фоне остальных близлежащих домов. Во дворе стояло небольшое квадратное сооружение, вокруг которого были скамейки, на них жильцы любили посидеть вечерами и обсудить местные новости. Детвора обычно играла здесь же, специальной детской площадки во дворе не было. Зато была большая асфальтированная площадка – раздолье для велосипедистов.

Спустя годы я выяснила, что квадратное сооружение было не чем иным, как вентиляционной вытяжкой находившегося под домом бомбоубежища. Именно поэтому наш двор был асфальтирован. А сам вход в бомбоубежище находился в центральном подъезде дома.

По воспоминаниям старожилов, дом в 1958 году построили пленные немцы, и находился он в ведении Вологодского авторемонтного завода. Дом был очень теплый, сделан, как говорится, на совесть.

Почти все квартиры в доме были коммунальными, кроме двух. Одну из них занимал бывший директор завода Александр Иванович Сохрин с супругой Надеждой Александровной. В их квартире, а располагалась она на втором этаже, был огромный балкон, выходящий во двор. Летом он был усыпан цветами красивейших гераней. Хозяйка, бабушка Надя, была премиленькая старушка. Помню, как я тогда (а мне было всего лишь года три-четыре) мечтала, что, когда вырасту, у меня обя-

зательно будет такая же комната с большим балконом, и на нем обязательно будет расти множество красивых цветов.

Таких огромных балконов в доме было два. Стоит отметить, что балконы были и в других комнатах второго этажа, но они были настолько маленькие и неудобные, что могли использоваться только для хранения продуктов в холодное время года.

Чета Сохриных прожила в доме до конца своих дней. Когда они скончались, их дети сразу продали квартиру.

Вторую, по тем временам шикарную квартиру на первом этаже занимал главный инженер Авторемзавода Леонид Иосифович Пухман со своей семьей.

Наша семья занимала комнату в квартире № 6, расположенной в первом подъезде на втором этаже. В квартире было три комнаты. Самую большую занимала Мария Александровна Филиппова (для меня, да и для всех она была тетя Маруся) со своим гражданским мужем Николаем Барановым. Жили они по тем временам неплохо, но детей не имели. Посреди их комнаты стоял огромный круглый стол, рядом со столом расположился диван, слева старинная железная кровать с пуховой периной и взбитыми подушками, которые всегда были закрыты ажурной салфеткой. Справа – огромный буфет, где за стеклом тетя Маруся хранила все свои драгоценности. Было их немного, да и не драгоценности это были вовсе, а просто бижутерия, но для маленькой девчонки это казалось несметным богатством. Когда я заходила к ним в гости, то обязательно тянулась к шкатулке с этими побрякушками: уж больно нравилось мне их примерять.

Еще одну комнату занимала молодая семья Татьяны Григорьевны и Юрия Арестовича Брантовых с сыном. У них была самая маленькая комнатка, очень длинная и узкая.

С соседями по коммуналке мы были очень дружны. Основным местом нашего общения была огромная кухня. У каждой семьи был свой участок. Готовили почти одновременно, непременно угощая соседских детей. Странно, но почему-то соседская еда мне всегда казалась вкуснее своей.

Прожили мы в этом доме совсем недолго, но и после нашего отъезда я часто бывала в гостях у тети Маруси, которая любила меня как родную.

В 1981 году родителям предоставили от завода комнату побольше (16 кв. м) в деревянном двухэтажном доме на улице Карла Маркса, 79. Дом постройки 1958 года был без удобств, что нас очень огорчало, но это было первое жилье, за которое не нужно было платить. Там мы прожили 6 лет. В доме было всего 4 квартиры. Жили все дружно, конфликтов между семьями не было, ну а мы, дети, вместе проводили свободное время на детской площадке.

Детей в доме было много, около 10 человек, и все были примерно одного возраста. Детская площадка была неплохой даже по нынешним меркам. Там были добротные железные качели, рядом небольшая скамеечка, а в другой части двора мужчины самостоятельно сколотили огромную деревянную горку, внизу под лестницей был сделан небольшой домик. Детворе было чем заняться в любое время года.

Весной, осенью и во время дождя во дворе было очень грязно, поэтому мужчины сделали добротные мостки для удобства подхода к сараям. Сарай были очень важным элементом двора, ведь дом был с печным отоплением. Дрова, как правило, заготавливали летом и старались как можно быстрее их распилить, расколоть и убрать в сарай.

Рядом с домом была водонапорная колонка, поэтому носить воду было недалеко. Да и стирать, и полоскать белье было удобно, прямо туда приносили свои ванны и тазы. Веревки для белья также были во дворе. Когда сушилось белье, а к слову сказать, оно висело там постоянно, ребятам было категорически запрещено играть с мячом. Поэтому все быстро научились играть «в пробки» или «фантики». А когда стали постарше, играли и «в ножички».

Этот дом был для временного проживания, поэтому все семьи ждали, когда подойдет их очередь для получения благоустроенного жилья. И наконец-то дождались своего расселения. Первыми уехали в новый дом Мошенковы. Им выделили квартиру в пятиэтажном панельном доме на улице Карла Маркса. Все радовались их отъезду и немного завидовали.

В конце 1986 года нам и Соколовым выделили квартиры в новом строящемся доме на Северной, 26. Помню восторг и недоумение родителей, когда они услышали об этой новости. Новая трехкомнатная квартира! Переезжать из 16 квадратов в 70,

не имея ни мебели, ни люстр, ни занавесок? Для мамы это был просто стресс! Почти год мы тщательно готовились к этому переезду. Как трудно было купить (вернее, достать) мебель в те годы, наверное, помнят многие. Каждое субботнее утро отец уходил из дома в 4–5 часов утра и направлялся в Дом мебели на улице Левичева, чтобы получить возможность купить кухню, стенку, ковер и так далее. Иногда уходила и мама, поэтому мне приходилось сидеть с моим младшим братом, которому на тот момент не было еще и года. Все, что приобреталось, тут же заполняло и без того маленькую нашу комнатенку.

Успокаивало одно, что все это скоро закончится, и будет переезд. Квартиры в доме предоставлялись работникам разных предприятий города. Метраж и количество комнат в квартире определялся исключительно по закону. Семьи с одним ребенком получали двухкомнатную квартиру, с двумя детьми – «трешку», с тремя – четырехкомнатную.

Наш новый дом был первым кирпичным девятиэтажным домом в огромном новом микрорайоне. Дома этой серии строились в СССР с конца 70-х годов и отличались высокой прочностью. Дом расположился на небольшом пустыре, рядом с кварталом пятиэтажек, которые в народе прозвали «коробки». Интересно было наблюдать, как на этом заброшенном и, казалось, Богом забытом месте выросло огромное красивое здание.

Наконец, свершилось: дом сдан! Мы переехали в новую квартиру 31 октября 1987 года. Насколько помню, одними из первых. Лифт еще не работал, поэтому первое время нам приходилось подниматься на свой этаж пешком. Но новоселов это совершенно не смущало, все рады были, что получили долгожданное, бесплатное, честно заработанное жилье, в котором были отопление, горячая и холодная вода, «некончающийся» газ, теплый комфортный туалет и ванная. Это ли не предел совершенства для тех, кто много лет жил в деревяшке с печным отоплением, холодным туалетом – «дыркой», водой на улице и помойкой во дворе! А именно так до переселения жили почти все новоселы...

А старый дом заселили новые жильцы, также в надежде получить благоустроенное жилье. Однако у большинства из них это так и не получилось. Сменилась власть, сменились и приоритеты. В 90-е годы получить бесплатное жилье уже не представлялось

возможным. Так и жили они в аварийном доме более двадцати лет, пока он совсем не пришел в негодность. Несколько лет назад дом расселили по программе расселения из ветхого и аварийного жилья. Жильцы выехали, а дом доживает свои последние дни. Раскрытые настежь окна и двери, разваленная лестница на 2-й этаж, по которой в последний раз я поднималась больше 10 лет назад...

В новом доме меня, как и любого ребенка, в первую очередь интересовала детская площадка. Она не могла не восхищать, особенно с высоты 9-го этажа. По тем временам это был просто шедевр архитектуры. Геометрически правильно выстроенная, поделенная на функциональные зоны, красиво оформленная площадка, на которой расположилось две детские зоны: у 1-го и 4-го подъездов. У 1-го подъезда были песочница, полукруглый турник, шведская стенка и баскетбольный щит с кольцом. У 4-го подъезда – песочница, качели, качалка-балансир и железная горка.

Отдельно были выделены зоны для посадки деревьев, они шли ровной полосой позади основных объектов. Каждая зона была выделена поребриком. Основные деревья – березы и ясени – были посажены строителями при сдаче дома, однако новоселы, окрыленные радостью, тоже внесли свой вклад, и в первый год все свободное пространство было засажено зеленью. Цветников не разбивали, но во дворе всегда цвели сирень и черемуха. В центре двора по замыслу архитекторов была большая площадка с ровным зеленым газоном.

Я часто бываю в других дворах города, но ни разу не видела двора с такой четкой и продуманной планировкой. К сожалению, сейчас она так четко уже не прослеживается, бетонная плитка местами поросла травой. От детских зон не осталось и следа.

Первый этаж дома по плану частично был отдан под нежилые помещения. Когда дом был почти заселен, открылась аптека, по тем времена она была одной из лучших аптек города, так как, обладая огромными помещениями, фармацевты могли изготавливать здесь скоропортящиеся лекарственные препараты. За ними в аптеку съезжались со всего города. Затем появилась молочная кухня, которая тоже привлекала к дому толпы людей.

В каждом подъезде был мусоропровод. Сначала жители старались следить за порядком и чистотой, но потом в подъездах появился зловонный запах от полусгнивших отходов. На площадках валялись высохшие картофельные очистки, корки от апельсинов, горы фантиков, которые случайно вываливались из неудачно выброшенных мусорных ведер. В доме появились крысы и тараканы. По просьбам жителей мусоропроводы заварили во всех подъездах.

В начале 90-х молодые люди росли разболтанными – никого и ничего не боялись. Частенько вылезали на крышу дома: кто почитать и позагорать, кто просто потусоваться, а кто и горячительного испить или, того хуже, «ширануться». На чердаке поселились лица без определенного места жительства. И часто можно было слышать (мы ведь жили на 9-м этаже), как вечером после трудового дня бомжи приходили на свое лежбище на ночлег. Вход на чердак и на крышу был свободный, пока не произошла трагедия.

Не буду сильно вдаваться в подробности, но в 1992 году с крыши дома упала молодая девушка, ученица 9-го класса, которая жила в нашем доме. Это был первый подобный случай в городе, трагедия потрясла всех.

После этого были сделаны решетки, а на них повешены амбарные замки, которые перекрывали вход на чердак и крышу. Доступ к «месту отдыха» местной молодежи прекратился. Однако во втором подъезде кто-то умудрился спилить замок и сделать свободным выход на чердак и крышу. Такая свобода продолжалась еще несколько лет, пока не произошел еще один несчастный случай. Он был не особо яркий и не особо трагический, поэтому частично стерся в моей памяти. Помню только, что там порезали какого-то мужика. После этого замки сделали капитальные, и на дверь уже больше никто не посягал.

С тех пор прошло уже много лет, мы выросли, и многое в доме поменялось. Помещения аптеки уменьшили, она стала занимать лишь одну шестую былой площади. Зато там появился магазин, а совсем недавно открылся еще и детский клуб. На месте молочной кухни была открыта парикмахерская. В 2013 году в части помещений открыли филиал МКУ «Центр по работе с населением». Половина жильцов в доме сменилась, двор стал ухоженным и весь зарос.

Да, время течет и все меняется, иногда не в лучшую сторону. Я уже давно живу в другом районе, но часто бываю в гостях у мамы. Подхожу к дому и почему-то всегда чувствую какую-то несказанную грусть по тому «новому» дому – дому моего детства на улице Северной, который не стереть из памяти уже никогда. Так же, как и все другие места, где я жила, и с которыми связаны самые хорошие воспоминания.

Елена Геннадьевна Никитина (Архипова)

ЧУДЕСНЫЙ ФОНТАН

Мое детство прошло в живописном уголке нашего города, на заповедной улочке Засодимского, у подножия церкви Варлаама Хутынского. Сколько игр мы устраивали на крыльце среди колонн или в уютном саду среди яблонь, между храмами! А напротив дома № 14 (дом Воробьева) был целый остров кустов сирени, и по вечерам наши дворики благоухали ароматом цветущих растений. Во дворе дома № 10 (дом Терентьева) сохранился большущий сад. Ранней весной там расцветали подснежники, их было так много, что казалось, будто синюю краску разлили. Их сменяли ландыши, а затем наступало время нарциссов и тюльпанов. Наш дом № 8а был одноэтажный, барачного типа, стоял в окружении сараев и грядок с луком. Тихая улочка весной утопала в грязи, поэтому основная наша обувь была резиновой.

Но не только храмами и резными наличниками выделялась наша улица – у нас была река! Это было в нашей жизни основное развлечение! Летом купание, зимой ледяные горки, весной ледоход, осенью паводок. И вот однажды на ее берегу случилось нечто, что врезалось в детскую память.

Это произошло зимой 1981 года. На берегу, напротив пирожковой, вдруг из-под снега начал бить фонтан! Что это было за явление, никто не мог объяснить. Мы часто видели группы серьезных людей, подъезжающих к нему. Но фонтан упорно выбрасывал ввысь свои струи, несмотря на морозы. Вода сверкала на фоне

синего неба, переливаясь и искря в лучах январского солнца, и падала вниз, замерзая. Вокруг неопознанного явления образовывалась наледь. Ледяной сталагмит на глазах становился все выше и выше. Замершие неровности отполировывались новыми струями, с каждым днем меняя рисунок в поисках совершенства. И вот уже «ваза фонтана» возвышалась на полтора метра над землей. Фонтан иногда засыпал, тогда можно было заглянуть вовнутрь. Чаша кратера была словно из мрамора, идеально ровная, отшлифованная, сверкала на солнце, восхищая своей безупречностью.

Было время школьных каникул, и мы с подругами, как и все ученики, получив от родителей абонемент, направлялись в кинотеатр. Проходя по улице Маяковского мимо ледяной глыбы, мы увидели, что фонтана нет. Конечно же, возможность получше разглядеть узоры не оставила нас равнодушными. Мы ходили вокруг да около, прикасаясь руками и поглощая глазами замысловатые ледяные рисунки. Но в конце концов разыгравшееся детское озорство спровоцировало дерзкий поступок. Моя подруга залезла на вершину и села в кратер, как на трон, объявив себя Снежной королевой. Однако природное явление не согласилось с такой насмешкой и выпустило мощную струю, тем самым скинув «королеву». Сверженной таким образом «царственной особе», слегка подмоченной, пришлось поменять свои планы и вместо похода в кино вернуться домой. Жалко, что в те годы фотоаппарат был далеко не у каждого взрослого, тем более у ребенка. Все это сохранилось лишь в нашей памяти.

*Лена Архипова,
фото на школьную папку
(фотограф А. Н. Бам). 1983 год*

ВОЛОГОДСКАЯ СТАРИНА

Мама не пошла с нами на прогулку. Она пила сердечные капли, читала книгу, прижавшись спиной к натопленной печке.

– Попишу, пока вы гуляете, – объяснила мама причину остаться дома. Вот уже несколько месяцев она вела записи об истории своей семьи, и накопилось несколько тетрадей (сейчас их уже 14). А мы с дочерью пошли: ребенку нужны прогулки на свежем воздухе.

Зареченские улицы Вологды, расположенные параллельно реке, протянулись, спрямляя ее излучину и упираясь прямо в зарю. Мы и пошли ей навстречу, вбирая взглядом необыкновенную красоту заката. Любовались старинными домами, из которых в основном и состояли тогда эти улицы, названные именами писателей XIX века: от реки к северу идут улицы Чернышевского, Добролюбова, Гиляровского, а по течению – Гоголя, Горького, Некрасова, Карла Маркса.

В этой части Заречья, что ближе к реке Вологде, дома были традиционной вологодской архитектуры – двух- и одноэтажные, с балконами и резными карнизами, изрядно потемневшие от времени, осевшие на один угол.

Некогда крепкие, простоявшие не один, может быть, век, выращившие в стенах своих несколько поколений вологжан, они уже не соответствовали современному уровню комфорта, несмотря на такое преимущество, как сад и огород при них. Вологжане возились с водой и дровами, как сельские жители.

В XX веке прирастала Вологда улицами уже совершенно иной архитектуры – двухэтажками барачного типа в виде вытянутых прямоугольников, без каких-либо украшений. Это был новый стандарт, коммунальные жилища. Такова была улица Карла Маркса, Завокзальный район. Зато они с водопроводом, канализацией и отоплением от теплосети. Строгость, линейность, стандарт, утилитарность.

В старой части города другой дух: там жила, витала в воздухе поэзия, накопленная за века тайна историй домов и их жителей. Освещаемые зарей, золотисто розовели старые стены, полыхали стекла в окнах, оживали деревья. Так же, наверное, было и прежде, в глубокую старину. Представлялись картины прежней

жизни здешних улиц, когда девушки в цветастых шالях бегали из дома в дом к подружкам посекретничать, когда не было еще электричества, уличного освещения, а окна светились неярким светом керосиновых ламп, пахло дымком из печных труб и теплым хлебом. Ведь всего несколько десятков лет назад горожане содержали больше тысячи коров.

Думалось об оставшейся дома маме. Было жаль, что она не видит этот дивный вечер в затихшем городе, нас с дочерью в фантастических декорациях зари, не осязает свежий, пахнувший морозцем ветер. Каждого из людей на белом свете мама связывает с родиной, с тем гнездом, где вырос, с земляками. С прошлым своего народа.

А рядом терпеливо и внимательно всматривалась в этот мир маленькая дочка – человек, который уже связал меня с грядущим временем, через кого протянутся далеко в будущее и мои какие-то черты, проявятся свойства предков.

Так было всегда, у всех в цепочке поколений. Мне представляется, что все мы, человечество, – длинная цепочка поколений и держимся за руки: деды, отцы, дети, внуки, и так продвигаемся от прошлого к будущему.

Мы вышли на улочку, ведущую к Вологде-реке, и увидели, как на ярком фоне зари серебряной чернью рисовались купола Софийского собора, и подобием солнца горела и сияла маковка колокольни. Долго не могли оторвать взгляд от этого дива-дивного, чуда-чудного, пока мороз не начал подбираться к ногам. Непонятно, как сотворенная, пленительная, чарующая красота несет в себе загадку: храм кажется воздушно-невесомым при всей его массивности. Как сочетается в нем противоположное – трудно объяснить. Геометрическая ли выверенность пропорций, удачное ли месторасположение, промысел ли Божий или невероятное художественное чутье зодчего?

Удивительное согласие царило в тот миг между небом и землей. И еще выразительней смотрели на нас на обратном пути окна в узорных наличниках, балконы с ажурными арками и витыми столбами. У каждого свой фасон, в каждом сказывалась старательность мастеров, талантливость их, тепло души простирались к нам из глубины веков.

Подумалось, что всего 100 – 200 лет назад эти причудливо украшенные особняки были у нас тут нормой градостроительства. Теперь – экзотика. Но как же красиво!

Воссоздать бы уголок старинной Вологды в излучине реки в этой части Заречья! Для долговечности дома построить из кирпича, а обшить деревом – восстановить первоначальный облик. Это как музей старинной архитектуры – для познавательных экскурсий молодежи, туристов, для всех.

За время, прошедшее с тех пор, произошло много преобразований. Изменилась сама жизнь. Изменился облик города. В центре и на зареченских улицах один за другим вырастают новые дома. Многие с непривычным для Вологды обликом. Они красивы, но как хочется, чтобы сохранился дух старого города, чтобы была заповедная территория – для познания, для исторической наглядности.

2006 год

Тамара Александровна Лебединская

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА

Часто повторяют слова А. С. Пушкина о любви к отеческим гробам, любви к родному пепелищу: «В них обретает сердце пищу». Обращение к историческому опыту, с одной стороны, имеет громадное воспитательное значение – воспитание культуры. Так как основа культуры – память, значит, можно говорить о «воспитании историей». С другой стороны, это школа познания методике мышления, школа исследования.

Читая курс отечественной истории и элективный курс «История российского предпринимательства» в Вологодском государственном университете, я стараюсь привлечь студентов к научно-исследовательской работе. На первом курсе они пишут рефераты, что довольно сложно, а по истории российского предпринимательства – научные работы на местном материале. Студент электроэнергетического факультета Сергей Маклаков, изучив научную литературу и периодическую печать, написал реферат «План ГОЭЛРО и его реализация в Вологодской области».

Работа эта была рекомендована на конкурс рефератов по социально-гуманитарным дисциплинам и заняла призовое место.

Научную работу по теме «История российского предпринимательства» мы, преподаватели, проводили вместе со студентами.

Неуемная энергия наших купцов вела их в самые труднодоступные места – в Сибирь, на Север, вглубь лесов. И хотя конечной целью была прибыль, они не жалели средств и здоровья, чтобы наладить торговлю необходимыми товарами. Не чужды были благотворительности и сочувствия – строили церкви, часовни, приюты для больных и обнищавших сограждан. Делали «вечные вклады», чтобы на проценты содержать богадельни, ночлежные дома.

Стоит вспомнить, что состоятельные горожане помогли создать местным властям «Общество взаимного страхования от огня», где купечество и предприниматели страховали жилые дома, заводы, торговые лавки, склады, конюшни и даже мост через реку Вологду. Выделялись немалые средства на противопожарные меры. При содействии Общества в 1898 году был построен городской водопровод, приобретались пожарные машины, «огнегасительные трубы», лестницы. На праздники выделялись премии отличившимся нижним чинам пожарной команды.

Мы провели анализ частной благотворительности в XIX веке. Инициатива в ней переходит от немногих представителей аристократических фамилий к предпринимателям – купцам, фабрикантам, банкирам. В Вологде в конце XIX – начале XX века было более десяти благотворительных обществ, средства которых складывались из членских взносов, купеческих пожертвований, различных пособий, доходов от благотворительных спектаклей, лотерей.

Одним из самых крупных благотворителей Вологды был потомственный почетный гражданин купец В. И. Грудин. В его духовном завещании говорилось: «Движимый желанием если не искоренить вовсе, то, по крайней мере, уменьшить до возможной степени бедность и нищенство мещанских детей, преимущественно сирот в Вологде, намерен принести в дар Вологодскому мещанскому и цеховому обществу денежный капитал в 20 тысяч рублей». Для приходских училищ и двух общественных богаделен ежегодно отчислялись из прибыли этого капитала 7 тысяч рублей. Семь потомственных почетных граждан Витушечниковых,

Леденцовых, Свешниковых, Белозеровых активно занимались благотворительной деятельностью.

На панихиде скончавшегося в 1870 году Н. А. Белозерова, бургомистре городского магистрата, говорилось, что он «служил обществу верой и правдой, всегда был великодушен, к нему всегда можно было обратиться за помощью».

Купеческая дочь М. В. Маталындина пожертвовала в вологодские богадельни – Леденцовскую и Витушечниковскую – по 1300 рублей. Вдова потомственного почетного гражданина Н. С. Грудина и купеческая жена А. И. Ганичева передали билеты пятипроцентного займа на сумму 7 тысяч рублей для содержания дома призрения С. А. Леденцова и бесплатной столовой имени Т. Е. Колесникова. По духовному завещанию потомственной почетной гражданки А. М. Скулябиной с ее капитала, хранившегося в городском общественном банке на вечные времена, проценты «назначено отсылать в городскую управу для раздачи бедным перед праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи». Благотворители передавали свои капиталы с тем условием, чтобы деньги оставались неприкосновенными, а проценты с них расходовались для помощи малоимущим.

Вологодская городская Дума на своих заседаниях ежегодно обсуждала отчеты благотворительных организаций, находившихся в ведении городского общественного управления. Благотворительная комиссия, созданная из гласных Думы, занималась распределением полученных средств, в том числе и от частных лиц. Большую роль в формировании благотворительных капиталов играл Вологодский городской общественный банк, который подчинялся городской Думе. Через него проходили как частные, так и коллективные пожертвования, о чем свидетельствуют отчеты.

По мере расширения деятельности банка все большие суммы из его прибыли отчислялись на благотворительные дела больниц, богаделен, школ и так далее. Так, в период с 1841 по 1878 год на содержание богаделен было перечислено 62 304 руб., бедным гражданам – 19 517 руб., учебным заведениям – 24 498 руб., церквям и монастырям – 10 074 руб. и на содержание членов сиротского суда – 2 300 руб. На нужды города за этот же период поступило 12 668 руб.

Благотворительная деятельность не оставалась незамеченной властями. Так, купец Н. В. Немиров-Колодкин был награжден золотыми медалями «За усердие» всех пяти степеней за так называемые

неслужебные отличия, а также орденами святого Станислава 2-й и 3-й степени, а за учреждение Вологодской богадельни – орденом святой Анны 3-й степени. В 1885 году постановлением городской Думы ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Вологды».

Такое же звание было присвоено купцу 1-й гильдии Н. А. Волкову, который в разные годы был казначеем лечебницы Вологодского благотворительного общества для приходящих больных, попечителем двух мужских и женского вологодских приходских училищ, членом совета богадельни Н. В. Немирова-Колодкина, почетным членом и председателем попечительского совета Александровского вологодского купеческого благотворительного общества. С. А. Леденцов за пожертвование на покупку дома для помещения Вологодской Мариинской женской гимназии был награжден золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

Анализ благотворительной деятельности позволяет выявить ряд ее характерных черт, разнообразные формы и методы этой работы. Благотворительные капиталы в XIX – начале XX века, когда были незначительны государственные ассигнования, играли немалую роль, позволяя не только бороться с нищенством, бродяжничеством, но и способствовать ослаблению социальной напряженности в обществе...

Сказать, что историку трудно работать в этом направлении – значит ничего не сказать. Но если преподаватель сам увлечен исследованием, то и его студенты занимаются такой работой с интересом. Они часами сидят в архивах. Нас хорошо знают в областной научной библиотеке, где мы изучаем публикации в газетах прошлого и позапрошлого веков. Для меня приятной неожиданностью оказался выпуск отделом редкой книги областной библиотеки сборника «Вологодские купцы в органах общественного управления и попечительства», составленного студентками экономического факультета О. Козловской и С. Матвеевой.

Несомненно, надо учитывать, что работаем мы со студентами первого и второго курсов, которые еще не имеют опыта исследовательской деятельности. Они накапливают интересный и полезный материал на будущее, когда, вполне возможно, сами возглавят какие-то коммерческие структуры.

2010 год

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ»

А. И. Сазонов родился в Вологде в 1952 году. По первому, техническому, образованию работал на оборонных предприятиях города, по второму, управленческому, возглавлял Вологодское управление ФАС России. С 1977 года водит экскурсии по Вологде. Автор книг по архитектуре города (к 2022 году их тираж составил 78 тысяч экземпляров), публикаций в электронных и печатных СМИ о проблемах сохранения деревянного зодчества Вологды. Публикуемые воспоминания о производственном объединении «Вологодский оптико-механический завод» написаны в 2012 году.

Оглядываясь назад

Пишу эти строки в юбилейный для себя год. Позади трудовая жизнь, три основные вехи: «Электротехмаш», Вологодский оптико-механический завод (ВОМЗ) и антимонопольное управление. И хотя «Оптике» отдано не самое большое число трудовых лет – всего 11, для меня они самые примечательные во многих отношениях. В каких? Об этом и пойдет речь.

На «Оптику» я пришел не со студенческой скамьи. Молодое предприятие уже в 1974 году котировалось высоко и в списке возможных мест для распределения инженеров-механиков Вологодского филиала СЗПИ стояло первым. Моего среднего балла не хватило, чтобы претендовать на первый десяток вакансий. Из чего выбирать? ГПЗ-23? Ну уж нет! Его унылые, без дневного света, коридоры и бескрайние просторы цехов, в которых чувствуешь себя винтиком бездушного механизма, удручающе действовали на психику еще на производственной практике. «Мясомолмаш» и Станкозавод, не говоря о ВПВРЗ и более мелких шарашках, представлялись молодому специалисту вчерашним днем вологодского машиностроения. Оставался «Электротехмаш». С перерывом на армейскую службу и полугодовые «гастроли» в ГПТУ № 28 (пошел туда, чтобы лето было свободно для проведения экскурсий по Вологде, но вскоре понял: не мое) трудился там пять лет.

Специальное конструкторское бюро (СКБ) «Электротехмаша» занималось проектированием и изготовлением нестандартного оборудования для Минрадиопрома. Работа была интересная и ответственная. Но ничто не вечно в этом мире: заказы вдруг сошли на нет, у меня стали возникать мысли о новой работе. Чуть раньше об этом же задумался Женя Кириллов, работавший в СКБ мастером ОТК.

В отделе главного технолога

И вот этот Женя, самый великий жизнелюб и оптимист из тех, кого я знал, человек, видящий цель и не видящий препятствий, свободный от всякого пиетета перед любым начальством, ушел на ВОМЗ и быстро стал Евгением Ивановичем Кирилловым, заместителем главного инженера по подготовке производства и новой технике. Подталкивая меня следовать за ним, он привел пример еще одного быстрого карьерного роста – Валерия Николаевича Левинского, тоже, кстати, оптимиста и юмориста по жизни.

Первое впечатление от нового завода: я не в Вологде, а на каком-то ленинградском предприятии. Чистые, светлые и безлюдные коридоры, за стеклянными перегородками люди в халатах. Нигде нет выщербленных ступенек, отколовшейся плитки, между производственными корпусами ухоженная территория. Потом, когда побывал на ЛОМО, понял, откуда такая культура производства.

Первые месяца два на работу, честно говоря, идти не хотелось – настолько трудно проходила адаптация. Представьте себе большое помещение типа студенческой аудитории, где за рядами столов сидят люди. Именно так в июне 1981 года размещались специалисты практически всех бюро, входящих в отдел главного технолога. Мне поручили разрабатывать программы для ивановских обрабатывающих центров с программным обеспечением японской фирмы. В институте ничему подобному не учили. Разбираться с «японской грамотой» пришлось самостоятельно. Найти общий язык с коллегами не получалось. Ну как же: явился человек, ни уха ни рыла не понимающий, а ему сразу дали первую категорию и оклад в 175 рублей! Так, скорее всего, думали коллеги. Иногда в отдел по-дружески заглядывал Женя Кириллов, что лишь усиливало отчуждение. Ненавязчиво поддерживал меня

только начальник бюро Евгений Мартынович Косарев, приезжий специалист высокого класса и при этом скромный и доброжелательный человек. Первоначальное прохладно-настороженное отношение коллег к себе отмечали и другие мои знакомые по «Оптике». На «Оптике» нужно было себя проявить, чтобы на тебя стали смотреть по-другому. Так получилось и со мной.

В бюро работал еще один корифей своего дела – Александр Михайлович Мителев, недавний выпускник нашего политеха, но уже читавший там лекции для вечерников. Человеком он был очень спокойным, но передавая мне для технологического сопровождения корпус одного из изделий основной номенклатуры завода, он не мог скрыть радости.

Взглянув на этот «кусочек железа», в котором воздуха было больше, чем металла, и на несколько ватманских листов чертежей «детальки», я понял, что в «оборонке» технолога ни во что не ставят: что конструктор нарисовал, то – закон. В Минрадиопроме же существовала целая система отраслевых стандартов по отработке на технологичность. Принес я эти ОСТы с «Техмаша», встал за кульман и начал чертить технологические карты. Даже на обрабатывающем центре корпус можно было обработать последовательно только за четыре установки, соответственно, требовалось написать четыре программы. При этом выявлялась масса ошибок в конструкторских чертежах. Пришлось плотно работать с ведущим конструктором по этому изделию Александром Бариновым, с которым сразу нашли общий язык. Стал замечать, что коллеги стали смотреть на меня другими глазами, контакт со всеми налажился. Потом сменил белый халат на черный и стал внедрять то, что наваял за кульманом, уже в цехе. Тут пришлось по ходу дела исправлять свои ошибки. Слава богу, ивановская техника с японской начинкой имела «защиту от дурака» и вовремя останавливалась, прочитав некорректную команду программиста.

С известным в стране в 1980-е годы Ивановским станкостроительным производственным объединением у нашего завода установилась тесная связь. Мы первые в стране получили новую ивановскую разработку – 36-инструментальный обрабатывающий центр с неофициальным названием «Малыш». Перед этим я ездил в Иваново с ним знакомиться. Главный инженер нашего завода В. В. Потелов поставил задачу – первая стружка должна

пойти через четыре часа после доставки станка на завод. Глядя из дня сегодняшнего, думаешь – а зачем? Но амбиции руководства заражали, и постепенно ощущение того, что на «Оптике» все самое передовое, становилось твоим личным. Через некоторое время из этих центров выстроилась целая линия «Талка», с обхода которой начинал свой день генеральный директор В. А. Ильин. В его «свиту» входили все причастные к внедрению линии, их рабочий день также стал начинаться в семь утра. Чуть позже и весь механический цех был аттестован в цех-полуавтомат. В этом процессе я участвовал, работая уже в отделе подготовки производства. Но до этого жизнь преподнесла еще несколько сюрпризов. Хотя следует признать, что все случайности на заводе укладывались в марксистско-гегелевскую диалектическую формулу – «случайность есть проявление закономерности».

Ключевое слово на «Оптике»

Если бы меня попросили охарактеризовать наш завод одним словом, это было бы слово «система». В. А. Ильин неоднократно повторял, что управление – это профессия. А высказывание булгаковского Воланда – «для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколь-нибудь приличный срок» – реализовывалось на заводе неукоснительно. Системный подход проявлялся во всем. Взять хоть кадровую политику. На своем примере покажу, как эта политика касалась рядового работника.

После того, как отношения с коллегами стали комфортными, захотелось еще в чем-то себя проявить. После десятка общественных нагрузок, которые я тащил в СКБ, заниматься только одной работой казалось скучновато. А любимым занятием в СКБ был выпуск стенгазеты. Члены редколлегии «отрывались по полной», равняясь на образец юмористического жанра эпохи застоя – «Клуб «12 стульев» «Литературной газеты». Решил перенести этот опыт и на «Оптику». Собрав группу единомышленников, инициировал к 8 Марта выпуск стенгазеты в отделе главного технолога с шутивными поздравлениями от лица конкретных мужчин. Некоторые из них неожиданно обиделись и пожаловались в партбюро. После моих публичных извинений от лица редколлегии с обещанием никогда не иметь дела со стеной пе-

чатку, изрядно повеселивших молодежь, более зрелые товарищи избрали меня секретарем партбюро ОГТ.

В результате я автоматически попал в поле зрения руководства, был вызван к В. А. Ильину для назначения стажером на должность начальника цеха микроэлектроники. Владимир Александрович начал разговор со своей классической фразы: «Человек вы уже не первой молодости...» Скоро я понял: это не мое. Пришел как-то с утра пораньше к генеральному и отказался от стажерства. Тем более, что был уже приглашен в другой отдел.

Сердце завода

Отдел подготовки производства в 1984 году возглавлял Александр Александрович (в разговоре, конечно, Сан Саныч) Пишенин, склонный к полноте человек с красноватым оттенком лица, с неумной энергией и быстрой речью. При встрече с ним возникало желание вскочить, бежать, за что-то хвататься, по пути соображая, зачем, куда и за что. По совокупности душевных качеств и облика он ассоциировался у меня с диккенсовским мистером Пиквиком.

Возглавляемый Пишениным отдел занимался текущим и перспективным планированием, расчетом производственных мощностей. Можно сказать, что ключевое на заводе слово «система» брало свое начало именно здесь. Отдел иногда называли «сердцем» завода, но, как всех контролеров, нас недолюбливали и недооценивали. Лишь много лет спустя от бывшей коллеги, сотрудницы не очень успешно работающей коммерческой структуры, я услышал: «Только теперь я поняла, зачем был нужен на заводе ваш отдел».

Людям некоммуникабельным, слишком серьезным, без доли здорового юмора в этом отделе приходилось нелегко. С этой точки зрения (вот еще одно выражение В. А. Ильина) человеком на своем месте был Михаил Ильич Каратаев, работавший в отделе начальником бюро подготовки производства, сочетавший в себе легкость в общении с требовательностью к коллегам из других подразделений. Жаль, что недолго довелось ему жить на этом свете. Хотя, если говорить о требовательности до степени въедливости и дотошности, копания «до руды», то более соответствующего таким качествам человека, чем Владимир Васильевич Дементьев, возглавивший отдел после А. А. Пишенина, я в Вологде

не встречал. Если Сан Саныч напоминал мне персонажа Диккенса, то типаж В. В. Дементьева мог бы описать только наш Гоголь, жаль, не успел. Чтобы было понятно, что я не преувеличиваю, скажу, что Владимир Васильевич уже в начале нашего века пошел в одиночку против городской системы ЖКХ и отстоял свои права в нескольких судах. Как говорится, без комментариев.

Хочу сказать еще об одном человеке, с которым мне повезло работать как с начальником отдела подготовки производства и как с заместителем главного инженера. Сергей Викторович Грибанов, на мой взгляд, зримое воплощение тезиса, что руководитель – это профессия. Сформулировать задачу, наметить план ее выполнения, организовать работу и самому в нее впрячься так, что работать вполсилы становилось стыдно – все это он умел и умеет прекрасно. А замечательные человеческие качества притягивали и притягивают к нему людей. Сейчас, идя вместе с ним по улицам нашего города, трудно сосредоточиться на разговоре: прохожие постоянно с ним здороваются.

Все, кто заходил в наш отдел, должны помнить Тамару Николаевну Папшеву – скромного человека, добротой души которой некоторые умело пользовались не только при переносе сроков по контрольным карточкам, но и по ее общественной должности – директора народного книжного магазина. Молодым напомним, что жили мы тогда в эпоху дефицита, в том числе книжного.

«Сердце» завода замирало ежегодно 31 декабря, но идти к новогодним столам с чистой совестью можно было лишь тогда, когда на плане развития завода на предстоящий год высухали чернила автографа Ильина под надписью «Утверждаю». Шутки шутками, но работа в отделе подготовки производства давала возможность увидеть завод с высоты птичьего полета и еще раз убедиться в продуманности, цельности и логичности системы.

Умообразующее предприятие, или Еще раз о системе

Работник «Оптики» постоянно учился, причем с первого дня работы на заводе. Одной из моих обязанностей было чтение лекций для новых работников об истории, сегодняшнем дне и перспективах предприятия. Специалисты еженедельно в читальном зале библиотеки знакомились с информационными подборками

и периодикой по своей специальности. Стажеры в обязательном порядке проходили курс управленческих дисциплин в одном из столичных вузов. ИТР также периодически повышали квалификацию: я, например, ездил в Подольск и в Тольятти.

Вершиной организации работы мысли, собственной и коллективной, в стране в то время были организационно-деятельностные игры (ОДИ), теорию и методику проведения которых разработал Пётр Щедровицкий. Естественно, на завод были приглашены его последователи. С гостями и с приезжающим начальством я обычно проводил экскурсии по городу. Нестандартные краткие комментарии учеников Щедровицкого в ходе экскурсии выдавали в них людей с совершенно другой организацией ума. Их собственная вступительная лекция к курсу продолжалась... пять минут. Одного же из руководителей подразделений завода, участника ОДИ, организаторы довели до слез – настолько зримо тот осознал собственное несовершенство. Запомнилась также учеба, проведенная датскими специалистами, о методике планирования своей жизни, начиная от цели всей жизни и кончая планом на сегодняшний день, который должен работать на генеральную цель. Если бы еще русский человек, знающий что, как и зачем делать, имел силу воли для реализации этих знаний... Для самых упорных и целеустремленных, не жалеющих двадцати дней своего отпуска, на «Оптике» было организовано изучение иностранных языков суггесто-кибернетическим методом, основанном на активизации работы подсознания.

Одной из традиций, принесенных Ильиным, были регулярные отчеты руководителей подразделений завода начиная от начальников бюро. Организацией таких еженедельных совещаний в отделе подготовки производства занималась Е. В. Милюкова. Специалисты отчитывались о сделанной работе и рассказывали о планах, иногда фантастических. Например, было предложено выпускать «умный» брелок, который откликался звуковым сигналом на свист хозяина в случае потери ключей. Демонстрация прошла успешно, но прибор внедрен не был: брелок упорно реагировал только на свист конструктора-разработчика.

Можно сказать, что если подшипниковый завод был градообразующим предприятием для южного района Вологды, то наш оптико-механический завод стал для Вологды пред-

приятием «умообразующим». Опыт программно-целевого планирования, например, был использован при разработке комплексной программы развития мясокомбината и городской программы «Город – селу». Система воспитывала и организовывала людей. Багаж знаний и навыков применялся и на новых местах работы. В перестроечные и постперестроечные годы ВОМЗ стал кузницей кадров для города: в каких только сферах не встретишь сейчас бывших коллег. Главный инженер объединения В. В. Петров как-то обмолвился при мне об одном из бывших работников: «Вот ведь как: на "Оптике" был последний..., а в городе в люди выбился».

Лично для меня школа «Оптики» очень пригодилась на работе в Антимонопольном управлении.

То же можно сказать и о работавших здесь же бывших «оптиковцах»: Александре Николаевиче Трудове, Вячеславе Степановиче Поярове и Евгении Васильевне Милюковой, создавших в 1992–1993 годах разветвленную систему защиты прав потребителей в Вологодской области, сейчас, к сожалению, разрушенную на районном уровне.

Твори, выдумывай, пробуй!

Работая на заводе, привык к тому, что все новшества сначала появлялись у нас: электронное табло при входе, кабинет психологической разгрузки, кислородные коктейли. ВОМЗ традиционно был инициатором городских субботников. Запомнился один из них – в День Земли, когда в первый раз очищали русло речки Золотухи.

*А. И. Сазонов читает лекцию
для новых работников.
Май 1988 года*

Поощрялась и инициатива работников, можно было проявить себя во всех ипостасях. Это легко показать на собственном примере. Поучаствовал в конкурсе на эмблему завода – получил премию в 25 рублей за второе место, а в конкурсе на название микроволновки повезло другим. Как-то зашел разговор с генеральным директором краеведческого музея Г. М. Новожиловой об организации на заводе выставок из фондов музея по примеру Музея одной картины в Пензе. Вскоре на заводе было выделено помещение для демонстрации отреставрированной картины академика Платона Тюриня, а искусствовед М. Е. Даен прочла лекцию о художнике. А вот следующая инициатива закончилась для меня печально. По просьбе реставратора Н. И. Федышина я помог сделать гальванопокрытие текс-гвоздей, нужных для реставрации икон, но на выходе с завода меня задержала бдительная охрана.

В период работы на «Оптике» все ясней стала прорисовываться вторая линия моей жизни – та, что связана с Вологдой. Как экскурсовод, стал вести в заводской многотиражке «Время» «вологодскую тему»: фотовикторину, рубрику «Легенды Вологды», цикл о деревянном зодчестве. В редакции стал завсегдатаем. Параллельно писал в областные газеты и появившиеся городские: «Вологда», «Вологодские новости». Доброе слово хотелось бы сказать о редакторе газеты Вере Ивановне Масловой, талантливой поэтессе, человеке, умевшем радоваться успехам других, сказать слово поддержки. Мысль издать статьи о Вологде в виде книги пришла именно тогда. А буклет о деревянном зодчестве Вологды и пара туристических схем уже были напечатаны в типографии ПО «ВОМЗ». На заводе же вступил в общество «Знание», читал лекции о Вологде как на предприятии, так и в городе.

Скучной и пустоватой жизнь уже не казалась, но грянула перестройка и перечеркнула многое из намеченных планов. Начался исход народа с «Оптики». Не был исключением и я. Сейчас воспринимаю работу на ВОМЗ как причастность к чему-то большому и важному, что было выше меня, чему старался соответствовать.

Мы – с «Оптики»

Вспоминаю, как в дождливый октябрьский день 30-летия ПО «ВОМЗ» группа бывших «оптиковцев», не приглашенных на официальное мероприятие, собралась в «черном» зале ресторана

«Спасский». Уютная ли обстановка, неосознанная ли потребность увидеть тех, в общении с кем прошел приличный отрезок жизни, оживили дела минувших дней, и воспоминания полились потоком, так что взявший на себя роль тамады Сергей Викторович Грибанов с большим трудом сдерживал желающих произнести тост.

В зале собрались производственники и банкиры, госслужащие и предприниматели. Разные, казалось бы, люди. Но каждый отдал как минимум десяток лет предприятию. И хотя большинство почти десять лет назад ушло с завода, но то общее, что заложено было системой, школой Ильина, оказалось сильнее того, что разъединило нас за эти годы. Чья-то прозвучавшая мысль, что сидящие за столом – готовая команда для нового дела, была бы поставлена задача да выпущены контрольные карточки, не показалась преувеличением.

В период работы на «Оптике» такого единства душ, может быть, и не ощущалось, но не нами сказано:

*Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.*

Говорили каждый о своих моментах заводской жизни – и серьезных, и курьезных, а в общем, об одном: об объединяющем духе «Оптики». Стало вдруг жаль, что атмосфера душевного единения исчезнет, останутся невысказанными те мелочи жизни, из которых и состоит Жизнь с большой буквы. Подумалось: неужели нынешним и будущим заводчанам неинтересны эти живые моменты, связанные с периодом становления и расцвета нашей «Оптики»?

Двадцать лет спустя

Начал писать эти воспоминания в юбилейный для себя год, заканчиваю в преддверии пятидесятилетия завода, в 2021-м году. Радует, что и руководство предприятия, и коллектив достигли той степени зрелости, когда понимаешь, что ты лишь звено в жизненной цепи, но именно от тебя зависит, порвется или сохранится связь времен. В первом зале заводского музея, открытого в 2016-м году, эта связь наглядно видна. К созданию музея немного приложил руку и я.

Когда проходил через знакомые и одновременно новые уголки завода, к своему удивлению, встретил не один десяток людей,

которые помнили меня и которых помнил я. С ностальгическим чувством постоял у «своего» обрабатывающего центра ИР-800, сиротливо затерявшегося среди современных собратьев. Возможность снова окунуться в жизнь когда-то родного завода через десятки лет сама по себе уникальна! Конечно, при встрече с реальным предприятием палитра воспоминаний в оценке людей и завода немного сместилась от розово-голубого к более сдержанным тонам, но ни от чего написанного не откажусь и сейчас.

На вопрос, есть ли общие черты, отличающие типичного работника ВОМЗ от других? – отвечаю утвердительно: «Да, есть!» Главное – это чувство ответственности за порученное дело и стремление сделать его хорошо. Понимание слова «надо», когда все личные дела и заботы подчиняются общей задаче, нацелены на результат. Убеждение, что для этого нужно работать в команде, где нет места мелким интригам, делению обязанностей на мои и твои, подсчету денег в чужом кармане и так далее.

Когда работал на заводе, наличие таких качеств у работников представлялось само собой разумеющимся. То, что эти ценности разделяют не все, дошло до меня, когда оказался в другой среде, в другом коллективе. Но привыкнуть к иному уже невозможно. Перефразируя классика, могу сказать, что почти всем лучшим во мне я обязан «Оптике».

Алла Иосифовна Казанцева

ВОЛОГДА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Я живу в Вологде тридцать пять лет. Приехали сюда с дочкой в далеком 1986-м году. После долгого и жаркого лета на родине удивило скромное солнышко летом и суровость зимы. Хотелось побыстрее прижиться на новом месте. Устроилась на работу в общество «Знание», а дочку определила в школу. Записались в разные кружки, стали ходить на выставки, знакомиться с народным и современным творчеством вологжан. Все музеи размещались в исторических местах, в старинных особняках. Они и сейчас гордость города.

Первым удивил, конечно, Софийский собор. Пройдя короткой улочкой между двухэтажных домов, вдруг попали на Кремлёвскую площадь с пятиглавым собором с золоченым куполом колокольни. Захватывает дух от такой красоты и величия! Сразу вспоминается история строительства собора по повелению царя Ивана Грозного, желавшего перенести сюда столицу. Рядом находятся действующая церковь Александра Невского и Воскресенский собор, в котором до 2017 года размещалась Вологодская областная картинная галерея. Сюда спешили горожане, интересующиеся живописью, скульптурой, прикладным искусством.

*Алла Казанцева.
1980-е годы*

Центр культурной жизни

Уже на подходе к картинной галерее вырастаешь духовно, ожидая путешествия в мир художественного творчества. Каждое открытие вернисажа сопровождалось выступлением знатоков искусства, организаторы обязательно знакомили нас с молодыми голосами из музыкального колледжа или с певцами из педагогического университета, из школ и самодеятельных коллективов. Первое знакомство с экспонатами выставок у меня было самостоятельным, позже старалась попасть на встречу с художником, где он после беседы становился понятнее и ближе. Дальше, если повезет, послушаешь экскурсовода – тогда еще глубже проникнешь в историю создания полотен и обратишь внимание на то, что прошло бы мимо сознания.

Встречи обычно вел директор картинной галереи Владимир Валентинович Воропанов. Как радушный хозяин, он заботился, чтобы все чувствовали себя уютно, находил для этого остроумные или шуточные слова, так что время летело незаметно.

В подробностях помню выставки ведущих художников Вологодчины: Олега Бороздина, Джанны Тутунджан, Татьяны Чистяковой, Юрия Воронова, Евгения Соколова, Валентины Шапкиной, Виктора Седова, Валерия Попова, коллекционера Евгения Лунина. Помню выставки: «Художники о Рубцове», «Николай Баскаков и его ученики», выставки московских мастеров – Зураба Церетели, Ильи Глазунова, Лии Павловой, Сергея Андрияки, Ивана Глазунова.

Недалеко, на улице Сергея Орлова, 15, находится филиал картинной галереи – Шаламовский дом. Там со своей семьей жил в детские и юношеские годы будущий писатель. Сейчас здесь музей изобразительного искусства. Работает постоянная выставка «Живопись XVIII– XX веков». Время от времени дополняют вернисаж другие выставки. Вспоминается богатая коллекция «Автопортреты вологодских художников XX – XXI веков». Как нам объяснили, здесь художник и модель слиты в одном лице, поэтому приоткрывается духовный мир мастера.

Владимир Корбаков изобразил себя рядом с городским пейзажем с зажатой в пальцах кисточкой и бабочкой на руке. Портрет Александра Пантелеева создан на фоне архитектуры старинного итальянского города со знаменитой Пизанской башней. Холодом веет от «Автопортрета на Аляске» – Владимир Латынцев стоит на берегу с мольбертом, а за ним снежные горы, корабль на ледяной воде залива. Это завершение длительной поездки автора на край земли. Сибирским мудрецом смотрит с картины художник с Алтая Валерий Попов. Так и ощущаешь за ним тайны и загадки Севера.

Запомнилась выставка работ Ивана Айвазовского. Непокойное, бушующее море на его полотнах всегда будит чувство тревоги. Мне запомнился рассказ зрительницы о ее поездке на родину художника в Феодосию. Мы узнали, что по инициативе Айвазовского в те края провели железную дорогу, а позже в городе появилась своя питьевая вода. Много лет воду привозили танкерами из других мест. Художник подарил городу скважину, находящуюся на его участке. Спроектировал и построил на свои средства фонтан с питьевой водой, подарил городу основанную им галерею, в которой, помимо его работ, были картины его друзей.

На другой выставке произвели впечатление картины трех братьев Маковских – Константина, Владимира, Николая и их сестры Александры. Работы у них многожанровые: сценки из жиз-

ни, пейзажи, портреты. Мне особенно запомнились известная нам со школы картина «Дети, бегущие от грозы», а также «Боярышня», «Девушка в русском костюме» и портреты счастливых нарядных детей.

С Кремлёвской площади, или, по-другому, Соборной горки, не хочется уходить. Зайдем во внутренний дворик. Справа находится Вологодский краеведческий музей-заповедник, где хорошо представлена история края начиная с древних времен. Слева увидим большой корпус, в котором размещен отдел древнерусского искусства. На нижнем этаже знакомимся с бытом вологжан – расписные прялки и посудные шкафчики, плетеные сани и берестяные туеса, национальная одежда. В такой художественной обстановке работал кружок «Вологодские росписи», куда я некоторое время ходила. Почувствовав желание предков окружать себя красотой, я охотно перенимала их манеру росписи. Старательно водила кисточкой с гуашью – получались яркие листики, розочки, веточки с клюквой. Вела занятия заведующая художественным отделом музея Ангелина Аркадьевна Глебова со своими помощницами.

В этом кремлевском корпусе часто проводятся выставки творческих коллективов. Особенно запомнилась выставка «Золотое зерно традиций». Здесь заслуженный художник России Евгений Соколов знакомил посетителей со своими полотнами. От них трудно отойти – мы смотрим на просторы Северной Руси. Вот на фоне прибрежной зелени красуется старинный туесок или чугунок с россыпью полевых ромашек, васильков, золотых колосьев. Глаз не оторвать от близких сердцу уголков природы!

На втором этаже корпуса работает постоянная выставка икон. Сюда приходят люди поклониться святым ликам, студенты с мольбертами старательно копируют мастерски исполненные образы.

Когда выйдем из этого корпуса, по левую руку увидим еще флигель. Там когда-то удивила меня выставка любителей фиалок. Разноцветные живые цветы красовались в крохотных вазончиках и горшочках. Как мало жизненного места им надо и как благородно они цветут при правильном уходе!

В другой раз мы смотрели выставку фотохудожника Екатерины Рождественской, которую можно назвать «исторический фотопортрет». Автор приблизила к зрителям картины художников-классиков, оживив их лицами наших современников.

За двенадцать лет работы, что Екатерина Робертовна занимается фотографией, ею выполнено 2500 портретов, объединенных в 30 проектов. Среди них – «Частная коллекция», «Ассоциации», «Мужчина и женщина», «Мечты детства», «Братья и сестры», «Родня», «Классика», «Сказки» и другие.

У краеведческого музея есть филиал на Советском проспекте, 16. Это старинный особнячок, типичный жилой дом XIX века. Поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, попадаешь в большой зал со множеством столов в центре. Там занимаются рукоделием женщины разных возрастов в студиях авторской куклы, росписи, лоскутного шитья, акварели. В две последние студии я тоже ходила.

Преподаватель студии лоскутного шитья Надежда Альбертовна Поливина объясняет, как шить большое полотно из кусочков. Еще педагог интересуется народной куклой. Это большой пласт культуры северных народов. Она рассказывала нам, что были куклы «неразлучники», «зернушки», «травницы». Девочки лет двенадцати выставляли самодельных кукол напоказ, доказывая, что они тоже многому научились.

Заканчивал работу один кружок, начинал занятия другой. Акварелисты рисовали пейзажи, цветы в любое время года. Удивляло, что для образца была предложена одна фотография, а получалось у всех по-разному. Хотелось добиться результатов быстрее и проще. Надежда Владимировна Путилова, руководитель студии, говорила: «Будет просто, когда повторите раз по сто».

Приближалась Масленица. Заведующая отделом краеведческого музея Ангелина Аркадьевна Глебова провела занятие, где поведала нам о традиции в этот праздник печь блины, по форме напоминающие солнце, рассказала о печатных пряниках. У нее целая коллекция деревянных форм, в которых она дома испекла красивые вкусные пряники и принесла нам, угостила чаем.

Запомнились мне встречи в филиале картинной галереи – Музейно-творческом центре народного художника В. Н. Корбакова на улице Октябрьской, 13. Там работает клуб любителей искусства. Две встречи в месяц посвящаются людям культуры – певцам, поэтам, художникам, общественным деятелям, писателям. Вел эти встречи В. В. Воропанов. Любая тема подавалась интересно. Дирижер духового оркестра Виктор Кочнев занятно рассказывал

о жизни музыкантов, а с большого экрана мы увидели и услышали его оркестр в действии. Дважды в месяц нам показывали художественные фильмы, которые подбирала киновед Татьяна Канунова. Она приводила интересные штрихи из биографии режиссеров и актеров, показывала отрывки из хороших кинолент. Вспоминаются темы об испанском певце Рафаэле, о фильме «Пусть говорят», об актерах Анастасии Вертинской и Владимире Кореневе в фильме «Человек-амфибия», о режиссере Андрее Тарковском и его фильме «Ностальгия».

В Доме Корбакова часто меняются экспозиции выставок. Владимир Николаевич охотно откликнулся на любые события в мире и в нашей стране, поэтому на любую дату у него всегда находились полотна – написанные ранее или новые. Здесь и работы, посвященные войнам (Великой Отечественной, Русско-японской), путешествиям в разные страны (Швецию, Грецию, Италию), родные пейзажи и цветаевские места в Тарусе.

Помню выставку московского автора Наталии Нестеровой... В общем, здесь всегда есть, на что посмотреть и кого послушать.

За большую работу, внимание к авторам, горожанам и гостям города желаю сотрудникам Вологодской картинной галереи процветания и любознательных, уважительных зрителей!

Радуга в музее

С удовольствием захожу в музей «Мир забытых вещей». Особняк XIX века на улице Ленинградской сохранили с любовью. В каждой комнате сберегли вещи, окружавшие наших предков: мебель, настольные лампы, посуду, нарядные шторы, игрушки, портреты, фотографии. На верхних этажах, постоянно сменяя друг друга, открываются выставки. В тот день стены уютного зала пестрели радужным светом картин преподавателя Вологодского государственного университета Татьяны Глибкиной. Она специалист во многих видах живописи. Это и масло, и акварель, и батик – роспись по ткани.

Позже, зайдя к ней в аудиторию вуза, где старательно трудились над своими работами студенты, я заметила несколько подрамников с натянутой тканью. Это девушки попросили мастера показать им, как создается батик. Может быть, кто-то из них по-настоящему увлечется необычным видом живописи.

Татьяна Александровна, занимаясь со студентами, обращает их внимание на законы колористики, рассказывая, как они важны в профессии строителя, архитектора и в жизни любого человека, как цвет и свет влияют на восприятие строений и внутреннего интерьера.

Студенты со своим преподавателем на летней практике, пленэре, устраиваются с мольбертами на старинных улочках в районе исторической застройки Вологды, дорогой сердцу горожан. Так прививается уважение и восхищение творчеством древних мастеров. Студенты видят, с какой любовью построены здания и как тонко они украшены резьбой.

«Богини бытия»

Несколько лет в мемориальной мастерской А. В. Пантелеева (филиале Вологодской картинной галереи по улице Козленской, 4) женщины-художницы открывают к 8 Марта свою выставку. Я побывала на одной из них. Она называлась «Белые мечты». Зритель вспоминает, что можно подумать о белом цвете: мартовский снег – конец зимы, белый лист бумаги – начало работы, белая глина – чистота.

Мастерская Александра Васильевича Пантелеева находится в строгом крепком кирпичном старинном здании постройки конца XIX века. Художник – певец индустриального пейзажа. Домны, стройки, заводы восхищают его и зрителя силой разума и мастерством человека. Но в день открытия женской выставки здесь царили красота и нежность. Стены зала украсили 90 работ мастеров живописи, графики, керамики, росписи, ювелирного искусства. Все они отдали дань благородному белому цвету, но и не забыли, что он состоит из семи других. Поэтому обрадовали посетителей и небесно-голубые незабудки, и хрустальный излом охристых тонов, и радужный батик. Среди авторов выставки были знакомые имена – керамист Татьяна Чистякова, Надежда Костромитина с расписным фарфором, Ольга Бороздина с неземными цветами.

Мужчины произнесли в стихах и прозе, спели под гитару много красивых слов-поздравлений. Женщины услышали, что они «богини бытия», «символ гармонии и мира». Запомнились строчки: «Тает снег, и тают льдины от подаренных цветов» – со всем этим хотелось согласиться.

Если войти в это здание со двора, миновав ажурные чугунные ворота, то окажешься в мастерской заслуженного художника России Татьяны Чистяковой. Она мастер декоративно-прикладного искусства. Для творчества использует такие материалы, как глина, терракота, шамот, фаянс. Работает в технике лепки, росписи, обжига.

Что особенно дорого в ее творчестве, так это любование Вологдой, которое ощущаешь, глядя на ее работы. Довольно глубокая ниша, а в ней уютно расположились старинные дома или дворики, улицы деревянного северного города. Там могут быть и жители – мама с детской коляской, ребенок с санками, всадник на лошади. А то увидим целый набор керамических заварочных чайников с необычными крышками, на которых то птички сидят, то набросаны колоски с васильками. Еще есть небольшие изделия со снегирем на ветке или тюльпанами. Грустно оттого, что здесь запечатлена Вологда уходящая. Тем ценнее работы мастера.

Года полтора я работала в городском обществе «Знание», которое находилось в оригинальном здании начала XIX века на улице Ленина, 2. Общество «Знание» ежемесячно организовывало популярные лекции на заводах, фабриках, учреждениях, столовых, магазинах, парикмахерских, общежитиях. Лекции читались лучшими преподавателями вузов, лекторами-международниками, медиками, журналистами, артистами театров.

Так как я раньше работала многие годы корректором в газете и журнале, то согласилась перейти в газету «Политехник» Вологодского политехнического института. Со временем он стал называться Вологодским государственным техническим университетом. Располагался в нескольких зданиях – и старинных, и современных. Редакция газеты «Политехник» находилась на улице Ленина, 5. Это здание – памятник архитектуры XVIII–XIX веков. До революции здесь находилась Вологодская духовная семинария, а сейчас Вологодский государственный университет.

Для газеты мы готовили материалы, сами верстали ее и печатали. После перестроечных лет студенты стали чаще выезжать в разные города и даже страны – на олимпиады, конференции, практику, в туристические поездки, связанные с будущей профессией и волонтерством. Мы с ними беседовали и публиковали интервью с фотографиями в вузовской газете. Педагоги рассказывали,

как они готовят специалистов, какие используют методики, чтобы увлечь ребят профессией, о своих путешествиях в Англию, Италию и даже Африку.

В парадном актовом зале каждый праздник выступали студенты с песнями, танцами, вузовский хор, студия бардовской песни. Начала работать «Студенческая филармония». Профессиональные музыканты в популярной форме знакомили молодежь с классическими направлениями музыки.

Немаловажная часть работы вузовского профсоюза – туристические путевки летом. Мы с дочкой побывали в путешествиях на теплоходе по Волге, были в Риге, Алуште. Так что с небольшой моей зарплатой смогли увидеть страну.

О благотворительности

Работая в ВоГУ, я много лет была волонтером Вологодского детского фонда. Председатель общества «Знание» Милитина Ивановна Кукушкина перешла в 1988 году работать в недавно созданное областное отделение Советского детского фонда имени В. И. Ленина, руководителем которого стал известный писатель Альберт Лиханов. Председателем Вологодского фонда был В. А. Шутов, заслуженный учитель школы РСФСР, свыше 30 лет возглавлявший областной отдел народного образования, а с 1994 года председателем стал Ю. М. Леднев – журналист и известный писатель.

Оказалось, что много людей и даже семей нуждаются в помощи – не только финансовой, но и медицинской. Сотрудники фонда сразу включились в работу, помогая детским домам, многодетным и неполным семьям, малообеспеченным. Находился фонд в крепком особняке на улице Октябрьской, 11, построенном в конце XIX века, в двух просторных комнатах. В одной принимали родителей, обратившихся за помощью, а в другой устраивали выставки вологодских художников, сочувствующих работе фонда. Так семьи узнали вологодских живописцев Н. Корбакова, Ю. Петрова, В. Вахрамеева, С. Радюка, А. Рябкова, А. Чиркова, Г. Дементьеву, А. Медведскую, В. Иванова, увидели прекрасные работы ребят детских художественных школ Вологды и Великого Устюга, мягкие игрушки детей Сокольской школы-интерната. Семь лет в фонде организовывали выставки педагоги детской

студии керамики «Синяя птица» Центра дополнительного образования города. С 2017 года фонд работает в доме исторической застройки на Советском проспекте, 8. Возглавляет его Татьяна Сергеевна Голубева.

Работа Детского фонда все 33 года была востребована. Если только перечислить его добрые дела, получится внушительный список. В перестроечные годы слабо слышащие дети оказались без слуховых аппаратов. Позже в помощи стали нуждаться дети-диабетики, им были необходимы глюкометры – измерители уровня сахара в крови. Фонд стал собирать средства, покупать аппараты и дарить их детям. Помогали купить дорогие лекарства, участвовали в дорогостоящих операциях, реабилитации, некоторым детям оплачивали массаж, лечение в клиниках других городов.

Во многих семьях не хватало денег на еду, одежду, обувь, школьные товары, игрушки. Волонтеры все это приносили – находили дарителей или делились своими вещами. Склад регулярно пополнялся – люди сочувствовали нуждающимся семьям.

Очень нужной студентам колледжей и вузов оказалась программа фонда «Мы верим в тебя». Это стипендии ребятам, желающим получить образование, профессию. Выплачивается она все годы обучения.

Особая программа – помощь талантливым детям. Им фонд помогает поехать в другой город на конкурс или спортивный чемпионат, купить инструменты. В день 25-летия фонда коллективу детской студии керамики «Синяя птица» Милитина Ивановна, председатель фонда с 2005 года, вручила сертификат на экскурсию в Москву и посещение спектакля МХАТ им. М. Горького «Синяя птица», детскому дому им. В. Гаврилина – установку мультимедиа, а семейному детскому дому Смирновых – холодильник. Много лет совместно с «Вологдаэнерго» детям дарили путевки в оздоровительный лагерь на Чёрном море «Зарница – Лазурный».

1 июня, в День защиты детей, фонд радуется своих подопечных походами в ТЮЗ и Драмтеатр. Дети сопереживают героям спектаклей «Дюймовочка», «Волшебная лампа Алладина», «Остров сокровищ», «Бременские музыканты».

Милитина Ивановна Кукушкина в 2015 году была награждена орденом Святого благоверного царевича Димитрия «За дела

милосердия». В. А. Шутова, Ю. М. Леднева и М. И. Кукушкину можно назвать основателями общественной благотворительной организации защитников детства в нашей области.

Вся эта работа была бы невозможной без помощи вологжан. Кто-то оказал материальную помощь, кто-то поделился своими запасами, руководители некоторых организаций поддержали дорогостоящие медицинские программы. Например, «Северсталь», Сбербанк, «Севергазбанк», «Вологдаэнерго», ООО «Строймост», Шекснинское и Грязовецкое ЛПУ, филиал «Лукойл-Волга-нефтепродукт», ЗАО «Вологодский электромеханический завод», ООО «Термоизолстрой». В результате помощь была оказана тысячам вологжан и жителей области. Спасибо всем огромное от Детского фонда и его подопечных!

Перечитываю свои воспоминания и понимаю, какой большой пласт культурной жизни я увидела за эти годы! Конечно, он далеко не полный. Надеюсь, что другие авторы напишут об иных сторонах жизни Вологды.

Татьяна Викторовна Проничева

НАШЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

Общежитие располагалось в деревянном двухэтажном доме на набережной VI Армии, 195а. Как сейчас вижу нашу деревяшку, а напротив обычный жилой дом, в окнах которого люди готовят еду, смеются, ругаются, плачут, укачивают детей. А мы счастливые, молодые, мы – студенты юрфака. Все наше общежитие в 26 комнат – одна большая семья. Мы все ходим друг к другу в гости, все вместе готовим на общей кухне неизменную жареную картошку, вместе ездим на 16-м автобусе на лекции, возвращаемся пешком через пешеходный мост по набережной. Влюбляемся, клянемся в верности, катаемся зимой с горки на реке, ходим на субботники, поем песни под гитару, вместе готовимся к экзамену в учебке, ведем душевные разговоры на выкрашенной оранжевой краской лестнице, ведущей на второй этаж. Мы все

любим наших вахтерш, как родных бабушек – Зою Борисовну, Майю Романовну, Галину Сергеевну. Они зовут нас к телефону, когда нам звонят родители. Мобильные телефоны есть еще далеко не у всех.

Сегодня, спустя более 13 лет после того, как мы последний раз переступили порог нашего студенческого общежития, воспоминания о двухэтажном деревянном доме, в котором прошла наша студенческая молодость, даются непросто. Тогда было очень счастливое время: беззаботное, легкое, веселое. И я очень скучаю по тому времени, по своим друзьям, по нашим разговорам обо всем на свете, по нашей молодости и нашей вере во все лучшее.

В прошлом году общежитие снесли. За пару дней весть об этом облетела всех бывших выпускников юрфака, когда-то живших в нем. Бывшие студенты, а сегодня серьезные люди, известные в городе юристы, приезжали на пустырь, который остался на месте нашей общаги, как будто хотели отдать дань уважения пятаку земли. Для всех нас зеленая деревяшка была особенным местом. Не просто временным пристанищем на время обучения в университете – местом силы. Местом, где была безгранично счастливая жизнь и абсолютно безоблачное будущее. Место, благодаря которому мы – ребята из деревень и сел – полюбили Вологду всей душой и стали настоящими вологжанами, пусть и не по месту рождения, но по силе любви к городу.

Сейчас я юрист, интересуюсь также экологией, веду страницы в социальных сетях и читаю лекции, на которых рассказываю о том, как снизить свое негативное влияние на окружающую среду.

Татьяна Проничева. 2020 год

ЛЫЖНЯ ЗДОРОВЬЯ ДЛЯ ВОЛОГЖАН

Какой истинно русской души человек не хочет полюбоваться зимней красотой чистого серебристого снега, разноцветными бликами пушистых снежинок, сверкающими в лучах дневного света, или надышаться загородным душистым, елово-сосновым, немного морозным воздухом, чтобы прочистить свои легкие. Действительно, мы, северяне, с детства знаем и любим величие и красоту зимы, а из школьной программы помним: «Мороз и солнце, день чудесный!..».

Если в былые времена взрослый люд катался на тройках с бубенцами, шалил на ледяных горках, особенно в новогодние и рождественские праздники, то в век цивилизации, к сожалению, эти русские забавы практически ушли в разряд истории. Но если массовые катания необходимо организовывать и обустраивать, то индивидуальный вид зимнего отдыха – лыжные прогулки – доступен каждому. Конечно, из квартирной уютной теплой норки не каждый захочет высунуть нос после тяжелой трудовой недели, предпочитая активному отдыху телевизор или другие развлечения. Но все-таки в течение зимы многие жители города Вологды встают на лыжи и выбирают на близлежащие заснеженные просторы лесов и полей.

Как лыжник с большим стажем скажу, что в областном центре одним из интереснейших зимних прогулочных маршрутов была до 2016 года «Лыжня здоровья для вологжан» – так ее называли увлеченные этим занятием земляки. Начиналась она от стадиона «Локомотив» и уходила за Окружное шоссе в сторону известной местности Кирики. Шли туда лыжники из разных микрорайонов: Подшипникового завода, Бывалова, Завокзального, Лыскокомбината и с улицы Конева. Как правило, еще до полного рассвета насыпавшийся за ночь снежок успевали укатать и утрамбовать любители активного отдыха, уезжающие на лыжах километров за 20 или 30. Помогали им укрепить лыжню работники стадиона на снегоходах.

Известно, что лыжники – это энергичные и душевные люди. Встречаясь, они улыбнутся и обязательно уступят лыжню и, ко-

нечно же, помогут в сложной ситуации – ну мало ли, с креплением что-то не так или кто-то не слишком удачно съехал с горки. Согласимся, что на городских улицах таких благородных пешеходов не часто встретишь.

Доехав до Кириков – а это от Окружного шоссе не более двух километров – лыжники останавливались передохнуть. И повод для этого есть: ведь лыжня проходила мимо действительно исторического места рядом со старым кладбищем бывшего села Толстиково. Оказывается, возвращаясь из романтического путешествия, здесь 30 июля 1917 года в церкви святых Кирика и Иулитты венчались Сергей Есенин и его невеста Зинаида Райх. К сожалению, эта церковь ныне не существует, на ее месте поставлен большой памятный камень с плитой из белого мрамора. Если не очень морозно, то лыжники – ценители поэзии всегда подъезжали к памятнику, чтобы вспомнить полюбившиеся есенинские строки.

Из биографических статей о любимом русском поэте мы можем узнать, что обручальные кольца молодожены покупали в нашем городе, а душистые полевые цветы (благо летом их много) для возлюбленной жених рвал на поляне у самой церкви. Сегодня уже есть исторические доказательства, что свадьба известных молодоженов проходила в ресторане «Пассаж» в Вологде...

Съехав с длинной пологой горки, лыжник окажется в небольших еловых перелесках, разделенных просеками и вырубками, над которыми протянуты высоковольтные линии электропередачи. Здесь можно насладиться душистым смоляным запахом елей и сосен, а если захотите испытать себя, то можно вдоволь покататься и с крутых горок, прозванных почему-то солдатскими. Присмотревшись к этим горкам внимательнее, можно узнать высокие берега речки Шограш.

Следуя дальше, километра через три лыжники попадали к святому источнику. К сожалению, сегодня это уже сделать непросто, так как пару лет назад построена и пущена в эксплуатацию объездная дорога через Вологду.

На источник вологжане ехали не просто так, а чтобы испить и набрать в бутылки целебной ключевой водицы. Ежегодно в праздник Рождества Христова источник освящали представители Вологодской епархии. Хозяин-арендатор этого святого

места – Соколов Николай Александрович, добрейшей души человек. С помощниками он срубил небольшую часовенку, в которой размещается колодец. Там же вывешен сертификат от уважаемых служб контроля с указанием целебных свойств водицы. А еще Соколов построил навес со столом и скамейками для отдыхающих. Специально для гостей он кипятил пару десятилитровых самоваров. В благодарность за прекрасную прогулку и «лыжный труд» вологжане здесь баловали себя ароматным горячим чаем.

Каждый год в праздник 23 февраля на традиционный ежегодный лыжный переход, организованный клубом и городской ветеранской организацией, выходили сотни вологжан. Причем каждый мог выбрать для себя лыжную трассу по силам и по душе. Взрослые с малышами катались по лыжне, проложенной по стадиону «Локомотив» и в полях за Осановской рощей. Бывалые лыжники проходили дальше – через урочище Кирики-Улиты. После мероприятия всех зарегистрированных лыжников хозяева «Лыжни здоровья» угощали чаем с пирожками, баранками и сладостями. Кроме того, каждый лыжник получал памятное свидетельство с указанием километража, который он проехал.

Зимой 1975 года группа любителей лыжных прогулок впервые проложила в этих местах общественную лыжню. Однако сильным лыжникам эта дистанция показалась короткой. Из года в год ее удлиняли: сначала до деревни Криводино Грязовецкого района, а потом и дальше. Инициативу лыжников поддержали в те годы областной и городской спорткомитеты. Постепенно стали организовано проводится и лыжные переходы на 20, 30 и даже 40 километров. В первом из них участвовало лишь 37 человек, а уже в 2005 году – более 100.

Но, увы, время не стоит на месте. Последний председатель совета клуба «Лыжня здоровья для вологжан» Николай Солдатов радовался, что с каждым годом на проторенной лыжной трассе, особенно в выходные дни, было много молодежи, мужчин и женщин разных возрастов и семей с детьми. Но все же основной тон на лыжне задавали ветераны-пенсионеры. Несмотря на солидный возраст, они проявляли бодрость, энергию, даже морозы за минус двадцать их не пугали.

*Автор у стенда «Лыжня здоровья для вологжан»,
на котором отмечается километраж,
пройденный ее участниками. 2015 год*

В основной костяк коллектива клуба входили достаточно опытные люди – крепкие, имеющие за плечами весомый трудовой стаж работы. Были среди них и уважаемые ветераны – те, кто застал в юные годы тяжелое военное лихолетье. Среди них Иван Васильевич Булдаков – участник Великой Отечественной войны. Кто-то может и не поверить, но этот бодрый ветеран-лыжник, даже когда ему было почти 90 лет, ежедневно выходил на лыжню и проезжал по 5–10 километров. Это был достойный пример для тех, кто привык проводить свободное время лежа на диване.

Согласно положению о лыжном клубе, в нем существовало разделение по возрастным группам: работающие лыжники до 60 лет, ветераны до 70 лет и старше 70 лет. Председатель клуба вел учет пройденных километров каждым участником «Лыжни здоровья»

и ежемесячно вывешивал итоги на стенде, установленном на десятом и двадцатом километрах лыжной трассы, а также в вестибюле здания ДЮСШ стадиона «Локомотив».

Нельзя не вспомнить добрым словом создателя «Лыжни здоровья» Бориса Анатольевича Соловьёва. В течение 35 лет он был не только организатором, но и душой клуба. К сожалению, в 2010 году его не стало, но память об этом неординарном, любившем жизнь человеке ветераны лыжни сохраняют и сегодня, посещая его могилу на Пошехонском кладбище.

Как правило, по окончании лыжного сезона, а это бывало, в зависимости от погоды, где-то в середине апреля, наиболее активных участников «Лыжни здоровья» чествовали представители власти. Долгие годы это мероприятие проводил бывший председатель областного спорткомитета Виктор Некрасов. Среди последних подарков, которые лыжникам вручал Александр Груздев – начальник Управления физической культуры и массового спорта Администрации города Вологды, – запомнились настенные часы с надписью: «ЛЫЖНЯ ЗДОРОВЬЯ».

Действительно, это название было оправдано не только километрами трассы, но и внутренним настроем всех участников клуба. Ведь любой лыжник, даже без опыта, мог подтвердить, что разогретое в движении тело получает дополнительную энергию, которой с лихвой хватает, чтобы укрепить свое душевное и физическое состояние на целую рабочую неделю.

Мы, участники «Лыжни здоровья для вологжан» с грустью вспоминаем свой дружный и полезный клуб. Жаль, что он не получил дальнейшей поддержки от администрации города и распался в 2016 году.

Елена Анатольевна Узорова

ВОЛОГДА – ЧИСТЫЙ ГОРОД

Я работаю заведующей общежитием Вологодского колледжа технологии и дизайна. Терпеть не могу, когда мусорят, и сама

не люблю мусорить. Нигде, тем более в моей родной Вологде. Буду носить в карманах билетки, фантики и прочие бумажки, пока не встречу урну. Но все-таки был в моей жизни случай, за который мне не стыдно, хоть и связан он с загрязнением берега реки в публичном историческом месте почти в центре города.

Дело было в 1991 году. Я влюбилась. Сильно. Мне захотелось с этим парнем провести всю оставшуюся жизнь – стирать ему рубашки, готовить завтраки-ужины и иметь ребенка, непременно сына, и чтобы на него был похож!

Но был у этого человека один недостаток! О ужас! Он курил! Сами понимаете, сказать ему об этом у меня не было ни единого шанса! На кону стояли завтраки, рубашки и сын! Я решила терпеть. Обычно терпеть по жизни у меня вообще не получается – никак. Сразу табло на лбу высвечивается с подробным изложением моих претензий. Ну так вот, на следующий день после нашего знакомства и моей скоропостижной любви прогуливаемся мы вдоль реки по Советскому проспекту. Тем для разговоров – не переговорить! Даже если день был не солнечный, вокруг нас было светло. Это я светилась от чувств! Приближаемся к Петровскому домику.

– Зайдем в сквер?

– Давай!

Постояли, полюбовались на речку... Людей рядом много, гуляют теплым летним вечером... И вот он достает сигареты... Я терплю. Табло светится.

– Тебе не нравится курение?– спрашивает он.

Как сказать ему, что я вообще не переношу табачный дым. Что задыхаюсь, что ненавижу всех, кто курит при мне... Кроме одного, конечно! Удивительно, но он умел читать на моем табло!

– Если хочешь, я брошу!

– Да, очень хочу!

Он смял пачку «Мальборо» («Мальборо»! Целую почти пачку!) и бросил ее с берега в реку Вологду, за Петровским домиком. И потом мы целовались. Через три месяца мы поженились, и у нас родился сын.

На первой странице его медицинской карты написано: «Отец не курит».

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА ПЕРЕСТРОЙКИ

Мы приехали в Вологду в марте 1991 года. Нас было четверо: я с женой, теща и наша четырнадцатилетняя дочка. Мы покинули большой красивый город Гомель в Белоруссии, который уже стал нам родным, но Чернобыльская катастрофа сделала его опасным для проживания. Кроме того, шли разговоры, что Белоруссия собирается отделиться от России, а мы по рождению и воспитанию были люди русские. Жена была родом из Череповца, у нее было много родственников в Вологодской области.

На вокзале нас встретили и отвезли в гостиницу (бывшую обкомовскую), что на улице Козлёнской. Было утро, светило яркое солнце, на улицах лежал свежий, ослепительно белый снег, казалось, жизнь начинается сначала, с чистого листа.

В Гомеле мы с женой работали в университете, у нас были ученые степени, поэтому нас охотно взяли преподавателями в Вологодский пединститут – меня на кафедру физики, а жену на кафедру русского языка. Вскоре мы перебрались в общежитие для преподавателей – четырехэтажное старинное здание, с виду добротное, но внутри изрядно обветшавшее. Расположено оно там, где Золотуха впадает в реку Вологду.

Перестройка в стране было трудным временем для большинства россиян. «Несчастлив тот, кому пришлось жить в эпоху перемен» – эту китайскую мудрость мы проверили на себе.

В Вологде многие промышленные предприятия приостановили работу из-за отсутствия заказов, работников увольняли. По домам ходили женщины, работницы текстильного комбината, с пакетами постельного белья, предлагали купить. Зарплату им выдали не деньгами, а собственной продукцией. По лицу их было видно, что им стыдно.

Ректор нашего института старался заботиться о своих сотрудниках. Зарплату мы получали почти без задержек, хотя в других учреждениях города так было не всегда. Вспоминается, как в институт привезли мешки с сахаром и устроили продажу в одной из аудиторий. Преподаватели с мешочками смиренно стояли в очереди.

Помню, теща дала мне свои талоны и удостоверение ветерана войны с просьбой сходить в специальный магазин для ветеранов, где можно было купить гречку, сыр, творог. Я пошел на улицу Авксентьевского, где находился этот магазин, но попал в перерыв. Там стоял народ, я занял очередь и решил немного прогуляться. Меня догнала женщина: «Давайте ладонь, я вам напишу номер очереди», – она стала слюнить химический карандаш. Мне стало не по себе, в голове промелькнули кадры из фильма о блокадном Ленинграде. «Не надо, я и так запомню», – крикнул я и поспешно удалился.

Удивил нас магазин «Ткани» на улице Мира. В большом зале работали только два отдела: в одном, предъявив паспорт, можно было купить какую-то мелочь в качестве подарка на день рождения, а в другом отделе, по предъявлении свидетельства о смерти, продавали ткани для похорон.

На улице нередко встречались мужчины и женщины в резиновых сапогах и с рюкзаком за спиной. Нам объяснили, что это вологжане направляются на свои дачи или возвращаются назад. Огород был важным подспорьем для семьи. Ехали дачники на автобусе, на поезде, на пароходе. Личный автомобиль был большой редкостью.

Мы заметили, что у вологжан характер сдержанный, терпеливый, и вообще здесь живет народ крепкий, не такой избалованный, как столичные жители. Особого уныния среди вологжан я не замечал. Зимой дети с радостными криками катались с горок, а из окна общежития мы видели множество лыжников, лихо бегущих по замерзшей реке. Я и сам любил лыжи, однажды в 30-градусный мороз прошелся по реке до Прилук и назад.

Реформы были нужны стране, но делать их надо было с умом, постепенно. А наши реформаторы сначала довели народ до нищеты, потом решили мгновенно перейти от социалистической экономики к капиталистической. Началась приватизация государственных предприятий. Всех граждан объявили собственниками, каждый получил соответствующий документ – ваучер. Цена каждого ваучера формально была очень высока, однако ловкачи скупали их у населения по дешевке. Голодный народ отдавал их за гроши. В итоге новоявленные бизнесмены стали владеть богатством огромной страны. И все это делалось под вопли о русском фашизме.

Мы тоже поддались на дешевую уловку. Некий бизнесмен с говорящей фамилией Неверов, но с приятной наружностью и бойкой речью рекламировал свое предприятие, которое якобы занимается строительством домов и в обмен на ваучеры надевает квартирами. Мы, измученные жизнью в общежитии, ему поверили и обменяли свои бумажки на липовые акции. Однако предприятие как в воду кануло.

Одураченный народ терпеливо переносил перестройку, изо всех сил стараясь выжить в условиях бешеной денежной инфляции. Серьезный бунт поднялся только в Москве осенью 1993 года. Страна была на грани гражданской войны, но в этот раз Господь нас помиловал. Потом до конца 90-х годов шли кровавые разборки среди тех, кто успел хапнуть жирный кусок российских богатств, но дальше локальных бандитских перестрелок дело не пошло.

В Вологде, да и во всех российских городах, появилось много бомжей. И неудивительно, ведь теперь квартиры стало можно приватизировать, то есть сделать своей собственностью, и продавать. Пьяницы или просто обманутые люди остались без жилья. По утрам несчастные бродяги приходили к мусорным бакам как на работу. Грелись в подъездах, на вокзале, отдыхали на скамейках в парках, на автобусных остановках. Жизнь их была коротка, они замерзали, отравлялись денатуратом и просто умирали от истощения. В стихах замечательного поэта Владимира Кострова есть такие строки:

*Сварен суп, пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек...*

Итоги перестройки были печальными. Массовая культура стала примитивной и бесстыдной, уровень нравственности большинства населения упал. Кто-то из писателей-патриотов на этот счет сказал примерно так: «Железный занавес между Россией и Западом исчез, но сколько нечистот сразу потекло к нам с Запада!».

В вологодской газете «Городок» предлагают свои услуги потомственные колдуньи, ворожеи, гадалки, астрологи и просто представители женского пола.

В вологодских книжных магазинах практически исчезла научная литература, ее место заняли книги по колдовству, магии, хиромантии, астрологии и прочие лженаучные сочинения.

В школах с подачи «доброжелателя» Сороса появились новые учебники истории, в которых искажается роль нашей страны так, чтобы навсегда отбить у детей чувство патриотизма.

Мы жили в общежитии до декабря 1993 года, пока не получили небольшую трехкомнатную квартиру, в которой живем по сей день. Это была последняя квартира, которую институт давал своим сотрудникам бесплатно. Нам без очереди поставили телефон, поскольку теща имела льготы как ветеран войны. Иногда жители нашего подъезда приходили к нам звонить: разговаривали с родственниками или вызывали врача, а бывало, и милицию.

Недалеко от нашего дома находилась Осановская роща – замечательное место для прогулок. Оттуда шла дорожка (а зимой лыжня) к пригородным дачам и красивым местам, называемым Кирики.

* * *

Помимо забот о хлебе насущном, в людях пробуждались духовные потребности. Теперь можно было не скрывать свою веру в Бога. Без Бога жить человеку трудно: можно потерять совесть, нравственность, любовь к людям, к Отечеству.

В старину Вологодская область славилась множеством святых угодников и обилием богато украшенных храмов. В год нашего приезда в Вологде были только два действующих храма: собор Рождества Пресвятой Богородицы возле Горбатого моста и церковь Святого Лазаря на Горбачёвском кладбище. Мы с женой и дочерью стали прихожанами этой церкви.

Удручало, что большинство храмов в Вологде стояло закрытыми, иногда полуразрушенными, иногда занятыми светскими учреждениями. История церковей заинтересовала меня, я понемногу доставал соответствующую литературу, в свободное время ее изучал и узнал много нового.

Яростное наступление на Церковь началось в 1929 году, когда из столицы на места была отправлена подписанная Кагановичем директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации остались единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. В апреле

1929 года в Москве прошел Всесоюзный съезд безбожников, на котором приняли документ «О решительном наступлении на позиции церковников». Глава Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский (Губельман) провозгласил: «Борьба против религии – это борьба за социализм».

В Вологде в 1929–1930 годах было закрыто 32 храма. Запретили колокольный звон, прошла шумная кампания по снятию колоколов и их сдаче в металлолом. Всего осталось четыре действующих храма, и только два из них принадлежали традиционной, «тихоновской» Церкви. В мае 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», цель которой провозгласили так: «К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на территории страны». К середине 1930-х годов антирелигиозная кампания достигла апогея. Каждый раз накануне большого православного праздника по городу разъезжал грузовик, в кузове которого находились комсомольцы из Вологодского общества безбожников. Карикатурно одетые в рясы и камилавки, с приклеенными бородами и с кадилами в руках, они кривлялись, изображая церковную службу. Атеистические статьи появлялись чуть ли не в каждом номере областной газеты. Широко распространялся журнал «Безбожник». В школах проводились уроки атеизма. В библиотеки поступали списки запрещенных книг, в которых числились произведения Платона, Канта, Толстого, Достоевского. На концертах декламировали глумливые стихи Демьяна Бедного. Вместо обычной семидневной недели вводилась пятидневка, в которой воскресенье переставало быть выходным днем. На верующих оказывалось сильное давление: над ними смеялись, их клеймили позором, увольняли с работы.

Такая политика властей давала свои плоды: к середине 1930-х годов в храмах преобладали пожилые, неработающие люди, в основном женщины. Священнослужители становились изгоями в обществе. При виде священника или дьякона, идущего по улице, мальчишки начинали улюлюкать, а могли и закидать грязью или снегом. Теперь прихожанам приходилось сопровождать своих батюшек.

Однако в 1937 году власти стали сворачивать идеологическое наступление на Церковь. Во-первых, в то время бого-

хульство отрицательно воспринималось на Западе, например, в Англии запретили ввозить из России журнал «Безбожник», а большевики прислушивались к мнению Запада. Кроме того, писатели-безбожники, в своих опусах очерняя Церковь, очерняли и русскую историю, а это противоречило новой установке властей – воспитывать в народе патриотизм. Известно письмо Сталина Демьяну Бедному, в котором «вождь народов» резко одернул слишком ретивого богоборца.

Но самое главное, что подвигло большевиков приостановить шумную антицерковную кампанию – это перепись населения 1937 года. Она дала неожиданные результаты: в пункте анкеты «Отношение к религии» большинство граждан, несмотря на угрозу преследований, признали себя верующими. Сталин приказал аннулировать результаты переписи. Многие переписчики были репрессированы. Властям стало ясно, что информационная борьба с верующим народом не дает результатов. Было решено прибегнуть к привычным для большевиков мерам – репрессиям...

Вологодское управление НКВД прочно заняло территорию бывшего Свято-Духова монастыря (сейчас от монастыря осталось только одно здание, а на монастырском кладбище теперь стадион). Получив указание из столицы, управление заработало в лихорадочном темпе. Вот краткий отчет за один месяц.

«Раскрыта монархическая организация «Объединение русских офицеров». Арестовано 33 человека.

Выявлена организация правотроцкистского толка. Арестовано 65 человек, в том числе нарком лесной промышленности Иванов и секретарь Вологодского обкома партии Рябов.

Раскрыты вредительские организации на водном транспорте, на других предприятиях Вологодчины.

На Сокольском целлюлозном заводе арестовано 16 рабочих. Они высказывались против стахановского движения, против займов, клеветали на Сталинскую конституцию, ставили задачу вывести из строя оборудование завода.

Обнаружено, что в Вологде свила гнездо большая фашистская организация преподавателей, инженеров, техников. Арестовано 69 человек. Все они разоблачены как немецкие шпионы или как диверсанты.

В Вологде разоблачена монархическая организация духовенства. Имелся подпольный центр, состоящий из членов епархиального совета. Арестовано 89 человек».

Всего из 214 арестованных 167 человек приговорили к высшей мере, остальные получили большие сроки. В мае 1938 года были репрессированы жены «врагов народа».

В книге «Доверено охранять Отечество», вышедшей в Вологде в 2008 году в честь юбилея ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ, сообщается, что в период 1937 – 1940 годах вологодским управлением НКВД было арестовано 10 405 человек, что составляло около трети взрослого населения города Вологды.

Все репрессированные органами священнослужители и другие, невинно осужденные граждане, а также их семьи были реабилитированы в 1990-е годы за отсутствием в их действиях состава преступления.

К настоящему времени Русской Православной Церковью канонизировано 19 новомучеников и исповедников Вологодских. В их память 16 июля совершаются богослужения в храмах Вологодского благочиния.

* * *

На наших глазах храмы в городе возрождались благодаря хлопотам священников и пожертвованиям верующих людей. Однако не все люди это одобряли, иногда возникали препятствия.

Главный корпус педагогического института, где я работал, находился рядом с Кремлёвской площадью. Это большое старинное здание, в котором до революции было государственное учреждение, называемое «Присутственные места». Рядом находилась церковь Покрова Пресвятой Богородицы, называемая в народе Покрова на Торгу, поскольку вблизи находился рынок. Церковь давно была закрыта, в ней находился склад пединститута. Глава Вологодской епархии епископ Михаил тщетно просил руководство пединститута вернуть епархии это здание. Категорически возражала заведующая хозяйством института, утверждала, что другого места для институтского имущества нет.

Почти каждый день верующие с протоиереем Василием Павловым собирались у закрытого храма и ходили вокруг крестным ходом с молитвенными песнопениями. Это хорошо

просматривалось из окон нашего института. Однажды и мы с женой присоединились к этому крестному ходу. В конце концов начальство уступило народу: нашли, куда вывезти старый хлам, а церковь вернули епархии. Сейчас это один из самых посещаемых храмов в Вологде.

Похожая история была и с церковью Александра Невского, расположенной на Кремлёвской площади. Там много лет была лыжная база, зданию потребовался серьезный ремонт. Спустя годы настоятель храма отец Андрей Пылёв со смехом рассказывал, что до сих пор забывчивые лыжники приходят сдавать лыжи...

Приезд в Вологду патриарха Алексия в 1992 году вдохновил православный народ. В 1990-е годы открылось немало храмов: Покрова на Козлёне, Андрея Первозванного, Николы во Владычной Слободе, Николы на Глинках. Был открыт и Спасо-Прилуцкий монастырь, который до этого был музеем.

Губернатор Подгорнов хорошо относился к Православной Церкви. Он разрешил епископу Михаилу открыть в Вологде духовное училище. Его выпускники шли служить в храмы, открывающиеся по всей Вологодской земле.

Среди преподавателей нашего вуза верующих людей было немного. Хорошо уже и то, что отменили такую учебную дисциплину, как научный атеизм. Ведь любой мыслящий человек не станет противопоставлять науку и религию, поскольку у них совершенно различные цели. Наука изучает устройство материального мира, а религия отвечает на важнейшие для человека вопросы: в чем смысл жизни и как надо жить.

По инициативе профессора-историка Александра Васильевича Камкина и епископа Вологодского Максимилиана образовалось общество «Согласие», в рамках которого проводились конференции и совместные встречи вузовских преподавателей, школьных учителей и священников Вологодской епархии.

Особенно ярко запомнилось, как первый раз праздновали День Вологодских святых. Солнечный июньский полдень, воскресенье, городские улицы заполнены народом. Крестные ходы движутся к Софийскому собору. Православный люд, отстояв Литургию в своих храмах, шел тожественно и радостно, с пением тропарей, с хоругвями и иконами в руках. Шли посередине улицы в сопровождении милицейских машин с мигалками.

Вся Кремлёвская площадь заполнилась народом. На высоком крыльце Софийского собора епископ Вологодский Максимилиан служил молебен. Прозвучало и, подхваченное огромной людской массой, раздалось над древней площадью и понеслось к небесам:

– Все святые, в земле Вологодской просиявшие, молитесь Бога о нас!

И в молитве этой слышалась надежда и упование на то, что страшные времена не вернуться, что не начнутся новые гонения на христиан и что спокойным будет течение жизни в тихой Вологде.

Елена Владимировна Пологих

Я СТАЛА ВОЛОГЖАНКОЙ

В Вологду из Белоруссии я приехала с родителями 14 марта 1991 года. Когда уезжали из Гомеля, там было довольно тепло, вроде бы и снега уже не было, а приехали в Вологду – здесь легкий морозец и очень снежно.

Мы должны были поселиться в общежитии пединститута на улице Лермонтова 9, но комнаты были еще не готовы, и нас поселили в обкомовскую гостиницу на улице Урицкого. Жили мы там недели две. Везде был дефицит товаров, а в столовой при гостинице кормили прекрасными недорогими обедами, на которые приходили работники администрации и жильцы гостиницы. На выходные столовая закрывалась, готовить было негде. Но мир не без добрых людей. Сердобольная горничная приносила нам квашеной капусты. А мамина коллега по институту, известный ученый-филолог Юлия Ивановна Чайкина, приглашала нас на домашние обеды.

Наконец мы заселились в общежитие, нам дали две смежных комнаты. Расположение дома было прекрасное: центр города, возле реки. Однако бытовые условия были для нас непривычны. В общежитии был общий коридор, общая кухня, общие умывальники и туалет. Не было горячей воды, не было ванны, душа.

Лена Пологих (Яцкевич). 1991 год

И последующие почти три года, которые мы жили в общежитии, каждую неделю мы ходили в баню на улицу Мира или в душевые на улицу Горького. Белье мы ходили стирать в Дом быта, где были стиральные машины, а также устройства для быстрой сушки и глажки белья. Этот Дом находился напротив универсама, сейчас в этом здании расположен банк.

Когда мы приехали в Вологду, заканчивалась третья четверть. Я училась в девятом классе. В Гомеле в школе я изучала испанский язык, в Вологде испанского нигде не было, пришлось быстро переучиваться на английский, начала им заниматься еще в Гомеле. Отец повел меня устраиваться в школу. Меня приняли в школу № 2 на Первомайской. Школа по сравнению с Гомельской показалась мне очень маленькой, домашней. Английским языком я занималась с репетитором – преподавателем из института, которую нашла мама. Что интересно, она была настоящей колоритной буряткой, и папа шутил, что я буду говорить на английском с бурятским акцентом. Эта преподавательница иногда устраивала для студентов занятия, посвященные буддизму.

Когда мы жили в Белоруссии, и родители, и я любили читать книги Василия Белова, а красивая книга «Лад» стояла на почетном месте в книжном шкафу. В вологодской школе я села за парту и подружилась с одной девочкой. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время я узнала, что она – родная племянница знаменитого писателя, а также что в нашей школе работает учительницей его супруга и учится его дочь! Помню еще, ходили с отцом на встречу с Василием Беловым в Дом политпросвещения на улице Батушкова. Мне было очень интересно, что писатель, чьи книги мне были известны с детства, был так близок.

В 90-е годы в образовании начинались эксперименты. Когда мы переходили в десятый класс, нам сказали, что можно отказаться от изучения определенных предметов (одного-двух). Я отказалась от химии, так как совершенно ее не понимала. А кто-то отказывался от УПК, и тогда освобождался целый день. УПК – это учебно-производственный комбинат, где давались основы профессии. Наша школа относилась к УПК на Советском проспекте, сейчас там детская художественная школа, а до революции была торговая школа. В УПК я получала профессию секретаря-машинистки. На занятиях наблюдалась такая картина: в классе сидели человек 15 девочек и быстро стучали по клавишам печатных машинок. От УПК нас водили на экскурсии для профориентации. Помню, повели на обойную фабрику, которая находилась в бывшей церкви Кирилла Белозерского в Рощенье. Там нам показывали, как делают обои. Сейчас эта церковь восстанавливается, там проходят службы.

Я часто ходила в библиотеки, в основном в юношескую, на проспекте Победы, реже в Бабушкинскую. В библиотеках в то время было очень много народу, в основном молодежи. Любила бывать в книжных магазинах: «Дом книги», «Источник», «Букинист». Недавно они бесследно исчезли.

Когда мы приехали в Вологду, обратило на себя внимание оканье вологжан и их особенные интонации. Сам город понравился, показался небольшим и тихим. Особое впечатление произвели Софийский собор и колокольня. Чувство нереальности, остановившейся вечности возникло у меня тогда, при первом взгляде на монументальное величественное здание собора. Остается это чувство до сих пор.

Помню, побывала я на экскурсии в Спасо-Прилуцком монастыре. Тогда это был просто музей. Директором его был Андрей Пылёв, будущий настоятель храма Александра Невского, уже почивший.

Рядом с общежитием находилась лодочная станция. Помню, один раз взяли с родителями лодку с веслами и гребли в сторону монастыря. Возле Софийского собора и дальше вверх по реке был пляж, летом там всегда отдыхало много людей, купались, загорали.

90-е годы, как известно, кроме всего прочего, были временем всеобщего духовного подъема. В Гомеле мы ходили в церковь, но нечасто. В Вологде мы стали ходить с подружкой в храм каждое воскресенье. Вообще я была несколько необычным подростком: я не ходила ни на какие танцы, гулянки, вместо этого пела и читала на клиросе Лазаревской церкви. Меня окружали интересные, добрые бабушки, была и молодежь. Иногда бабушки делились своими воспоминаниями – некоторые ходили в церковь с юности, – рассказывали о старых священниках, о былых временах, но я мало что запомнила. Очень хорошо помню Толю Рыкова – местного блаженного, юродивого. Он часто бывал в Лазаревской церкви, иногда жил там в церковном доме. Собирал милостыню, покупал книжки, иконки и дарил их людям. Часто просил купить ему теплого хлеба. Ходил всегда в валенках. От него я впервые услышала слово «катанки» (валенки). Запомнились его небесно-голубые глаза.

Когда я перешла в 11-й класс, я одновременно поступила в духовное училище. Это был третий набор с момента его открытия. Занятия были три раза в неделю с 18 до 21 часов. По понедельникам мы занимались в церковном здании у кафедрального собора,

по средам и пятницам занятия проходили в 16-й школе. По средам у нас вел занятия владыка Михаил Мудьюгин, известный богослов, а в прошлом – кандидат технических наук. Его привозили, а назад ему приходилось идти пешком. Был он уже очень старый, тучный, плохо видел, но был прекрасным собеседником, поэтому учащиеся охотно провожали его до дома.

Как-то темным осенним вечером я возвращалась домой из Лазаревской церкви, шла вдоль берега реки. Когда подходила к дому Шаламова, откуда ни возьмись выскочил какой-то молодец, выхватил у меня сумочку, сбил с ног и был таков. Поднявшись, я увидела, что крепко сжимаю в руках только ремешки. К счастью, ничего ценного в сумочке не было.

В эти лихие годы перестройки бедность побуждала людей к преступлению. Конечно, не всех, а только тех безбожных людей, которые не знают, что такое грех.

Огромное место в моей жизни занимала переписка. Я была частым посетителем почты, Главпочтамта. Переписывалась с подружками из Гомеля, с сестрой и со своей крестной из Петербурга, с родственниками из Череповца. Найти письмо в почтовом ящике было для меня счастьем!

Сергей Николаевич Городецкий

ТЯНЕТ НА РОДНУЮ ВОЛОГОДЧИНУ

Мои отец и мать были родом из Кичменгско-Городецкого района. В 1930-е годы стали загонять крестьян в колхозы, начался голод, поэтому они, еще молодые, уехали вместе со своими родителями на Кольский полуостров. Обосновались в Териберке – большом рыболовецком поселке на берегу Баренцева моря. Приехали они, еще не зная друг друга, а познакомились и поженились там, на Кольской земле.

Когда началась война, моего деда призвали в армию. Он со своим взводом охранял мосты и переправы, но однажды наступил на мину, и ему оторвало ногу. Я так и запомнил его, ша-

гающего на протезе, с двумя медалями на гимнастике.

В Териберке родился мой старший брат, а в 1965 году родился я. Вскоре наша семья перебралась в городок Заполярный, вблизи границы с Норвегией. Отец работал там столяром. Короткое холодное лето, долгая суровая зима – к этому можно было привыкнуть, но родителей тянуло на родную Вологодчину.

В 60-е годы в Вологде началось жилищное строительство. Государственные предприятия бесплатно давали своим работникам благоустроенные квартиры, но ждать приходилось долго, очереди на жилье были большие. Строили также дома, где квартиры можно было

купить. Надо было внести аванс – довольно большую сумму, а затем, живя в квартире, выплачивать немалый ежемесячный взнос. К счастью, на Севере работники получали полярную надбавку, поэтому родителям удалось скопить денег, которых хватило на первый взнос. Они решили стать горожанами.

Еще до переезда в Вологду, в самом начале 1970-х годов, мы с родителями ездили в отпуск к ним на родину. Путь из Мурманска был длинный, через Вологду. Во время одной из таких остановок мы с матерью ходили в Собор Рождества Богородицы (тогда он был кафедральным). Помню, как спускались с Горбатого моста, который в те годы был короче нынешнего, шли через Богородское кладбище: тогда оно еще не было полностью уничтожено. Мне было шесть лет, запомнилась церковь, а возле нее – много крестов и надгробий.

Сергей Городецкий. 1981 год

Сергей Городецкий. 1981 год

Мы переехали в Вологду в 1973 году, мне было 8 лет, старшему брату 17 лет. Поселились в новенькой девятиэтажке на улице Герцена, в трехкомнатной квартире. Три таких высоких одноподъездных дома стояли рядом, в народе их прозвали «Три богатыря». Они заметно отличались от стандартных пятиэтажных «хрущевок». Конечно, после жизни в бараках без всяких удобств новая квартира казалась нам дворцом. Номер квартиры раздавали по жребию, нам достался пятый этаж. В этом было неудобство для стариков, потому что лифт работал не всегда, бывало, что ломался и простаивал годами.

Я учился в школе № 5, расположенной на улице Пирогова, недалеко от нашего дома. Почему-то из школьного детства мне чаще всего вспоминаются мои вредные проделки, за которые потом бывает стыдно.

В школе были стеклянные двери. Однажды, балуясь на перемене, я разбил стекло. Вызвали отца, он в тот же день вставил стекло. Такая же история повторилась еще раз, только виноватыми были мы вдвоем с моим другом. Второй раз говорить об этом родителям я боялся, придумал поступить иначе. Рядом, на улице Пирогова, строили роддом. Мы пошли туда вечером, охраны там не было, мы аккуратно достали из пакета подходящее стекло и отнесли в школу. Потом упросили школьного столяра вставить стекло.

Недалеко от нашего дома была кондитерская фабрика, она находилась во дворах между улицами Герцена и Козлѣнской. В 1979 году там случился большой пожар. Мы, любопытные мальчишки, лазали по полусгоревшему зданию, находили там

конфеты и орешки. Недавно я узнал, что фабрика располагалась в здании, где до революции был маслобойный завод известного купца, городского головы Николая Волкова.

После восьмого класса поступил в училище ГПУ № 28, окончив его, работал на заводе ГПЗ. Завод со своими цехами занимал огромную территорию. Я работал на станке, который делал кольца для подшипников.

Меня призвали в армию, служил в Карелии в пограничных войсках. Для пограничника очень важна физическая подготовка. Служить мне было легче, потому что еще в школе я начал заниматься борьбой дзюдо, посещал секцию в спортивном центре «Спектр».

Пришел из армии в 1986 году и устроился на Оптико-механический завод. Занимался сборкой приборов, работа была аккуратная, ответственная. На ОМЗ работало много молодежи. Для отдыха были созданы разные секции: горного туризма, велосипедного туризма, водного туризма. У нас сложилась компания: ходили в горы, бывали даже на Эльбрусе, сплавились по рекам Карелии и Вологодской области. Такие путешествия укрепляют физически и духовно, а главное – появляются верные друзья на всю жизнь.

Начиная с 1991 года дела на ОМЗ пошли совсем плохо: исчезли заказы, поэтому перестали платить зарплату. Я уволился и стал искать работу. Строительство, ремонт квартир – это всегда нужно людям, а этому ремеслу я научился у своего отца, поэтому без работы я не остался. Потрудившись так несколько лет и устав от тяжелой работы, я устроился водителем в частную фирму. Там я познакомился с хорошей девушкой, и через год мы поженились. Это было в 2001 году. Венчались мы в Лазаревской церкви. Помню, после ЗАГСА мой друг, следуя какой-то странной традиции, посадил меня с невестой в свою машину и повез не прямым путем, а таким, чтобы проехать через 7 мостов.

Свадьбу праздновали в столовой при администрации области, сейчас там ресторан «Верещагин». Свадьба была бурная, веселая. По шуточной традиции невесту «украли» – увели в подвал здания, а я долго искал ее в длинных переходах.

Прошло 23 года. Сейчас у нас две дочери, которые уже выхаживают «в люди». Они у нас коренные вологжанки.

*Тамара Алексеевна Трофимова
Марина Алексеевна Корюкина
Маргарита Алексеевна Лашина*

ПРОСТОЙ РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК **(воспоминания об отце** **Алексее Александровиче Богатырёве)**

*Алексей Александрович
Богатырёв.
Конец 1950-х годов*

Замечательно, что в нашем городе уважительно относятся к простым людям, которые вложили большой труд в строительстве нашего северного старинного города Вологды. Вот и мы, дочери Алексея Богатырёва, решили рассказать историю простого рабочего человека, который имел, на первый взгляд, обычную профессию – строитель-каменщик 6-го разряда, но участвовал в строительстве самых красивых и значимых зданий нашего города.

В 1928 году в деревне Кожевниково в многодетной семье родился мальчик Алексей. Его отец, Александр Александрович, воспитывал своих четырех сыновей в строгости и с детства приучал к труду. Летели годы, началась война. Алексею тогда минул 14-й год, учился

он в ремесленном училище. В трудные военные годы отправили мальчишек училища в Москву сколачивать ящики для снарядов. Вернувшись в Вологду, Алексей продолжал трудиться: сплавляли лес, заготавливали древесину.

В 20 лет был призван на службу в армию, в пограничные войска на финскую границу, в город Сортавалу. Отслужил солдат

с 1948 по 1951 год и вернулся в родной город. С 1952 года работал в строительной организации СУ-209. В 50–60-е годы наш город строился и разрастался, появлялись новые красивые здания. Приятно было осознавать, что наш отец был участником строительства исторических зданий: Дома связи, библиотеки имени Бабушкина, комплекса Областной больницы на улице Лечебной, Дома правительства Вологодской области.

Трудолюбивый, влюбленный в свою профессию человек добросовестно работал на важных стройках города. Однажды был назначен бригадиром женской бригады, передавал свое мастерство молодому поколению. Конечно, мы гордимся своим папой – человеком с простой душой, показываем своим детям и внукам здания, в которые вложен труд нашего отца.

За добросовестный труд Богатырёв Алексей Александрович был неоднократно награжден.

Елена Николаевна Васьянова

НА ПРАЗДНИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Мне захотелось вспомнить такое радостное незабываемое событие, как наши первомайские и октябрьские праздники и, конечно, демонстрации. За давностью лет многое забывается, но в памяти живет утренний аромат бабушкиных пирогов, нарядные радостно-возбужденные родители, которые выпускают меня во двор в новом красивом пальто, да и «во всем в хорошОм», как говорит бабушка, и строго-настрого приказывают не лезть в лужи.

И вот мы всей семьей подходим к месту сбора колонны треста «Вологдасельстрой». Все с детьми, нашими друзьями. В руках людей шарiki, флаги, транспаранты, бумажные цветы на ветках. Мой папа, как водится, с баяном, который очень пригодится в момент остановки колонны, когда все начнут плясать и петь частушки. А в момент движения, когда звучат торжественные марши, так здорово подпевать взрослым и духовому оркестру, кричать в ответ на призывы «Да здравствует Советская власть!»

Папы иногда куда-то отлучаются на минутку, возвращаются чуть повеселевшими, с особым озорным огоньком в глазах. После прохождения колонны перед трибунами у памятника Ленину на улице Мира, вдоволь накричавшись «ура», мы выходим на Октябрьский мост и видим, что люди кидают с моста в воду воздушные шарики, а они ведь не гелиевые, обычные, поэтому парят недолго и падают в воду. А там мальчишки на лодках радостно их подбирают.

Колонны распадаются на ручейки, семьи, компании и идут в гости в одну из семей, где вскладчину накрывается стол, а на нем вкусные блюда, гордость хозяйшек, и, конечно, тут не обойтись без пирогов. Застолье длится до позднего вечера, дети успевают набегаться во дворе и послушаться красивых взрослых песен, которые так и останутся с нами на всю жизнь.

А поздним вечером все пойдут по домам. Веселые, добродушные, часто с баяном или гармонью. А завтра вновь на завод, в класс,

Алёнка со Светланкой Кузнецовой. 7 ноября 1972 года

*С папой на праздничной демонстрации. Слева Лена Назарова,
вторая справа – Оля Короткова. 1974 год*

на ферму, в больницу... Умели люди веселиться, но хорошо знали, что делу – время, а потехе – час.

Очень жаль, что нет фото, где я на папиных плечах, или фото нашей праздничной колонны, хотя фото общей народной демонстрации, конечно, найдется в архивах, подобных «Старой Вологде». А я нашла те, которые отражают чувства ребенка, участвующего в большом общем празднике.

Литературно-художественное издание

ВОЛОГЖАНЕ О ВОЛОГДЕ

Главный редактор **Яцкевич** Владимир Антонович

*Если вы хотите поделиться историями о «своей» Вологде,
ждем материалы на адрес электронной почты eyeson@yandex.ru.*

*Мы с удовольствием опубликуем ваши воспоминания
на нашем электронном ресурсе – в группе «Держаться корней»
в социальной сети «ВКонтакте» <https://vk.com/korni35>.*

*Как знать, может быть, представится возможность
продолжить и печатную версию проекта
«Вологжане о Вологде»?*

Подписано в печать 11.04.2022. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Древности Севера»

160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48

Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru

URL: <http://drevnostisevera.ru>

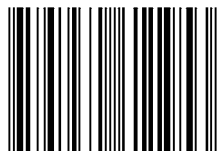
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3

Сборник «Вологжане о Вологде» – возможность взглянуть на историю города глазами его жителей, рассказывающих о том, каким он был во времена их детства, юности, каким видится им сегодня. Эта книга – признание в любви к Вологде в ее юбилейный 875-й день рождения.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей города Вологды.

ISBN 978-5-93061-195-3

9 785930 611953